

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

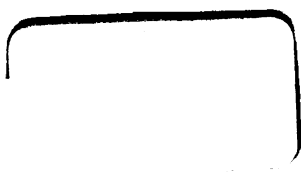
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

k,
hy

**This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England**

Скучаи, М. Д. 718713
28496
ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ
СКАЗКИ.

ЧАСТЬ III.

Изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева,

1789.

...
E
C
(

Спутник, № 11
118713
28496
ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ
СКАЗКИ.

ЧАСТЬ III.

Изданіе третіе съ поправленіемъ.

МОСКВА.

Въ типографіи Пономарева,

1789.

P63311

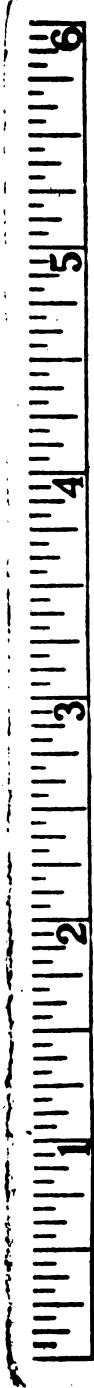
C5P4

1789

v. 3

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE

WASHINGTON 25, D. C.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Сіа часть могла бы и безъ предисловія
быть напечатана; но какъ у насъ вошло
въ обыкновеніе, что ни одна книга безъ него
не бываетъ, то я слѣдуя тому, конечно не
хочу пропустить случая сказать себя въ
вслерѣчіи, и напишу можетъ быть болше,
нежели надобно. Въ сей части не писалъ я
ни гдѣ окончанія вечеровъ; ибо разсудилъ съ
мнѣ, что это лишнее и ненужное занимаетъ
и добное мѣсто; а ежели читатель пожелаетъ,
что бы оныя были, то онъ и безъ меня
прибавлять ихъ можетъ по окончаніи каж-
даго вечера, и что онъ ни примолвитъ все
будетъ къ спанію, и все хорошо: ибо такимъ
сочинителемъ, каковъ есмь я, всякому быть
можно.

ПЕРЕСМѢЩНИКЪ,
ИЛИ
СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЬ 31.

Похожденіе Алима и Аскляды.

Аскалонъ, какъ скоро услышалъ
сіе спенаніе, то потчасъ оп-
скачилъ опъ дерева, члены его
ощъпенѣли и сдѣлаася онъ не-
подвиженъ, чудное сіе приключеніе при-
вело его еще въ большій безпорядокъ. На-
конецъ перемогая себя и собравъ почти

Часть III.

А

уже поперяжныя силы, спрашивалъ кто произнесъ сіе сшешаніе? Я, отвѣчалъ дубъ истомленнымъ и означающимъ послѣднее издыханіе голосомъ, пренесчастливое созданіе изъ всего смертнаго рода. Успокойся незнакомой чужестранецъ, и не удивляйся сшоль много шакому чудному превращенію, чшо видишь передъ собою словесное дерево; свирѣрѣное несчастіе, продолжалъ онъ, ежели распворишь на кого алчныя свои челюсти и начнешь пожирать его благополучіе и спокойствіе, шо не шолько въ дерево, но и въ презрѣнную всѣми какою ишбудь вещь превратишь его можешь. Сія несносная кора заключаетъ въ себя обладашеля многими народами, именемъ сшасштливаго Государя; но бышемъ сшешащаго павшика, человека произведеннаго на свѣшъ вкусишь въ великія благополучія; но немилосердымъ рокомъ сверженнаго на дно бѣдъ и ошчаянія. Вся жизнь моя естъ собрание мученій, или шоль страшный часъ, копорой ошверзаешь намъ двери гроба. Я всякую минушу умираю, но немилосердая и забывшая меня судьба не лшзаетъ послѣдняго издыханія.

Аскадонъ естѣлибы не чувствовалъ самъ въ сіе время великаго несчастія , что конечно бы не могъ имѣть никакого о немъ сожалѣнія ; ибо сердца мѣ наполненнымъ злосцію и ненавистію не свойственно нимаѣйшее соболѣзнованіе: но изспоящая и собсшвенная бѣда доволѣло имѣетъ силы, чшобъ умягчить варварскую и звѣрскую свирѣпость. Тронувшись нѣскольکو шѣми ошчальными и доспойными сожалѣнія словами, просилъ онъ превращеннаго Государя, чшобъ указалъ ему свои приключенія не для шого, чшобъ прійши обѣ немъ въ сожалѣніе , но единсшвенно для свѣденія всей великой силы несчастія. Я сіе охотно исполню, отвѣчалъ несчастливой владѣшель ; ибо находяся здѣсь цѣлой годъ во образѣ дерева, въ первой разѣ вижу передъ собою человека, и для шого съ превеликимъ удовольствіемъ извѣсню тебѣ все мое несчастія :

Я называюся Алимъ , владѣшель двухъ великихъ оспрововъ Млакона и Нія, лежащихъ въ семъ Варяжскомъ морѣ. Происхожденія моего ни я самъ, ни подданные мои не знаютъ; ибо, какъ слышаваютъ , послѣ великой бури кашли

меня въ объятіяхъ мершвой женщины выкинутого съ нею на берегъ: я былъ тогда еще младенецъ, и какого роду, шого узнашь никомъ образомъ имъ было не возможно; женщина же по платью казалась Азіатка. Знашныя господа шѣхъ оспрововъ приняли о воспитаніи моемъ великое попеченіе, и содержали меня весьма великолѣпно; ибо по прореченію боговъ долженствоваль шомъ бышь у нихъ Царемъ, кошораго они найдущъ выкинутого къ нимъ на берегъ; по шому чшо княжеское мужское поколѣніе прервалось смерцію владѣшаго передъ симъ Государя, кошорой скончался не имѣвъ мужскаго пола дѣшей. Когда же спалъ я понимать, шо опредѣлили ко мнѣ учители весьма разумныхъ и совершенныхъ людей, кошорые вкореняли въ меня починеніе къ Богу, любовь къ добродѣтели и снисхожденіе къ народу; учили правамъ гражданскимъ, воспановленію благополучія общесшва, военнымъ упражненіямъ, и словомъ, всему шому, чшо принадлежитъ до Государя, изъ чего не шрудно мнѣ было понимать, чшо я назначенъ ими къ сей высокой степенни. Пришедши въ совершен

ной возрастѣ, увидѣлъ я оупъ ихѣ великое къ себѣ почтеніе, и для того старался содержать себя всегда въ границахъ благороднаго поведенія; оказывалъ всякому, что я его почипаю больше, нежели онѣ меня, къ чему и природное челонѣколюбіе меня привлекало, приносилъ за все мою имѣ искреннюю благодарность, и старался предупредить всякаго униженія. Къ неопытному моему счастію судьба просвѣтила сколько мой разумъ, что я осмѣливался давать наставленія въ гражданскихъ поведеніяхъ, и въ томъ, что касалось до всего общесства, и къ большому для меня благополучію совѣщанія мои и наставленія всегда имѣли благополучіемъ увѣнчанное окончаніе. Народъ всѣхъ степеней почувствовалъ ко мнѣ великое усердіе и любовь; все единодушно желали мнѣ перваго въ свѣтѣ счастія, и не было у нихъ ничего такого, чего бы они мнѣ въришь не хотѣли. Все дѣла, суды и предпріянія безъ моего вѣдома не производились въ дѣйство, и что я опредѣлялъ, то почипали за свято: ибо по природной моей добродѣтели присирасшія во мнѣ никогда не бывало. Наконецъ

всѣ охотно возямѣрились возвесити меня на пресполѣ, исполнитъ волю боговъ, вручитъ свое благополучіе въ собственное мое произволеніе, и покорилъся власти моей безъ всякаго о томъ сомнѣнія.

И пакъ въ учрежденной на то день собрались всѣ жители сшолчнаго города на назначенное имъ мѣсто, куда ожидали моего прибытія въ превеликой шпшннѣ и благочиніи. Какъ скоро появился я въ собраніе, то опредѣленной провозглашашель именемъ всего народа вручилъ мнѣ царскую власшь, и послѣ въ Свѣшоридовомъ храмѣ великій перво-священникъ и все духовенство возложили на меня вѣнецъ и сдѣлали самодержавнымъ. Сія высокая степень, ошвершшая дверь къ роскоши и шщеславію, не сдѣлала никакой перемѣны въ умѣренныхъ моихъ желаніяхъ. Вкоренилось въ сердце мое шполь сильная благодарности къ возведшему на пресполѣ меня народу, что я каждаго гражданина ошб искренняго моего сердца почишалъ моимъ опцомъ, которому я былъ обязанъ рожденіемъ, воспитаніемъ и благополучіемъ; и мнѣ кажешся, что сія добродѣшель предосуждена бытъ ошб всѣхъ не мо-

жеиѣ. Всякую минуту неубыпно спарался предупреданіе всѣхъ шѣхъ надобностей, коихъ шребовались онѣ государа; прилѣжалъ больше всего искоронити изъ подданныхъ моихъ бѣдность, какъ такое чудовище, которое погубель и злоключеніе во многихъ произвести можетъ. Того ради, чтобъ не прервалось ихъ благоденствіе, опредѣлилъ я дни, въ кои должествовали безпомощные и бѣдные люди приходити ко мнѣ самому и обѣяснати ихъ надобности; и шайъ между ними находилъ я часто людей достойныхъ и надобныхъ гражданству, коихъ зависливые и сильные богачи ушѣсняли; мнѣ же собственное мое благополучіе не столько было нужно, сколько благополучіе моихъ подданныхъ. Я награждалъ ихъ по достоинству и возводилъ на причинныя имъ степени, и шѣмъ спарался пресѣчь насиліе богатыхъ. И шакъ сей миролюбивый народъ столько мнѣ сдѣлался усерденъ, что никакое другихъ обнадеживаніе, ниже прозьбы и ласкательства, ежели бы оныя онѣ когда случились, не удобны были отвращити ихъ отъ моего покровительства и при-

нудить возшати прошивъ меня и прошивъ совѣсти.

Всякое человѣческое благополучіе не что иное, какъ мечта и привидѣніе; имѣшь его удовольсвія много, но потеряшь прискорбно. Я бы до конца препроводилъ жизнь мою весьма счастливо, и никакое бы злополучіе похитишь не могло моего удовольсвія; но судьба не по желаніямъ нашимъ располагаетъ наши участи. Въ самое то время, какъ природа просвѣтила мой разумъ, вселилась въ сердце мое любовь, и начала господствовать надъ моими разсужденіями: все мое понятіе и все чувсва лицалися сладкими воображеніями, и чѣмъ больше помышлялъ я о сей сираси, тѣмъ больше дѣлался ей подвластенъ.

Послѣ покойнаго Государя осмалась дочь, именованъ Аскладъ; она шоль прекрасна, что ежелибы я имѣлъ сно языкъ, что и тогда бы не могъ извяснить тебѣ всей ея пріяшности. Судьба сдѣлала ее обладацельницею надо мною, и ошдала сердце мое прелеснямъ ея на жершву; но думаю, что сирасъ моя началась въ самой злополучный день, и

можетъ бысть прошивъ воли боговъ
 опредѣлено мнѣ было сіе счастье, что
 я послѣ дѣйствительно и увидѣлъ. Въ
 самой первой день благополучнаго мо-
 его возшесшвія на престолъ, когда дол-
 жны были подданные мои обоѣго пола
 принесли мнѣ свое поздравленіе, по
 первая вошла въ провожаніи многихъ
 придворныхъ жейцинъ Асклада; чтобъ
 сдѣлать мнѣ въ публичномъ залѣ дол-
 жное поздравленіе, и когда она славъ
 на колѣни выговаривала мнѣ оное, то
 я будучи пораженъ ея прелестями, бла-
 годарилъ ее смиренными словами. Окру-
 жающіе меня бояря подняли ее подъ ру-
 ки, а я стоялъ въ удивленіи неподви-
 женъ, и ежели бы не извѣсны были
 имъ мои свойства, то конечно бы почли
 меня гордымъ и власнолюбивымъ Госу-
 даремъ; но въ меня тогда совѣмъ про-
 шивная шому спросилъ вкоренилась:
 какъ скоро взглянулъ я на прекрасную
 Аскладу, сердце мое пронулось, и всеъ
 ми сладостями, что ни есть въ свѣтѣ,
 обѣяно было; чрезмѣрное иъкошорое ве-
 селіе и совѣмъ непонятная мнѣ радости
 привели меня въ превеликое движеніе;
 смущенные глаза мои

на ея прелесть, и всѣ желанія мои дерзнулъ къ любезному для меня предмету въ одну сію минуту вкусилъ я всѣ силы неизъясненной любовной снрасти. Наконецъ примѣпивъ самъ въ себѣ нѣкоторой отъ того происшедшій безпорядокъ, старался какъ возможно скрыть мое движеніе; но смѣшенная моя рѣчь и принужденныя изъясненія показали ясно, что чувствительное сердце мое пламялось, духъ мой возволновался, и весь я жокорился любовной снрасти. Кто можешь похвалишься въ такомъ случаѣ твердоспійю и великодушіемъ, а я не думаю, чтобы возмогъ кто превозмогати природныя и непорочныя въ себѣ волненія.

Я часто слыкалъ отъ окружающихъ меня бояръ объ Аскладѣ, щодько не имѣлъ ни позволенія, ни времени оную видѣть; нбо снрого у нихъ наблюдалось, чтобы дѣвицы, а особливо значаго роду, не имѣли никакого сообщенія съ мушчинами; они думали, что изъ того послѣдовати можеть соблазы и развращеніе жейскому полу, а о мужескомъ рязсуждали иначе, и думали что чловѣкъ въ молодыхъ дѣшахъ обращая.

ся всегда съ женщинами, позабываешь
 мужество, не радишь совсѣмъ о храб-
 росши, и чувствуешь наконецъ все шъ
 слабости, которыми подверженъ нѣж-
 ной плъ женской. Сие узаконеніе под-
 тверждалъ я сколько мнѣ возможно бы-
 ло; ибо зналъ, что разумъ нашъ скло-
 венъ больше къ поползновенію, а мысли
 къ настоящему предмету; сверхъ же
 сего человекъ избранный давань зако-
 ны не долженъ никогда развращать
 оныхъ. И шакъ первое сие свиданіе
 шолько вселило въ разумъ и въ сердце
 мое волненія, что я съ сихъ поръ ни
 одной минушы не имѣлъ спокойной въ
 моей жизни, ошдался размышленіямъ
 и различныя воображенія шоль много
 колебали мою душу, что я не могъ
 опредѣлить прямого моего желанія. На-
 ходясь въ семъ развращеніи разума, ис-
 халъ всегда уединенія; нѣкогда въ пре-
 красный день, когда уже заходило солн-
 це, пошелъ я изъ города не весьма въ
 ошдаленную ошъ онаго рошу, въ кошо-
 рой похороняли обыкновенно людей
 знапныхъ фамилій, и куда ходили про-
 гуливались наши граждане. Роша сія
 оваленная, ибо посрединѣ оной шде-

ишѣ священный дубѣ, на кошоромѣ видѣи образѣ Прове, а около его или по всей рошѣ другіе боги, помощники его владычесшеа; пришедѣ шуда по счаскїю моему, не нашелѣ я никого, выключая нѣкошорыхѣ жрецовѣ, кошорые однако скоро возвратились вѣ городѣ ошправя шунѣ нѣкошорыя не публичныя жершвоприношенїя. И шакѣ находяся шунѣ одинѣ, и сыскавѣ удобное кѣ шому мѣшю, ошдался полкому размышленїю, вѣ кошоромѣ препроводилѣ время не менѣе, думаю, какѣ два часа, понїомѣ пришло на меня ужасное забвенїе, и чувешвовалѣ, чшо нѣкошорый священный востпорїѣ поколебалѣ мою душу и совѣшмѣ разсыналѣ ешпешшвенныя мои мысли, вѣ одну минушу все вѣ глазахѣ моихѣ переменилось, ужасная мгла покрыла шю мѣшю, кѣ кошоромѣ я находился, возшшли умѣренныя вѣшры, и вмѣшшо сильнаго бушеванїя паносили нѣкошорую прїяшшосш колебанїемѣ деревѣ слуху, и мнѣ смущенному казалось, чшо вся обильная природа произносила шода зромашѣ и всякїа благоуханїя; я думалѣ, чшо восшщенѣ во обшшаднїце боговѣ, а будучи недосшонїѣ зрѣшѣ ихѣ

образа, пребываю покрытъ по соизволенію ихъ симъ мракомъ. Члены мои охладѣли, природа взволновалась и послѣднее разсужденіе совѣмъ меня оспавляло; пошомъ увидѣлъ воздушные огни, которые безпресшанно блисшали, и сія молнія восколебала воздухъ и произвела не сколько страшной, сколько прѣяшной шумъ; часъ ошъ часу она умножалась, и наконецъ слившись въ одно мѣсно, сдѣлала изъ себя превеликое окруженіе; вскорѣ начало попухати мѣснами яркое сіе сіяніе, показались въ ономъ различныхъ цвѣшовъ искры и удивительное сопленіе. Чѣмъ больше я всматривался въ оныя, шѣмъ больше онѣ попухали и скрывались въ облака. Вдругъ восколебался больше воздухъ, мгла усупида мѣсно сіянію, огни и облака пришедъ въ превеликое движеніе разошлись и сшали по сторонамъ; пошомъ появилась между оными блесшящая и великолѣпная колесница, везли ее по облакамъ два крылашые дракона, покрышые сѣпшии изъ прозрачныхъ и блистательныхъ каменьевъ, на головахъ ихъ были короны неописаннаго сіянія, глаза наполены были огнемъ и изъ че-

люсней вылеталъ ужасный пламень ; два крылатые купидона лешѣвъ по шпоронамъ колесницы правили сими свирѣпыми чудовищами. Множество купидоновъ открывали почную завѣсу и держащими еѣ рукахъ пламенниками помрачали оной звѣзды. Въ колесницѣ сколько великолѣпной, снѣлько и блистательной сидѣла прекрасная богиня облокотясь на край оной, руку ея поддерживали при граціи, и смотрѣли на нее со удивленіемъ ; одѣяніе ея опущено было на игру зефировъ, и она сидѣла въ одномъ только шанишвенномъ поясѣ, коморой граціи и любовь пѣлаи своими руками ко увеселенію боговъ и ко удовольствію смертныхъ ; все сіе видѣніе осмавляло Ефиръ и опускалось къ тому мѣсшу, гдѣ я въ смущеніи и удивленіи находился.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЬ 32.

Продолженіе походовеній Алима и Асклады.

Колесница находилась уже близко меня , и всшалъ еѣ великимъ подобо-

спрастѣмъ и ожидаѣ или окончаїя привидѣнїю, или ушверженїя истинны, ноги подо мною дрожали и сердце нахотилось въ великомъ движенїи. До сего времени не знаѣ я, сколь ужасно взирашь на богевъ, когда они въ самомъ величїевъ своего могущевъ; но тогда уразумѣѣ, что люди, возшедше на высокую шепень, кажущя неприступными бѣднымъ, а передъ богами и обладатели народомъ бывающъ ничто. Богинина колесница осшановилась, и она сошедъ на землю сѣлала мнѣ снїзходншельное привѣшсшвїе, подобно какъ мать любви своему любовнику, и взявъ меня за руку повела передъ образъ Проновъ. Какъ шолько пришли мы передъ него, то вдругъ испуканъ обѣяшъ былъ небеснымъ огнемъ, и послѣ онаго началъ имѣшь живосшь и движенїе. Богиня приклонивъ голову въ знакъ повиновенїя, начала говоришь: Великій Прове! другъ Перуновъ и мой любезнѣйшїй родншель! я ошкрываю шебѣ мою сшрасшь, и знаю, что сїя слабосшь не прилична безсмершной; но мать любви Лада не шолько, что смершными владѣшъ, и мы не рѣдко покаряема сѣ власш.

Часть III.

Б

Я чувствую склонность въ сердце моему къ Аллему, и прошу тебя, мой родственель, чтобы ты позволилъ мнѣ съесть и сею смершнаго принялъ въ собственное швое покровишельство. Потомъ заприаслась земля, священнй дубъ поколебалъ своими вѣтвями, и я услышалъ голосъ Пророка, коимъ произносилъ сн слова ко мнѣ: благополучный Государь и пресчастливый изъ всего смершнаго рода человекъ, я повелѣваю тебѣ бышь послушнымъ волѣ моеи дочери, и чтобы ты не равнялъ смершную съ безмершной, оставь склонность швою къ Аскладъ и въ самомъ началѣ старайся не приближь ко оной пламени: ежели же будешь ты преслушенъ, то истремишь все въ свѣшъ несчастнй, и наконецъ превращенъ будешь въ посвященное мнѣ дерево. По окончанн сн словъ богиня расшалаея со мною, показавъ мнѣ шоликое же шизхождение, и свини въ колесницу скрылась въ облакахъ. Препроводивъ ее изъ глазъ моихъ съ великимъ почтенемъ и подобостраштемъ, оснчался я еще въ большемъ смущенн, и думалъ, что все се шиднне представилося мнѣ, какъ сонъ

въ забвеніи моего разума и въ превеликой мещройности волнуемой во мнѣ природы; не зналъ, чему приписать сіе приключеніе, и для того старался поскорѣе всего успокоить мое сердце, и послѣ искалъ въ себѣ приключеніи шайны.

Долго бы я находилась въ себѣ забвеніи, ежели бы Прово повелѣніе не насалось до Асклады; желая успокоить мое сердце, еще болѣе всколебалъ его сею моею мыслію. Возможно ли, говорилъ я самъ въ себѣ, истребить мнѣ и о неѣ моей памяти, что совершѣ уже находящая не въ моей власти? Боги, властни ели надъ нами, оскройше мнѣ зеніе сію шайну и ваше произволеніе, а безъ того разумъ мой неудобенъ постигать сію неизвѣстность! Я помню, что я человекъ, и шайъ долженъ желанію вашему повинуваться. Произнося сіи слова, признаюсь шебѣ, неизвѣстный мнѣ чужестранецъ, что сердце мое не было согласно съ моимъ звыкомъ; я мысленно вознамѣрился прощившись въдѣ боговъ и не ошешавши ошѣ любовнаго моего намѣренія. Въ себѣ случаѣ въ первой разѣ добродѣтель моя сирядла, и любовь господешчовала надъ моею честью, разсужденіемъ и пошунками.

Мрачная ночь снимала уже темный покровъ съ неба, свѣшозарный и благо-клонный богъ Свѣшовидъ надѣвалъ уже блестящій свой вѣнецъ и готовъ былъ освѣщать землю, тогда я спѣшилъ оставивъ съе мѣсто и прійти въ городъ, какъ возможно, скорѣе; но нечаянная встрѣча удержала меня въ моемъ пуши. Я уже почти выходилъ изъ роши, какъ увидѣлъ человека, котораго видъ принуждалъ меня бытъ ему покорнымъ. Онъ былъ украшенъ сѣдиною, но благородная бодрость, какъ мнѣ казалось, никогда его не покидала, черны чела его означали въ себѣ иѣчно божественное, роснъ и осанка соответствовали опымъ, плашье на немъ было изъ чистой волны и опирался на жезлъ изъ бѣлой слоновой кости. Сопеднился со мною, говорилъ онъ мнѣ, Алимъ, ты просилъ у боговъ исполковашеля шой шайны, которая по волѣ ихъ въ всю ночь была шебъ показана, для шого взялъ я изъ славы Перуновой, съ посвященнаго ему осирова, которой ебъ шо время поколебался, когда Перунъ въ первой разъ прінялъ на себя образъ человеческій, и съ шѣхъ поръ островъ сей плаваешъ не

водамъ. Я воли его провозвѣстникъ и
 исполковашель посылній всѣхъ боговъ;
 что шебѣ сомѣнно показалось въ про-
 реченн Проновомъ, то значилъ сѣ:
 великая богиня, Пророва дочь, почув-
 ствовала къ шебѣ склонность, и не
 хотѣла имѣти совѣшницею Асклѣ-
 аду, и сѣя наченная въ шебѣ ко оной
 шраситъ прошивни богамъ и весьма вред-
 на подданному швоему народу. Ты не
 можешь предузнавать будущаго, и шакъ
 ославляй оное богамъ и покарайся ихъ
 воля. Асклѣада чувствуваетъ къ шебѣ не-
 извѣстную любовь; но ты удайся
 оныя, какъ шакого яда, копорой во весь
 твой вѣкъ сдѣлаетъ шебя несчастнымъ.
 Выговоривъ сѣ пошелъ онъ меня въ спо-
 рону, и вскорѣ скрылся изъ моего виду.
 Въ превеликомъ замѣшательствѣ воз-
 вращился я въ городъ, и весь шпошъ
 день сидѣлъ уединеннымъ, превозмогалъ,
 сколько могъ, мою шраситъ къ Асклѣадѣ;
 но напрасно шпался выгнать ее изъ
 моего сердца, ибо она уже господство-
 вала мною безиредѣльно. Я вознамѣрилъ-
 ся не видать ее никогда; но не чурши-
 вительно съ шого дня бывалъ съ нею
 вавсегда вмѣстѣ въ угодность всѣмъ

моимъ придворнымъ; а чинящъ иуще вселишь въ меня неограниченную любовь, въ нѣкоторой день предложили они мнѣ о женитьбѣ. Все согласны были и починяли себя за счастье, чинобы я взялъ за себя Аскладу, какъ шаковую дѣвицу, кошорая происходивъ оишъ княжеской крови, и имѣишъ больше всехъ права быти учащицею въ моемъ владѣнии. Чшо надобно было мнѣ ошѣвчашъ на сѣе предложение? Воли боговъ ошкрыишъ мнѣ имъ было не возможно, а показашъ на шо мое несогласіе, сердце мое и мысли запрещаали; сверхъ шого народная оишъ шого погибель смущала мое пониміе, и я не инаковымъ шогда показался, какъ будшо не понимаю ихъ предложения. Все сдѣлались шѣмъ не довольны; хоня мнѣ онаго и не показывали, однако думали, чшо я получивъ царскую власишъ начинаю пошунашъ по моимъ прешрещіямъ.

Бейгамъ, первой Минисиръ, чрезъ нѣсколько времени примѣшивъ во мнѣ ужасное смущеніе, и желалъ, какъ возможно, освободитъ меня оишъ онаго, предпріялъ узнатъ мои мысли, и послѣ подашъ мнѣ пошребные къ шому совѣшны. Оишъ былъ весьма разуменъ и прозорливъ,

набоженъ и посюженъ, и для сихъ похвальныхъ преимуществъ отличалъ я его отъ прочихъ. Онъ нашедъ меня нѣкогда въ уединеніи, старался какъ возможно выведать мои мысли, и сильно убѣждалъ меня своею прозвбою, что я открылъ ему мое видѣніе и все принадлежащее къ оному; выслушавъ все у меня, нѣсколько онъ усумнился, и послѣ говорилъ мнѣ шакъ: Великій Государь! хотя весьма не приспойно провинишься воля боговъ; но сіе ихъ опредѣленіе, мнѣ кажется, подвержено нѣкошорому неприличному имѣ приспрашнью: ежели вы сочтаетесь бракомъ съ Аскладою, изъ сего можно предвидѣть пользу, а не вредъ народу; а совокупленіе ваше съ богиней не можетъ подать намъ никакого прибышка. Я не знаю, можетъ ли и погрѣшаю моимъ мнѣніемъ, что начинаю совѣтовать вамъ противное воля богининой; а чтобъ не получились намъ за сіе жестокаго наказанія, шо надлежитъ ошвернить все храмы и приносить во оныхъ большія жертвы къ умилченію божекаго гивеа; ежели оныя возвѣмлюшъ, во время сей жертвы будемъ просить о сочтаниіи

Б 4

вашемъ съ Аскладою, ибо сіе намъ не обходимо должно исполнить. Я на сіе согласился, и приказалъ гошовишь жершву; сію бѣлыхъ и чистыхъ воловъ изгошовлено было для сего, и мы положили, чшобъ каждой день по яши оныхъ возлагашь на жершвенникъ Проновъ.

Въ самой первой день по разсмотрѣнію внушренности жершвеннаго скопца, объявилъ мнѣ первосвященникъ, чшо онъ усмоцрѣлъ великія замѣшашельсшва къ моему и народному благополучію, и чшо есшть туцѣ нѣчшо шакое, кошорато онъ и весь духовной чинъ пропикнушь не можешъ; чего ради совѣшшовали мнѣ, какъ возможно усерднѣе умилошшявляшь боговъ, и просишь ошкрытїя неизвѣсшпой моей судьбины. Все меня смущало и все шшаралось безпокоишь. Наконецъ я началъ задумывашься и шеряшь здравое мое разсужденіе; Бейгамъ видя мое ошчашнїе, предпрїялъ увеселяшь меня различною полевою охошою, кошорая мнѣ необходимо пошребна была въ шакое мое ш разврашное ш сосшоянїи. Въ нѣкошорой день должны были мы по необходимости ночевашь на полѣ; при восхожденїи солнца по-

ѣхали снова поднимать звѣрей; находясь въ семь упражненій, не знаю какимъ образомъ пошерялъ я всѣхъ моихъ людей, и не находилъ къ городу дороги, часа съ два ѣздилъ я по лѣсу, наконецъ увидѣлъ превеликаго и чуднаго кабана; щетина на немъ была золотая, и пала съ него шогда, когда онъ бѣжалъ весьма скоро. При мнѣ было копье и лукъ со стрѣлами, и для шого не опасался я сразиться съ нимъ, пустилъ коня моего во весь опоръ, чтобъ догнать звѣря, кошорой какъ будто бы нарочно не хотѣлъ скрыться изъ моихъ глазъ. Онъ взбѣжалъ на превисокую гору, на кошорую на конѣ мнѣ вѣхаться было не возможно; шого ради слѣзъ я съ него и пошелъ пѣшкомъ; взошедши на гору весьма поспѣшно, не видалъ уже я болѣ шого вепря; и какъ осматривался на всѣ стороны, то вдругъ поднялась ужасная буря, пошомъ превеликой и гусшой облакъ подхватилъ меня и поцесъ по воздуху. Сие чрезъ-есшешвенное приключеніе вселило въ меня превеликую робосшь, и вскорѣ пошѣшался я въ разумъ, и шакъ воздушной сей пушью совсѣмъ мнѣ былъ не из-

гвѣшеніѣ. Наконецъ ужасной шумъ и шумъ тяжелыхъ цѣней, кошорос все мнѣ слышалось издалека, прекратили мое забвѣніе; страхъ мой увеличивался ошчасу болѣе, и пришелъ пошомъ въ совершенство, когда увидѣлъ я, что облакъ несенъ меня на нѣкошорой, малой ошпоровѣ, на кошоромъ видны мнѣ были двѣ горы преужасной вышины; облакъ спустившійся при подомѣ оныхъ на землю, разошелся подъ моими ногами, и я увидѣлъ себя въ прешрашномъ и въ забышномъ природою мѣстѣ, все казалось мнѣ необычайно, все бездуннаго вещи и сама земля приносила ужасной шумъ.

На всемъ шпомъ шрашномъ ошпоровѣ не было ни одного дерева и никакой травы, земля казалась камнемъ и была весьма бѣлая, по серединѣ ошпорова сподли двѣ горы, кошорыхъ вершины доходили до облакъ и клонилися другъ къ другу. Между ими видна была неизсѣдованная бездна, опверсеніе кошорой шривывали великіе висащіе изъ горъ камни; въ ней слышенъ былъ шакій шумъ, что я не находилъ подобнаго въ природѣ; ежели бы шрашной громъ гре-

мѣлъ безпрестанно, но и потѣ, мнѣ
вѣжися, не могѣ бы сравниться съ ре-
вомъ исходящымъ изъ сея пропасти.

ГЛАВА III.

В Е Ч Е Р Ъ 33

*Продолженіе похождения Алимана
и Аскіады.*

В скоромъ времени изъ той пре-
спрашной пещеры съ великимъ шре-
мениемъ вылетѣлъ весьма чудной чело-
вѣкъ; положеніе его шѣла во всемъ бы-
ло подобное нашему, за плечами имѣлъ
большія крылья и весь покрывъ былъ
бѣлыми перьями, на головѣ его волосы
были весьма кудрявые, и спояли на по-
добіе безпорядочно вклокоченныхъ, въ
рукахъ вынесъ онъ шапку, у которой
одна сторона была голубя съ вышн-
шими золотыми звездами, а другая
бѣлая, на коей изображено было солнце
съ полными лучами; подошедъ ко мнѣ
изъявлялъ свое учившееся шѣлодвиже-
ніемъ, по чему я узналъ, что онъ не
разумѣлъ моего языка; надѣлъ на меня
ту шапку, и взявъ за руку поднялся

на воздухъ и со мною вмѣстѣ. Въ семъ воздушномъ пупи находился мы весьма мало времени, и я увидѣлъ себя на островѣ, кошорой былъ совсѣмъ первому не подобенъ; здѣсь природа сохраняла всѣ свои сокровища, солнце освѣщало сіе мѣсто плодшворными лучами, и подъ симъ счастливымъ небомъ казалось мнѣ, раждалось все человеческое благополучіе; ибо нашелъ я пущь всѣ таинства природы, порядочное шеченіе солнца, луны и звѣздъ, согласіе стихій, и словомъ, все прекрасное шроеніе, превосходящее всю вселенную.

Островъ сей былъ не весьма шрошраненъ и весь обнесенъ высокимъ берегомъ изъ Паріоскаго бѣлаго мрамора, кошораго никогда не дерзали очернишь мушныя морскія волны; на оградѣ сего берега поставлены были различныя и удивительныя статуи; за оными видѣнъ былъ рядъ лавровыхъ деревьевъ, кошорыя представляли собою посвященную богамъ рощу, и казались, какъ будто бы въ сію минушу превращенная Дафна получила побѣду надъ Аполлономъ, защищая свое дѣвство. Проводникъ мой оставилъ меня на приспани, по споро-

намъ коея лежали двѣ превеликїя спашуи, изображающїя рѣки; онѣ опиралися на большїя искривленныя раковины, изъ конхъ нещекала прозрачная вода, и казалось какъ будно бы оная дополняла великое море; морскїе львы и другїя разнообразныя и удивительныя водяныя чудовища стояли на веходѣ по порядку. Вошедъ на островъ увидѣлъ я прямую дорогу, кошорая вела къ великолѣпному зданїю; оное было грошъ, какъ я уже увѣдалъ послѣ. Какъ скоро предсхавился глазамъ моимъ сей невоображаемый предметъ, то столь великое вселилось въ меня удивленїе, что принужденъ я былъ осхановннхся. Зданїе сіе посхавлено было въ половину круга, и ошъ обѣихъ концовъ поднималось къверху, шакъ что казалось пре-высокою горою. Стѣны его расщеплены были разнаго цвѣта блестящими раковинами и камешьями; съ самой вершины въ каналъ по просхраннымъ золошымъ скашамъ на подобїе лестницы низидала прозрачная вода, кошорая казалася чище, нежели Аврорины (*) слезы; оного

(*) Славян почитали за ихъ боговъ весьма великую честию; а на укр шнше какъ нибудь мѣста устробляли шхъ, жшперыхъ

омывался поснавленныя внизу Дельфины. По сторонамъ шель скаловъ казались плавущими внизъ Нерейды съ королевскими въ рукахъ вѣнками и съ переплѣщенными жемчугомъ волосами; по срединѣ стремлени воды находились три Ахилсовы дочери въ шомъ образѣ, въ коемъ онъ осмаленъ побѣждены плѣнемъ Музъ, по совѣту царицы б. говѣ Юноны. Годъ водою сдѣланные органы предсказывали шочно, какъ будто бы онъ воспѣвали сладоснымъ голосомъ божески дѣла и ихъ могущество. За Сиренами следовалъ чудной мореккой полубогъ Тритонъ; грудь его покрыва была мореккою шравой, а по шраму чреву падала вода съ сѣдой его и мокрой бороды, въ королевскомъ вѣнкѣ, имѣя въ рукахъ извѣсную раковину изъ подобие большаго рога, въ которой онъ предвозвѣщавшъ притесненіе мореккаго бога. За нимъ съ узкой вершини казалась плавающая по водамъ позлащеная колесница; она сдѣлана была изъ превеликой раковины, запряжены въ ней были почищали истредеи итки. И такъ Адамъ г. веря объ украшеніи, долженъ и шр шино представляяшъ чужидъ боговъ, хотя въ случа онъ ихъ почищали.

два морскіе свирѣныя коня, кошорые вмѣсто духа непускали изъ челюстей едую клубомъ пѣну, и имѣли мѣдныя ноги; а въ ней сидѣлъ повелитель морамъ, и зиждичель снѣвъ Троянскихъ. Долгую его и бѣлую бороду, смѣшенную съ серебромъ, развѣвали девице въ его владѣніе вѣтры; держалъ онъ въ рукахъ серебряную просеконѣйную острогу, и казалось, какъ будто бы оно поверзася онъ морскую бездну. По правую его сторону предшавалъ былъ Гаявковъ хоръ, и все чудное Форково вѣнчиво; по лѣвую лежащая спокойно на валахъ Фенида, Мелина и другія богини. Позади повелителя морамъ видны были прекрасныя Наяды. Серебряныя ихъ волосы покрыты были шришниковыми вѣнками, и лежали онъ облокотясь на урны, изъ кошорыхъ вытекающая вода струями стремилась по въ Посидонову колесницу. Не едъ грешомъ на возвышенномъ мѣстѣ видѣвъ былъ тусной кучарникъ, подъ кошорымъ лежала складная швломъ Аранка; по чему я узналъ, что эта сторона греша лежала къ Югу.

Обошедъ на другую сторону, увидѣлъ я положеніе его во всемъ подобное первому, только были шумѣ другіе знаки: на верху сшоялъ крылатой Сапурнѣ; сѣдые его волосы покрывалъ вѣнокъ, сдѣланной изъ молодыхъ фиговыхъ и виноградныхъ вѣшнѣей, кошорыхъ черныя и бѣлыя ягоды предшавляли день и ночь; въ рукѣ у него была коса, а въ другой несочные часы и свернувшаяся кольцомъ змѣя; по сторонамъ внизъ сшояли чешыре времена года: Весна, въ вѣнкѣ изъ цвѣшовѣ, держала корзину, исполненную непоблеклыми цвѣшами, въ бѣломѣ одѣяніи и въ зеленой епанчѣ, на коей видна была разная зелень; а вокругъ се лешали забавы и веселія, и шѣмъ показывали, что вся природа обновлялась. По другую сторону лѣшо, вѣнчанное колосами, въ бѣломѣ плашьѣ и въ золошой манши, въ рукѣ держало серпѣ. Подлѣ весны находилась пресшарѣлая зима, окушанная овечьєю кожею въ вѣнкѣ, сдѣланномѣ изъ древесныхъ вѣшнѣей, съ кошорыхъ опали лисшы; подлѣ се сшояла жаровня, наполненная горячими углями. Лѣшо преслѣдовало осень въ видѣ Бахайки

обрызганной винограднымъ сокомъ ; къ
 головѣ ся былъ вѣнокъ изъ винограда,
 и изъ егожѣ грозда выжимала она сокъ
 въ превеликую чашу ; плясье на ней
 было пурпуровое. Потомъ сшоялъ дву-
 личной Январь, имѣющій сшарое и мо-
 лодое лице. Сшарое означало прошедшій
 годъ, а молодое пасшупающій. Февраль
 имѣлъ на себѣ одѣяние синее, подвязан-
 ное поясомъ. Маршъ сшоялъ одѣшый
 въ волчью кожу, и держалъ въ рукахъ
 сосудъ съ молокомъ. Апрель, любимецъ
 Венеришъ, увѣнчанъ былъ мирною и
 весь украшенъ различными цвѣтами.
 Май, наперсникъ Урани, въ длинномъ
 одѣяніи въ широкихъ рукавами, въ ру-
 къ держалъ корзину со цвѣтами, а въ
 другой имѣлъ цвѣшокъ, кошорой онъ
 безпреспанно шохалъ; подлѣ ногъ у не-
 го видѣнъ былъ павлинъ. Нагой Июнь
 показывалъ рукою на солнечные часы,
 а въ другой держалъ зажженной факелъ.
 Безобразной и изсохшій онъ солнце
 Июль держалъ корзину съ шелковичны-
 ми ягодами; а рыжіе его волосы связа-
 ны были соломиною. Августъ нагой,
 мучимой всегдашнимъ зноемъ, держалъ
 переъ ушима большую стеклянную

Часть III.

В

чашу съ чистою ключевою водою въ одной рукѣ, а въ другой опахало, сдѣланное изъ многихъ павлиновыхъ перьевъ. Подлѣ винной кадки стоялъ Септійбрь, и держалъ въ лѣвой рукѣ ящерицу. Октябрь, обвѣщенный разными бишыми шищами, опирался на сосудъ, наполненный пѣнующимся виномъ; подлѣ ногами у него лежалъ зашправленой заецъ. Ноябрь, имѣющій лысую голову, въ бѣломъ полошянномъ плашьѣ, опирался о жершвенникъ, на кошоромъ лежала голова дикой козы; по чему казался Жрецомъ Египетской богини Исиды, а въ рукахъ держалъ онъ Сисифъ. Посвященной Веспѣ декабрь въ невольническомъ плашьѣ, имѣалъ въ рукѣ зажженной факелъ. Всѣ сѣи мѣсяцы были съ крыльями, изъявляя шѣмъ, что они никогда оиѣ крылатшаго времени не ошывшавали. Еще сихъ преслѣдовали дочери Юпитера и Фемисы: онѣ имѣли бабочкины крылья, и держали въ рукахъ солнечные и другіе часы. Передъ сей же стороною груша видѣнъ былъ Африкаецъ съ калчагомъ и съ лукомъ гонящійся за звѣремъ. Сіе означало, что она лежала на Западѣ.

Любопытство мое ошѣ часу умно-
жлось, и я предпріялъ обойти кругомъ
весь еиошѣ удивительной грошѣ. Третья
и вошомѣ четвертая сторона, кошорую
я послѣ сей обѣясню, были подобны
первымъ, шо ешѣ, вода шекла по ша-
кпмѣ же скашамѣ; а знаки были изъ
всѣхъ особливые. На вершинѣ сей спо-
роны казалась нѣсколько возвышенная
и сирашная гора. На ней сидѣлъ угрю-
мой богѣ вѣшровѣ, въ одной рукѣ дер-
жалъ скипенѣрѣ, кошорой означалъ без-
предѣльную его власшѣ въ природѣ; а
другую ударялъ копьемъ въ гору, ко-
шорая казалась разсѣдающеюся, и буд-
шо бы шпремлялись ошшуда буйные вѣш-
ры, и гошовы были, распространяясь по
землѣ и мо ямѣ, произвешѣ ужасную
бурю, покрышѣ небеса мглою, изъ ясна-
го дня сдѣлашѣ мрачную ночь, и при-
ключашѣ шпрахѣ и ужасѣ смершнымѣ.
У ногѣ его сидѣлъ весьма безпокоюшѣся
ошѣ шуму Лакіонѣ; а по другую спо-
рону Хамелеонѣ, надѣ головою видѣшѣ
былъ паряшѣй вверхѣ орелѣ. Пошомѣ
внизѣ по скашамѣ находилась безпокой-
ные вѣшры. Изъ образовѣ ихѣ видѣшѣ
было можно, что они находили въ шомѣ

удовольствіе, чтобъ опровергнутьъ всю
 вселенную. Сердишой и крылашой Бо-
 рей, сынъ Ашрѣевъ и Герибринъ, слѣ-
 дую за Аквилономъ, закрывалъ лице свое
 епанчею, чѣмъ изъяснялъ безмѣрную свою
 скороснь. Предъ нимъ стояли по сто-
 ронамъ прекрасныя его дѣвщи, кото-
 рыхъ Орифя родила съ позволеніемъ
 благосклонныя природы. Лазоревые
 длинныя ихъ волосы перебирались по
 золотой чешуѣ, которая покрывала ихъ
 спины; крылья за плечами и на ногахъ
 дѣлали ихъ украшеніемъ природы. Авро-
 ринъ сынъ Зефиръ, живошворятель
 цвѣтущаго и плодовъ, украшенъ былъ
 вѣнкомъ изъ разныхъ и прелестныхъ
 цвѣтшвъ. Крылья его находились рас-
 простерты, и казался онъ лепящимъ
 въ прѣшныя Елисейскія долины. Сихъ
 преслѣдовали сивихи, крылашая послан-
 ница Юнонина подъ развѣваемымъ по-
 крываломъ, имѣющая у ногъ своихъ
 орла. Пронинъ се же весьма на высокомъ
 пригоркѣ лежала прекрасная Няда: изъ
 головъ у нее былъ вѣнецъ изъ шросп-
 ника, серебряныя ея волосы лежали по
 плечамъ, опиралася она локтемъ на
 урну, изъ кошарой исцѣкала ярозачная

вода; у ногъ ея находился Дельфинъ, Передъ Ирисою видѣнъ былъ Вулканъ, стоящій между циклонами. Лице его казалось красно, шакъ какъ бы освѣщено было огнемъ, поддерживали его двѣ волошья служанки, а у ногъ его лежала Саламандра. По другую сторону сидѣла великолѣпная женщина, увѣнчанная цвѣтами; въ рукахъ имѣла рогъ изобилія, наполненной цвѣтами и плодами; подлѣ ея стоялъ левъ, копорой лѣ ей посяминушно ласкался. Передъ всѣмъ внимъ стоялъ на пѣдесталѣ Анландецъ; оной казался окруженъ весьшемъ и снѣгомъ. На сей споронѣ сверху вода имѣла сильное стремленіе, шибъ чего казалось, что предположенные пуши въпры, и самъ свирѣпой ихъ по велишель, производили ужасной шумъ, и возмущали воздухъ.

На самомъ верху четверной спороны, кошорая имѣла видъ горы прорицапїя, видѣнъ былъ Апполоиъ, посреди девяти музъ, въ лавровомъ вѣнкѣ: въ рукахъ онъ держалъ лиру, коя согласіе какъ людей, шакъ и боговъ въ восхищеніе приводишъ. Подлѣ его лежалъ кадчанъ и свирѣлы, то славное

оружье, которыми онъ убилъ пресираш-
маго Пнеона, и поразилъ Циклоповъ,
кои ковали великому Юпитеру сирѣлы
на пораженіе Фебова сына Ескулапія.
Подъ ногъ его лежалъ посвященной ему
левъ; круглое его рыло, свѣшлые глаза
и грива, лежащая по обѣимъ сторонамъ,
изображали солнце съ полными лучами.
Надъ головою Апполлоновою лежалъ раз-
новидный и плѣняющій взоръ Амуръ,
красотою котораго не только люди,
но и боги безпрестанно любовались. Онъ
готовился подать богу свѣща Амвросій,
дабы онъ помазалъ свои ушна и освѣ-
щалъ бы землю. Быстрой и крылатой
Пегасъ казался лещащимъ съ горы во
всю страны свѣща. Ниже, важная и
благородная Европа сидѣла на пушкахъ;
на головѣ ея блещущій шлемъ укра-
шенъ былъ бѣлыми перьями, въ золо-
томъ кирасѣ, котораго задъ покрывала
желтая маишя. Въ одной рукѣ держала
она скипетръ, а въ другой роуъ изоби-
лія; по сторону стоялъ не обузданный
конь, а по другую лежали книги, зна-
мена, шлемы и щиты. На другой сто-
ронѣ прошивъ ея бока пославлена была
гордая и суровая Азія; на головѣ ея

бѣлая чалма съ желтыми полосами, обыкновенная по мѣсямъ цаплиными перьями, плащъ голубое, сверхъ короткаго желтая епанча; въ одной рукѣ держала она сосудъ съ благовонными зельями, а въ другой щипъ съ прибитою луною. Передъ нею лежали литавры, барабаны, сабли, луки и стрѣлы, а по сторонѣ ея стоялъ верблюды. Передъ Европою стояла черная Африка: надъ нею видѣнъ былъ подсолнечникъ, ошъ чего казалася она вся въ шѣни. Она была по поясъ нагая; на рукахъ у нее жемчужныя заруканья и въ ушахъ по одной крупной жемчужинѣ. Въ правой рукѣ держала она Скорпиона, а въ лѣвой рога изобилія; подлѣ ея видѣнъ былъ маленькой слонъ. Азію преслѣдовала смуглая и свирѣпая Америка; голова ея убрана была разноцвѣтными перьями на подобіе вѣнка, и шолко одинъ поясъ изъ шакиль же перьевъ прикрывалъ ея до колѣнъ, вооружена она была лукомъ и стрѣлами; подлѣ ея видна была ящерица. Передъ сими стояла позлащенная солнцемъ колесница; въ нее запряжены уже были пламенодышущіе кони, которыхъ держали первые часы дня, и ожи-

дали Фебова пришествія. Подалъ отъ нихъ сходяль Левамецъ, освященный упренными лучами, въ рукахъ держалъ пучекъ цвѣтовъ, кощорые въ шужь минушу распусшились; а подлѣ его сшояла жаровня съ благовонымъ куренемъ; сіе означало Восшокъ.

Сверхъ всего преудивительнаго сего гроша, какъ будшобы на воздухъ носился сгущенный облакъ; на немъ видѣнъ былъ Царь и Ошецъ богсвъ. Величественное его чело покрыто было золошымъ вѣнцемъ; въ рукъ держалъ онъ Перунъ, а въ другой викишорію. У ногъ его находилъ орелъ: По правую сшорору сидѣла дочь его и Темисы, украшенная жемчужнымъ вѣнцемъ, одѣяніе на ней было фиолетовое и зеленая спанча, въ рукъ держала вѣсы, а въ другой шпагу; по лѣвую видны были дочери и подруги Венеры, богини Увѣремія, а за ними крылашые часы.

ГЛАВА IV,

ВЕЧЕРЬ 34.

Продолженіе походовеній Аліма и Алскіады.

Все сіе видимое мною великолѣпіе не уменьшало моего любопытства, но приводило его на вышнюю сцену. Разсмотрѣвъ прилжно огромное сіе зданіе, пошелъ я туда, куда стремилось мое любопытство и понуждали восхищенные мысли; и еще я полонъ былъ удивленія, какъ увидѣлъ на восточной сторонѣ оубъ гроша нѣкоторое зданіе. Оно совсѣмъ было не подобно нѣмъ, копорыя дѣлаются человѣческими руками, и должно сказать, что превосходило всѣ дѣлаемые на земли божескіе храмы. Видѣ сего прелестнаго и плѣняющаго взоръ и мысли зданія былъ круглой; золотыя столбы, и за оными лазоревыя стѣны освѣщаемы были нѣкоторымъ блѣднымъ свѣтомъ, или оубъ погружающейся въ морѣ блѣдноі лны, у копорой не видно уже ни одной оубъ, или оубъ солнца, и ое еще наход-

дясь въ прелестныхъ ифдрахъ прекрас-
 ной Фениды, вздвигаясь блестящій
 вънедъ, и прощаясь съ нею хочешь са-
 диться къ колесницу. На верьху не
 весьма съ малаго шару спремился въ
 небеса золотой Пегасъ: крылья его
 были распросершны, и находилась онъ
 Зерировъ въ движеніи. Крышка на семь
 зраиціи сноль была ала, что превосхо-
 дила всякую розу. Кругомъ на оной
 сноряли крылашые кунидоны, и держа-
 ли въ рукахъ каждой по пучку цвѣшовъ,
 кошорые казались, какъ будшо бы въ
 сшо минушу распусшились ушнвшіяся
 росы и оживошвораяся благорасшворек-
 нымъ воздухомъ, По одну сшорону не
 весьма далеко онъ сего храма видѣнъ
 былъ весьма стущенной и мрачной об-
 лакъ; на ономъ черная колесница, въ
 кошорую впряжены были двѣ совы. Въ
 колесницѣ сидѣла боиния шьмы, сшар-
 ная Хлосова дочь; у ногъ ея спали двѣ
 кунидона, кошорые представляли
 сшовидѣнїя; въ рукѣ держала она обра-
 щенной внизъ факель, кошорой сшара-
 лась погасишь. На головѣ ея былъ вѣ-
 нокъ изъ маковыхъ цвѣшовъ; черная
 ея спанча, ислещеренная звѣздами, по-

чина, а все была подобрана была въ колесницу, и казалось какъ будто бы сія богиня удалялась отъ храма. По другую сторону видна была пещера, въ кошорую казалось ни малѣйшій народнои шумъ и никакое смятеніе онаго проникнуть не могло. При опроверсши ся видны были маковые поблеклые цвѣты, съ кошорыхъ потши уже свалились листья, и оказывались маковницы, снояль шумъ изсохшій шроспникъ и другія совсѣмъ высохшія травы. Сквозь оныхъ видѣнъ былъ въ пещерѣ бранѣ смерши, снѣнъ ночи, и богъ сна въ покоѣ, кошорой лежишъ на кровати изъ Гебенова дерева; а вокругъ его лежашъ мечшанія, кошорыя поминушно принимающъ на себя различные виды. По шрешью шпорону на мягкомъ ложѣ лежалъ служитель сна, кошорой былъ весьма искусенъ предсказашъ другихъ походку, видъ, голосъ и всякія шѣлодвиженія. Легкія ихъ крылья и въ самомъ крѣпкомъ его снѣ находились въ превеликомъ движеніи; держалъ онъ маковую вѣшку въ рукахъ, и казалось, что намѣренъ былъ ею усыпить все смершное племя. По четвершую сторону, кошо-

рая была прошивъ ночи, стояла на волнахъ позлащенная Фебова колесница, въ ней впряжены были чешырекрыланыя коня, кошыры вмѣсто воздуха дышали пламенемъ и нешерпѣли-вещию. Въ колесницѣ сидѣлъ Аполлонъ въ свѣтосѣрной порфирѣ и въ блестящемъ вѣницѣ, до кошыраго не только смерпныя, но и сами боги допрынушыя не смѣли. Лучи его еще снремилися въ зенишѣ, и для шого весьма мало освѣщали шо зданіе. Вошедъ въ него, увидѣлъ я «сѣ собранныя пріятности въ одно мѣсто; шушѣ не было ни золота, ни серебра, ни драгоценныхъ каменьевъ, но простиое и прелестное украшеніе. Снѣды обвѣшаны были фешонами изъ розѣ, лилей и нарцизовѣ; прошивъ дверей подлѣ снѣны на зломѣ прешолѣ сидѣла нѣжная любовница Вишанова, окруженная купидонами, играющая розами; изъ глазѣ ея падала г зрачная вода на подобіе акашисшаго жемчугу. Подъ прешоломѣ видѣнъ былъ безобразный Тришонъ, у кошыраго изъ рта исходила ключевая вода, а изъ ноздрей самое лучшее благоуханіе. Оной испочникѣ падалъ въ превеликую жемчужную

раковину, которая утверждена была на полу. Какъ только что вснупись я въ сіе иужное зданіе, то пѣвой удивительнѣе всѣхъ предсталъ мнѣ предметъ. Двѣ прелестныя Гимны мысли въ семь фонтанъ. Онѣ были патія, не воображаемая ихъ явжисши лица и шѣла всякаго смершнаго шроушь были въ соснорянн. Онѣ находилсь шушь въ полной волѣ, и нично не преняшсшвовало ихъ онкрывшю, изѣвляали другъ другу свои мысли безъ всякаго подозрительнаго свидѣшеля; и что мнѣ показалось сверхъестешсшвейнымъ, шакъ шо, что онѣ меня увидишь не могли, хотя я и сшоялъ передъ ихъ глазами; и я уже шушь шроушь, что данная мнѣ онѣ вихря епачи была шому причиною. Онѣ играли между собою шолько вольно, и думно, что имъ и въ мысли не приходило шо, что муцнна присушсшвуешъ сѣ ними, и ешть свидѣшелемъ всѣхъ ихъ обращеній.

Когда кончилось между ими различныя забѣвы и дружескіе разговоры, которые весьма много касались до мужскаго пола, шо говорила одна другой

такимъ образомъ: Сего дня увидишь мнѣ
 на нашемъ островѣ Млаконскаго облада-
 дателя Алимъ. Я слышала Арона при-
 казывала въспрѣмъ, чтобъ оныя при-
 несла его сюда на островъ: ты повѣ-
 ришь не можешь другина моя, продол-
 жала она, сколько обладательница на-
 ша влюблена въ Алимъ. Она никогда
 не шла предъ мною своихъ предпри-
 ятій, и говорила мнѣ, что все въ свѣ-
 тѣ сокровища не могутъ ей принести
 такого увеселенія, какое она будешь
 имѣть совокунившись съ нимъ. Мы час-
 то, принимая на себя образа нѣкошор-
 ыхъ неслкомыхъ, летали на островѣ
 Млаконѣ, и тамъ цѣлую ночь препо-
 водили, подѣ кровати обладателя
 онымъ. Арона во все сии времена имѣ
 любовалась, и почитала себя выше
 всякой богини. Изпрощивъ же того не-
 годуешь всякой часъ на женщину его
 любовницу Аскладу, и всеми силами
 старался ее погубить; и оспльдишь а
 ее ошъ того не удерживала, но бы ко-
 нечно Асклада давно уже распалась
 со свѣтомъ. Когда я услышала сѣ, то
 члены мои ошѣли, и не зналъ, что
 мнѣ должно было дѣлать; однако пред-

раковину, которая утверждена была на полу. Какъ только что всунуль я въ сіе иужное зданіе, то пѣвой удивительнѣе всѣхъ предсталъ мнѣ предметъ. Двѣ прелестныя Гимны мысли въ семь фонтанъ. Онѣ были патія, не воображаемая ихъ явжисши лица и шѣла всякаго смершнаго шроушь были въ сосноянн. Онѣ находилсь шушь въ полной волѣ, и ничто не преняшисшвовало ихъ онкрышшо, изъвляли другъ другу свои мысли безъ всякаго подозрительнаго свидѣшеля, и что мнѣ показалось сверхъесшесшвейнымъ, шакъ шо, что онѣ меня увидѣшь не могли, хотя я и шноялъ передъ ихъ глазами; и я уже шушь шрошкъ, что дайная мнѣ онѣ вихряшшч была шому причиной. Онѣ играли между собою шолько вольно, и думаю, что имъ и въ мысли не приходило шо, что мушнна приушсшвуешъ съ ними, и ешъ свидѣшелемъ всѣхъ ихъ обращеній.

Когда кончались между ими различныя забавы и дружескіе разговоры, которые весьма много касались до музыкального пола, шо говорили одна другой

такимъ образомъ: Сего дня увидимъ мы на нашемъ островѣ Млаконскаго обладателя Алима. Я слышала Аропа приказывала вѣнрамъ, чѣмъ оныя принесли его сюда на островъ: ты повѣришь не можешь другина моя, продолжала она, сколько обладательница наша влюблена въ Алима. Она никогда не плакала предо мною своихъ предприятий, и говорила мнѣ, что всѣ въ свѣтѣ сокровища не могутъ ей принести такого увеселенія, какое она будешь имѣть совокупившись съ нимъ. Мы часто, принимая на себя образа вѣнокоторыхъ насекомыхъ, летали на островъ Млаконъ, и тамъ цѣлую ночь проводили, подлѣ кровати обладателя онымъ. Аропа во всѣ сии времена имъ любовалась, и почитала себя выше всякой богини. Напрошивъ же того негодущъ всякой часъ на возлюбленную его Аскладу, и всеми силами стараясь ее погубить; и оспльишь я ее оиъ того не удерживала, но бы конечно Асклада давно уже разсыпалась со свѣтомъ. Когда я услышала сѣ, то членъ мой оиѣмъли, и не зналъ, что мнѣ должно было дѣлать; однако предъ

раковину, которая утверждена была на полу. Какъ только что всунулъ я въ сіе иѣжное зданіе, то пѣвой удивительнѣе всѣхъ предсталъ мнѣ предметъ. Двѣ прелестныя Уим'ы мысля въ семъ фоншанѣ. Онѣ были катя, не воображаемая ихъ яѣжнотни лица и шѣла всякаго смершнаго шронуть были въ соснотви. Онѣ находилась шунѣ въ полной волѣ, и ничто не преняшшвовало ихъ онкрѣшшо, изѣвляли другѣ другу свои мысли безъ всякаго подозрительнаго свидѣшеля, и что мнѣ показалось сверхъестешвейнымъ, шакѣ шо, что онѣ меня увидѣшь не могли, хотя я и шюялѣ передѣ ихъ глазами; и я уже шунѣ прошикѣ, что данная мнѣ онѣ вихрешшч была шому причинною. Онѣ играли между собою шюлько вольно, и думаю, что имѣ и въ мысли не шло шо, что мушнна присушш съ ними, и ешѣ свидѣшелемѣ ихъ обращеній.

Когда кончались между ии личныя забавы и дружескіе разгворы которые весьма много касались шескаго пола, шо говорѣла одна,

пріялъ благодарить невѣдомую мою
 благодарительницу, чшобѣ шѣмѣ лучше
 спасти жизнь какѣ мою, такѣ и Асклі-
 адину. Какѣ шолько выговорилѣ и си-
 слова: богиня ты, или Нимфа, шо
 вдругѣ онѣ чрезвычайно испугавшись
 закричали самымѣ ужаснымѣ голосомѣ.
 Въ одну минушу увидѣлъ я передѣ со-
 бою превеликаго Исполниа, которой не
 говоря мнѣ ни слова взялъ страшною
 рукою поперегѣ, и понесѣ меня въ не-
 извѣстную дорогу; пришедѣ къ преве-
 ликому дереву, которое покрывало со-
 бою и своими вѣтвями не малую часть
 земли, пославилѣ меня на камень и
 сналѣ сѣ грознымѣ видомѣ спрашивать,
 какимѣ образомѣ нахожусь я на его осѣ-
 рову? А какѣ узналъ онѣ меня, что я
 и самѣ шого не понимаю, шо ударилѣ
 весьмѣ сильно ногою въ землю, кото-
 рая вся поколебалася подѣ нами; а
 страшное шо дерево начало пожимать
 свои вѣтви; и наконецѣ увидѣлъ я,
 что вершина онаго досязала до
 облаковѣ. Тогда же сдѣлалася ви-
 дѣнѣ намѣ корень онаго дерева, шо
 Исполнѣ махнулѣ рукою, и расворилѣ
 ужасную подѣ онымѣ пещеру, въ ко-

шорую немедленно приказалъ мнѣ итти. Какъ скоро я въ нее вснупилъ, то опровершилъ: ея шощасъ зашворилось, и я сшалъ окруженъ и покрышь землею: вселилось въ меня превеликое опчааніе, и я сшолько сдѣлался тогда малодушенъ, что непременно пожелалъ искашь моей смерти. Все способы мнѣ представлялись къ опчаянтію у себя жизни, и орудія къ тому были готовы; но не знаю, что то не поняшице препансшвовало моему намѣренію, и удерживало уже внесенную руку къ цѣлительной вѣчности; судьба опредѣляющая намъ жизнь, всегда владеешь нами.

Когда я былъ еще въ самомъ великомъ смятеніи, то слышалъ, что земля поколеблалась, пропачишь сдѣлала опроверженіе, и шощъ же Исидоръ взявъ меня за руку вывелъ на поверхность земли. Какъ скоро я на оное появился, то приказано было спаш мнѣ спанчу, безъ кошо, ой сдѣлался видѣнъ. Исполннвъ извинившиесь предмною, повелъ меня въ великолѣпны покой, въ кошорыхъ увидѣлъ я явншуюся мнѣ богицю. Она окружена бы

пріялъ благодарить невѣдомую мою
 благодарительницу, чшобѣ шѣмѣ лучше
 спасти жизнь кѣкѣ мою, шакѣ и Асклі-
 адину. Какѣ шолько выговорилѣ и сн
 слова: богиня шы, иль Нимфа, шо
 вдругѣ онѣ чрезвычайно испужавшесѣ
 закричали самымѣ ужаснымѣ голосомѣ.
 Вѣ одну минушу увидѣлъ я передѣ со-
 бою превеликаго Исполниа, кошорой не
 говоря мнѣ ни слова взялъ спрашною
 рукою поперегѣ, и понесѣ меня вѣ не-
 извѣстную дорогу; пришедѣ къ пресе-
 ликому дереву, кошорое покрывало со-
 бою и своими вѣшьвями не малую часть
 земли, посшавилѣ меня на камень и
 сналъ сѣ грознымѣ видомѣ спрашивать,
 какимѣ образомѣ нахожусь я на его осн-
 рову? А какѣ узналъ онѣ меня, чшо я
 и самѣ шого не понимаю, шо ударилѣ
 весьмѣ сильно ногою вѣ землю, кошо-
 рая вся поколебалася подѣ нами; а
 спрашное шо дерево ичало пошмашно
 свои вѣшьви; и наконецѣ увидѣлъ я,
 чшо вершина онаго досязала до
 облаковѣ. Когда же сдѣлаася вѣ-
 дѣнѣ намѣ корень онаго дерева, шо
 Исполнѣ махнулѣ рукою, и расшворилѣ
 ужасную подѣ онымѣ пещеру, вѣ ко-

шорую немедленно приказалъ мнѣ итти. Какъ скоро я въ нее всунулъ, то опроверженіе ея шощася зашворилось, и я сшалъ окруженъ и покрышь землю: вселилось въ меня превеликое огчаженіе, и я сшолько сдѣлался тогда малодушенъ, что непременно пожелалъ искашь моей смерти. Все способы мнѣ предсшавлялись къ опшянію у себя жизни, и орудія къ тому были гошовы; но не знаю, что шо не поняшсе препашсшвовало моему намѣренію, и удержи-вало уже внесенную руку къ и, тобрьшенію въчсшши; судьбы опредѣляюща намъ жизнь всегда владѣшь нами.

Когда я былъ еще въ самомъ великомъ смяшеніи, то слышалъ, что земля поколеблалась, пропашшь сдѣлала опроверженіе, и шонъ же Исполннъ взявъ меня за руку вывелъ на поверхность земли. Какъ скоро я на оной появился, то приказано было спашшь мнѣ спашчу, безъ кошо, ой сдѣлался я видѣнъ. Исполннъ извинившисъ предъ мною, повелъ меня въ великолѣпныя покои, въ кошорыхъ увидѣлъ я явншуюся мнѣ богиню. Она окруженъ бы-

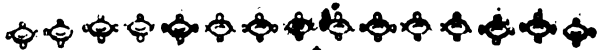
ла Нимфами, кошорыхъ какъ властію, шакъ и красошою пресыщала. Какъ скоро увидѣла меня, шо сдѣлавъ прѣяшнюю и приманчивую улыбку посадила подлѣ себя, и говорила мнѣ: Я сердечно сожалѣю, что во время моего отсутствія прийали шеба здѣсь не весьма изрядно. Ешошъ грубой спарникъ, продолжала она указывая на Исполна, имѣшъ варварскія разсужденія и угрюмой разумъ. Онъ никогда не можешъ различать людей, и посшупаешъ всегда по закоренѣлому въ немъ ширанишву. Послѣ сихъ словъ вынула она бѣлой платокъ, и ичала оширать мое лице, кошорое онъ превеликаго моего безнокойства покрышо было пошомъ и пылью; а Нимфы слѣдуя своей повелительницѣ, предпрѣтали дѣлать шо же; одна взяла изъ рукъ моихъ шлемъ, и положила его на софу, другія перебирали мои волосы и приводили ихъ въ порядокъ; и кошорыя оправляли мое платье, и хошѣли предать ему иѣжность; а прочія въ шо время пригошовлялись исполняшь повелѣніе своей обладашельницы. Чшожъ касается до меня, шо я не иное что дѣлалъ, какъ оказывалъ мою

Часть III.

I

благодарности на всё её привѣлствіе. Имя её, которое слышалъ я отъ ея Нимфы, приводило мысли мои въ превеликой безпорядокъ; ибо я зналъ, что у насъ ни одна богиня никакъ не именовалась; но могущесства ея и власныя принуждали думать меня, что она бессмертная; однако какъ бы то ни было, только примѣнила она во мнѣ великую къ себѣ холодность, и можно ли, чтобъ я будучи вспревоженъ различными ображеніями, способенъ былъ ко исребленію властвующей мною силе. И такъ находясь на семъ острову больше недѣли, не показавъ ни одного знака моей къ ней горячности, которой она чрезвычайно желала. Мнѣ же никоимъ образомъ невозможно было плѣниться ею; ибо какъ сердце мое, такъ и я самъ находился уже не въ моей власности.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЬ 35.

Продолженіе походовнй Алима и Асклады.

Нѣкогда при захожденіи солнца, когда мы находились къ объявленномъ мною Аврориномъ храмъ, Арона безпокойвшись весьма много моею несклонностию, и думая; можешъ быть, что я не понимаю ея желанія, предпріяла изъяснишься миѣ словами: ты знаешь, Алимѣ, сколько я тебя люблю; но къ удовольствію моего желанія вижу въ тебѣ необычайную суровоспѣ. Я всякой часъ шоскую, вздыхаю и шерзаюся побою, и можешъ быть суешною надеждою ласкаюсь. Когда всхожу на небеса, я шамо все безоблачныя мѣсна наполняю моимъ спенаніемъ, въ шакомъ же опчаяніи и съ шою же прискорбностию низхожу на землю. Вся вселенная исполнена моею гореспѣю, спыжуся я боговѣ, спыжуся всѣхъ смертныхъ, и наконецъ мучишельна миѣ вся природа. Возможно было миѣ когда подумаешь, что

бы ошѣ смершнаго безсмертнаа была презрѣна! Великая богиня! го орнлъ я ей, меня ужасающѣ швои слова, и я не знаю, какое извиненіе могу принести въ неумышленномъ моемъ просиупкѣ. Чшоожъ касаетея до презрѣнїа моего къ тебѣ, шо ты никогда презрѣнна бышь мною не можешь, а сердце мое во вѣки уже ошдано другой; ежели сшодъ келіко швое могущестшо, возврати его, и владѣй имѣ до конца моей жизни. При сихъ словахъ сдѣлала она суровой видѣ, и ушла ошѣ меня.

Я препроводилъ весь шощѣ день въ задумчивости, шакже и ночь покоился мало. Проснувшись по ушпру, увидѣлъ себя въ моемъ домѣ; весьма шому обрадовавшись, сѣ превеликою нешерпѣливостию ожидалъ къ себѣ Бейгама, и хотѣлъ увѣдомитье ошѣ него обо всемѣ, чшо происходило въ городѣ во время моего ошсушсшвїа; впрочеиъ сѣ ономѣ упоминашь совсѣмъ я былъ не намѣренъ, а желалъ прежде услышашъ ошѣ него. Въ скоромъ времени пришелъ онѣ въ мой покой, но въ такое пригелъ меня удивленіе, чшо я дѣйствительшо пошерялъ мое разсужденіе: первое, не говоря

о моемъ оплученіи , началъ онъ со слезами укоряшь меня моею сурогосшю , что я весьма сурово посшудилъ со Асклѣадою. Возможно ли ешо , Государь , продолжалъ онъ ? вмѣсто того , чтобъ вамъ сочешашься съ нею бракомъ , ешы выслалъ изъ города , оплучилъ того дому , въ кошоромъ она рождена и воспитана , заключилъ вѣчно въ пемницу , и опредѣлилъ сшрадашь ей во всю ея жизнь. Ты вѣдаешь , Государь , сколько она тебя любишь , и въ воздаянїе за ея къ тебѣ преданносшь вознамѣрился шы лишить ея жизни. Какой бы человекъ возмогъ ешо услышать безъ помѣшашельсшва разума ? Я окаменѣлъ , и не зналъ , что мнѣ опвѣчать должно было ; ежели спросишь у него , гдѣ Асклѣада находишься нынѣ , то бы конечно почелъ онъ меня сумасшедшимъ ; и для того припворяшь шѣмъ неисповымъ повелишелѣмъ , кошорой посшудилъ съ нею варварски , спалъ его обнадеживашь , что можешь быть нынѣ ненависшь моя къ ней минуеться , и я еще къ вечеру прикажу возвращишь ея во дворець ; а для оказанїя большей моей къ ней благосклонносши поѣду самъ за

нею. Въ одну минуту приказалъ я все изгнать къ ошвѣзду и пошталъ отправился въ пушь, взявъ съ собою одного Бейгама; ибо я намѣренъ былъ отъ него обо всемъ увѣдомиться и открытъ ему все мои приключенія, которыя колебали душу мою, сердце и мысли.

Мы уже находились не близко ошв города, какъ Бейгамъ примѣшивъ во мнѣ необычайныя движенія, прервалъ наше молчаніе; ибо образъ мой показывалъ, что я почти уже лишился духа. Я примѣчаю, Государь, говорилъ онъ мнѣ, что ты самъ сожалѣешь о своемъ поступкѣ, и вижу что превеликое раскаяніе владѣешь твоею душою. Возлюбленный мой Бейгамъ! ошвѣчалъ я ему, еслибѣ ты зналъ, какое я теперь мученіе терплю, то вмѣсто того, что ты на меня негодуешь, оплакивалъбы самъ горкое мое состояніе. Свирѣпости во мнѣ никакой нѣтъ, и до конца моей жизни сіе презренное чудовище въ сердцѣ моемъ имѣеть мѣсто не будетъ; и не уже ли я такой варваръ, что, которую всѣхъ больше въ жизни моей люблю и почишаю, на

нее на первую обратилъ мое тиранство. Знай, любезный мой другъ, что я самъ скорѣе пошеряю мою жизнь, нежели увижу въ несчастіи Асклада. Пономъ уведомилъ его обо всемъ подробно, что со мною имъ происходило. Выслушавъ все у меня, сколько онъ удивился, что османивалъ своего коня, и нѣсколько минушъ находился безсловесенъ; наконецъ просилъ меня, чтобъ съѣхавъ съ коней и удалившись на время онъ шѣлохранищелей моихъ въ блискую онъ шого мѣсна рощу. Въ ней рассказалъ онъ мнѣ все то, что происходило у нихъ во время моего отсутствія, такимъ образомъ: На другой день нашего упражненія въ охотѣ, какъ поѣхали мы снова поднимать звѣрей, нѣсколько времени мы себя, Государь, не видали; однако вспрѣшившись съ шобою возвратились очень скоро въ г родъ. Ты прежде всего хотѣлъ увидѣшь Асклада, и признаюсь, что я никогда въ тебѣ такой холодности не ожидалъ, какую ты показалъ ей въ семъ случаѣ; пономъ выговаривалъ ей, что она предпріяла весьма дерзосныя мысли, и ищешъ полонить любовью своего Государя, къ которому

обязана имѣть великое почтеніе. Уоды-
 шавъ сіе заплака съ слезами , и не
 могли ничего говоривъ вышла она въ
 другую горницу. Я оставши съ шо-
 бою Государь , старался какъ возмож-
 по утѣшить свою немыслимость ; но
 ны вмѣсто шого наполнился болышею
 къ ней злобою , и съ шого часа пред-
 пріялъ не видѣть ее никогда и советѣмъ
 неспребишь изъ своей памяти. Асклада
 желая ошъ ревнивецки швоей удалитъ-
 ся , просила черезъ меня , чшобъ ны
 приказалъ ей жить на островѣ Иѣ. По
 полученіи позволенія шровержалъ я ее
 шуда , и желалъ какъ возможно облег-
 чить ея печаль , но однако старанія мои
 были напрасны. Она ничего не хотѣла
 слушать , не принимала никакого со-
 вѣта , и шолько искала въгорески сеѣ
 прибъжища къ слезамъ , кошорыя ни-
 когда не осушали глалъ ея. Прибывши
 съ нею на островѣ , желалъ я , чшобы
 она обшала во дворецъ ; но она на сіе
 не согласилась и осшдалась въ домѣ нѣ-
 кошората знаннаго гражданина. Весь
 Дворѣ ошъ шого шеперь въ превели-
 комъ смяшеніи , а особливо женщины ;
 ибо ны , Государь , выговорилъ мѣкогда

ее на первую обратилъ мое тиранство. Знай, любезный мой другъ, что я самъ скорѣе пошряю мою жизнь, нежели движу въ несчастіи Аскладу. Пошомъ извѣдомилъ его обо всемъ подробно, что со мною ни происходило. Выслушавъ все у меня, сколько онъ удивился, что осановилъ своего коня, и нѣсколько минушъ находился безсловесенъ; наконецъ просилъ меня, чтобъ слѣшь съ коней и удалишь на время онъ шѣ дохранишелей моихъ въ блискую от него мѣсна роцу. Въ ней рассказалъ от мнѣ все то, что происходило у ни во время моего ошеушенія, шаки образомъ: На другой день нашего упренія въ охонъ, какъ поѣхали мы съ поднимаемъ звѣрей, нѣсколько времъ мы себя, Государь, не видали; одвсрѣвшившисъ съ шобою возврати очень скоро въ г родъ. Ты прежде хонѣлъ увидѣшь Аскладу, и призи что я никогда въ шебъ шакой носни не ожидалъ, какую шѣ по ей въ семъ случаѣ; пошомъ вывалъ ей, что она предприяла дерзосшныя мысли, и ищешъ любовью своего Государя, къ

въ собраніи , что онъ шебѣ сшолько миль , шпобы шы не желадѣ никогда обѣ нихѣ слышашь , не шолько видѣшь .

Премилосердые боги ! вскричалъ я тогда въ ончаяніи , за что вы посылаете шакія на меня казни , скажише , чѣмѣ я сшолько виновенѣ сшалѣ передѣ вами . Вамѣ извѣсно больше всѣхѣ мое сердце и его склонности , желадѣ ли я когда и кому нибудѣ какого вреда , или погибели , искадѣ ли пришѣсннпѣ моихѣ подданныхѣ , ошягощадѣ ли ихѣ несправедною войною или безмѣрными шягоспямя ; наконецѣ возсшавалѣ ли я когда прошиву васѣ , и имѣлѣ ли шо въ помышленіи ; за что же вы сшоль не милосердо разише меня шакими громовыми сшрѣлали ? Наконецѣ оборонившисѣ къ Бейгаму сказадѣ я , поѣдемѣ , любезный мой другѣ , къ Асклїадѣ , шы увидишь , что не шокмо дѣломѣ , ниже мыслїю я прошивѣ все не согрѣшилѣ , Сшрогая судьба и немилосердное несчастїе причиною шому , что я гонимѣ свирѣпымѣ рокомѣ . Пускай богиня , ежели она сшолько жестокосерда , въ сей часѣ извлеченїѣ сѣ мученїемѣ мою душу , а я не могу никакѣ снесши несчастїя не-

винной Аскліады. Потомъ побѣхали мы къ берегу, и какъ только слѣзъ я съ коня, чинобъ съешь шумъ на судно, то вдругъ съ великимъ стремленіемъ ужасное морское чудовище вырвалось изъ волнъ на берегъ и меня поглошило; въ сей часъ распался я съ Аскліадою и съ мнѣмъ другомъ. Память во мнѣ пребыла до шѣхъ поръ, покамѣши помѣспился я въ шомъ преспрашномъ чревѣ, или лучше въ волнующемся адѣ.

Сколько находился во чревѣ чудовища, того не вѣдаю, ибо все оное время былъ безъ памяти; пономъ опкрывъ мои глаза, какъ будио бы онъ крѣпкаго сна, увидѣлъ себя въ безсолнечной спранѣ. Дремучіе и шемные лѣса шумѣли безпресшанно, подъ кошорыми вмѣсно шравы росли лдовнишыя зелѣт. Каменные и неприсшунныя горы ошягощали безъ всякой пользы землю, и огредѣлены были жилищемъ свирѣныхъ и невоображаемыхъ звѣрей: во всемъ шпомъ преспрашномъ мѣспѣ не видалъ я ни одного испочника, выключая иѣкошорой спрашной пучины, которая выходила изъ пропасти. Воды ея споль были мушны, чшо превосхо-

дили Стиксовы черныя спруи. По горамъ и по лѣсамъ раздавался ужасной ревъ дикихъ звѣрей, и мнѣ усшрашенному казалось, какъ будто бы онъ каждую минушу ко мнѣ приближался. Я предпріялъ удаляться онаго; но неизвѣстное мѣсто прерывало мое намѣреніе, искалъ убѣжища между горами; но столь шумъ были велики пропавши, что я идучи мимо оныхъ усшрашался, лѣса не скрывали меня ни мало и не уменьшали моего ошчаянія. Что мнѣ начашъ должно было въ шакомъ моемъ сосшояніи? Въ сію минушу опредѣлилъ я себя жершвою смерши, и положилъ ожидать послѣдняго часа непремѣнно.

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРЬ 36.

Продолженіе походовей Алима и Асклады.

Ишомъ съ высокой горы увидѣлъ я идущую къ себѣ Аропу; видѣ ея

началъ уже мнѣ казаться нескоснымъ , и всѣ ея прелесни , вмѣсто возбужденія во мнѣ страшни , производили въ сердцѣ моемъ жеснокое къ себѣ ошвращеніе. Приближилася она ко мнѣ съ сими словами: Сіе спрашноѣ обни алище будешъ тебѣ вѣчнымъ жилищемъ , и наконецъ ужасныя сіи пещеры опредѣлены тебѣ гробомъ , есшли ты еще будешъ уперенъ и не покорншься моему желанію. Я разлучила тебѣ съ Аскліадою , и ты не льснись уже когда нибудь ее увидѣшь , развѣ тогда , когда съ ужаснымъ сненаніемъ будешъ она испускашь свою душу. Возможно ли сіе , богиня , ошвѣ , чалъ я ей , чтообъ ты могла меня склонншь угрозами и успрашеніемъ ? Сердце мое наполнено вмѣсто любви спрахомъ , ошчаяніемъ и досадою. Какое же мѣсто могушъ имѣшь въ ономъ швои прелесни , и что еще къ пущему служншь мнѣ ошвращенію , такъ шѣ , что я въ нѣжномъ швоемъ шѣдѣ обрѣпаю варварское сердце. Владѣй моею жизнію , я тебѣ ее посвящаю , но сердца моего до конца моей жизни не будешъ ты имѣшь себѣ посвященнаго. Я люблю Аскліаду и любншь ее буду до гроба ;

я шы, когда привела меня въ опчальнѣе, по со всеѣмъ швоимъ могущесшвомъ шеба презираю, и желаю, чшобъ шы была превращена въ какую ншбудь злую фурию. Тушъ я примѣшилъ, чшо на лицѣ ея изоб аздалася превеликая досада, и она вмѣсно прежней ко мнѣ благосклонности вознамѣрилася желашъ мнѣ всякаго въ свѣшѣ несчастшя, чшо дѣйсшвишело злобное ея сердце со мною и учинило. Не сказаѣ мнѣ ни слова, поднялася на воздухъ и скрылася изъ моихъ глазъ, а я ошалася въ неизвѣшномъ и страшномъ семъ мѣсшѣ забывшъ богами, природою и людьми.

Опалакшвая не малое время мое несчастшѣе, предпршялъ я, хошя и советѣмъ не возможно было, исканш своего спасеншя; на силу проходилъ сквезъ лѣса, и съ превеликимъ шрудомъ обходилъ пропащш и лазилъ чрезъ горы; и когда я былъ на самомъ хреншѣ оныхъ, шо увидѣлъ къ западной шпоронѣ весьма чудное зданш: оно окружено было дремучимъ лѣсомъ и ужасными горами; ограда его и само оно сдѣлано было изъ чернаго камня весьма чуднымъ и страшнымъ образомъ, шакъ чшо не

шюкмо видѣшь, ниже слышашь о подобномъ сему мнѣ не случалось. Спрахъ во мнѣ часъ ошъ часу умножался, и я думалъ, что какой нибудь злой духъ, изверженной изъ ада, поселился въ семъ пресирашномъ мѣснѣ. Судьба мнѣ моя была неизвѣстна, и я зналъ, что долженъ былъ пошерашь жизнь мою въ сей адской спрахъ; шакъ для меня равно было лишиться ли оной ошъ сепрѣныхъ зверей, или ошъ того, какъ я думалъ, злаго обитателя, предпрѣлъ ишши въ шонъ ужасной замокъ, и искашь въ ономъ иль живеша, иль смерши. Когда я кошелъ въ ограду, шо увидѣлъ шушъ смертноносной садъ; все шравы и деревья, кошорыя шолько вредашъ человѣческому роду, произраспали въ семъ мѣснѣ. Между оными прошекали пшочники, въ кошорыхъ вмѣсно воды находидся лдъ злѣе того, кошорой выдуманъ Индѣйцами. По срединѣ сего умерщвленія шюлялъ прудъ, кошорой окруженъ и шочши закрышъ былъ высокими и черными, не знаю, какими шодеревьями; на нихъ были бѣлыя ягоды, изъ кошорыхъ капалъ сокъ въ шопъ спрашной сшникъ, ошъ чего кшнѣлъ ошъ на подобіе сѣ горъ лѣ

ющагося ключа. Солнце тѣми лучами, которые стремились оубо него чрезъ сію пропасть, никогда не могло пришативать въ себя съ земли ошрыхъ и ядовитыхъ паровъ, ибо оныя все оснавались въ семъ не излѣдованкомъ адѣ. Тушъ никакая стихія не имѣла дѣйствительнаго своего образа; но и самъ очиснитель природы огонь смѣшенъ былъ съ смертоноснымъ ядомъ, и шоль тяжелой носился запахъ, что я на силу могъ выйти изъ онаго къ покоямъ. Тушъ никого не видно было людей, для чего вошелъ я въ оныя безъ всякаго позволенія, ибо не оубо кого было мнѣ онаго и претрбовать.

Перешедъ множество чудныхъ и невоображаемыхъ покоевъ, въ копорыхъ, видны были шолько чернь и бѣлизна; сдѣланы оны были не по человѣчески, вспунилъ наконецъ въ превеликую залу. Какъ шолько я въ нее вошелъ, шо кровь моя оснановилася, и я не зналъ, чему приписать шакое привидѣніе. Подлѣ окна въ оной сидѣла дѣвушка, кошорая шоль была прелестна, что весьма трудно сыскать подобную ей въ природѣ. Въ рукахъ держала она книгу, кошорая кѣ-

залась, какъ будто бы облива была
 слезами; ибо красавица та сшоль горь-
 ко плакала, что мнѣ показалось, буд-
 то бы состояніе ея сто разъ было го-
 ресниѣ моего; ошъ чего прелесши ея
 умножались, печаль ея прогала все серд-
 це, и я бы дѣйствительно не пожалѣлъ
 мсей жизни, чтобъ шолько освободить
 ее ошъ напастнн. Взглянувъ на меня она
 ахнула и пришла въ безпамятство; ,
 опустила руки, изъ кошорыхъ выпала
 у нее книга. Я бросился помогать въ
 ея ошчяпнн, и усердными моими старан-
 ніями возвратилъ ей вскорѣ чувствва.
 Ошкрывъ свои глаза и въ превеликой
 горесни говорила она мнѣ сѣ: Кто ты
 шакое и еси, шолько знаю, что пре-
 несчастливой человекъ изъ всего смер-
 пнаго рода, изъ копорой часни свѣта
 и изъ какого скучнаго тебѣ на свѣтѣ
 состоянія сшремился ты на свою по-
 гибель? Я удивляюсь, какъ не предвѣ-
 щало тебѣ сердечное чувствованіе, что
 ты здѣсь долженъ будешь лишиться
 жизни необображаемымъ тебѣ инкогда
 мучительнымъ образомъ. Государыня моя,
 ошвѣчалъ я ей съ такою же прискор-
 бностію; ошъ рожденія моего не желалъ

я искалъ моей смерти ; но она , какъ немилосердное и неушолимое чудовище , повсеминушно зовешъ меня къ себѣ , и ведешъ съездъ сиротъ ми и мучишельными сиротами въ вѣчноспь , что долженъ я проклинанъ мое рбждѣнїе , и шощъ плачевной день ; въ кошорой зачался у машери моей во ушробѣ . Пошомъ проливая горькїя слезы , расказалъ ей все мои несчастїя приключенїя . Она присовокупила свои слезы къ моимъ . И шакъ мы съ часъ времени рыдали неушѣшно , и признаюсь , что видя ея слезы ; жалѣлъ я больше о ея несчастїи , нежели о моемъ собшвенномъ .

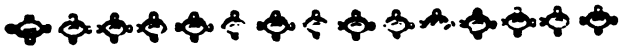
Далѣе , чтобъ больше насладишлся ей своею гореснїю , расказала она мнѣ свой приключенїя сими словами : Я происхожу ошъ Ингрїи ; родишель мой былъ человекъ бѣдной , слѣдовашельно была бы я воспитана съ превеликими недосшашками ; но судьба показала мнѣ шогда , весьма благосклонною . Въ сосѣдствѣ съ нами жилъ знаншой и богатой дворянинъ ; онъ увидѣвъ меня нѣкогда выпросилъ у моего ошца , и воспитывалъ меня благороднымъ образомъ ; имѣлъ съя шакїхъ же лѣшъ , какъ и я ,

Часть III.

Л

и такъ вмѣстѣ мы съ нимъ воспитыва-
лись и учились. Когдажъ начали пони-
мать себя, то влюбилась сполько
другъ въ друга, что изъяснить нашей
спрасни никомъ образомъ не возмож-
но; частное и ласковое обхожденіе сдѣ-
лало насъ наконецъ совѣмъ неразрыв-
ными, и мы клялись другъ другу,
чтобъ вѣчно не расставались. Пламе-
ни нашему ничто не преняшесповало,
и все согласовалось съ нашимъ жела-
ніемъ. Уго и мой второй родителъ
предпочелъ красоту и добродѣтель мою
всякой знатности и богатству, и для
того предпріалъ сочеланъ насъ бракомъ.
Во первыхъ обогатилъ моего отца и
мать; во вторыхъ узналъ совершенно
наше согласіе, и пономъ приешунилъ
къ брачнымъ обрядамъ. Оныя къ пре-
великому удовольствію весьма благопо-
лучно кончались. Съ сихъ поръ нача-
лося мое несчастіе, и судьба сколько
была ко мнѣ милоснива, сполько на-
пронилъ того осверѣтила. Въ самой
первой день похирела я въ сіе несно-
сное для меня и странное жилище.
Здѣсь обиталъ недоброй и злобой
волшебникъ. Онъ для того нарочно

произведенъ адомъ, чтобы приносить всякой вредъ всему смертному племени. Онъ вынесъ съ собою все изъ ада ядовитыя зелья, посѣлѣ ихъ въ семь мѣстѣ, и также размещалъ мѣстами и по всей вселенной; и сказывающъ, что онъ изобрѣлъ Медицинскую науку. Тому уже нѣсколько тысячъ лѣтъ, какъ причинилъ вредъ людямъ, и согласившись вмѣстѣ съ смертию, пояденъ великихъ Императоровъ, преграбрыхъ Полководцовъ, разумныхъ Министровъ, великихъ Философовъ и ученыхъ людей. Сей ядотосецъ обладалъ всю вселенную, увидѣлъ нѣкогда меня, и смертельно влюбился. Делалъ ко мнѣ весьма часто по образъ огнеиного змѣя, и принимая видъ красавца, склонялъ меня на свое желаніе. Я не только, что бы думатьъ о его любви, но некая-то спрашилась пѣлаго заблудаго духа. Когда же я сочелась бракомъ, то онъ не желая видѣть меня въ другихъ рукахъ, похитилъ на се мѣсто, и здѣсь меня заключилъ во вѣки.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЬ 37.

Продолженіе похжденій Али- ма и Аскіады.

Красавица окончивъ свои приключенія, хотѣла описатьъ мнѣ злобу сего стараго волшебника; какъ вдругъ услышали мы превеликой шумъ, земля ужасно поколебалась, и всё покон находились онъ шого въ превеликомъ движеніи. Ахъ! пропали мы, возгласила она ошчаянно, ешо онъ, и жизнь наша въ опасности. При семъ ея словъ вошелъ онъ въ залу. Видъ его ешолько былъ угрюмъ и сшрашенъ, что казалось мнѣ, будно бы онъ превосходилъ злобою и самаго адскаго царя. Какъ ны дерзнулъ войши въ сіе мѣсто, говорилъ онъ мнѣ, не опасаяся за то жестокаго наказанія? Возьмите его, сказалъ онъ, не знаю кому, и заключите въ волшебную шемницу. Невидимые духи взяли меня подъ руки и вывели изъ покоевъ, бросили въ ужасную шемницу и въ оной заперли. Тѣ сшрахи, которые я до сего имѣлъ

несчастіе видѣти передъ эпімъ, были ничто. Вся сія ужасная и пролившая пропасть сшрнала на подобіе адскаго жилища; сшбны ея увѣшаны были ананомическими и другими приличными онымъ инструменшами, на кошорыхъ видна еще была кускъми зацекаяся челоуѣческая кровь. По срединѣ сшюли смертоносныя машины, одна изъ нихъ мешала изъ себя во все сшороны оспырыя иглы съ шакимъ сшремленіемъ, чшо оныя совсѣмъ уходили въ полъ, въ пошолокъ и въ сшбны, и ошб кошорыхъ нигдѣ укрышься было не возможно; другая брызгала изъ себя съ шакимъ же обиліемъ горячей свинецъ. И я бы конечно принужденъ былъ лишиться тушб съ мученіемъ жизни, ежели бы не защищала меня ошб оныхъ невидимая сила. Цѣлую ночь безпокоился невидимыми злыми духами, кошорые не давали мнѣ ни времени, ни мѣсна къ собранію распочениаго моего разума; однакожъ они мнѣ не вредили.

При разсвѣшаніи дня увидѣлъ я въ сей сшрашной шемницѣ ту несчастливую красавицу: она прибѣжавъ ко мнѣ ухватила меня за руку, и очень поспѣш-

но привела въ ту же залу, и говорила мнѣ: теперь злой волшебникъ поленѣлъ въ своимъ товарищамъ; онъ вознамѣрился собрать ихъ всѣхъ сюда, и въ ихъ присушествіи лишитъ тебя жизни; ибо думаетъ онъ, что ты пришелъ освободить меня и увести изъ сего проклятого жилища. Я имѣю способъ ко освобожденію тебя, и желаю лучше подвергнуться всякимъ мученіямъ, нежели, чтобъ ты скончался безвинно; но любя меня весьма много, онъ того не сдѣлаетъ. Пономѣ повела меня въ другую комнату, въ которой на маленькомъ столѣ увидѣлъ я премножество пузырьковъ. Красавица взявъ одинъ капнула мнѣ изъ него на голову, онъ чего тошчасъ пошерялъ я образъ человека, и превратился въ молодого и прекраснаго ора: почувствовавъ въ себѣ великую легость, и мысленно выбиралъ себѣ выше облаковъ жилище. Сколько я несчастлива, говорила пономѣ красавица, что си соснзвы п; онивъ меня заколдованы и не дѣйствующиъ надо мной ни мало; а еснълибы я могла онъ сего превршишья, то бы конечно послѣдовада за тобою. Теперь ты не опасайся,

прододжала она, хопя бы гдѣ онѣ съ шобою и вспрѣишлся, шо конечно не узнаешѣ: ибо онѣ не имвешѣ ешой силы, чншбѣ распознаванш прамое живонное онѣ превращеннаго. Тсперь шибѣ свободешѣ пушь, и шы можешѣ возвращишѣ въ свое опечеснво. Я благодарилѣ ее, сколько позволилѣ новой мой образѣ: ибо всеѣ человекскія чувшенва ошнался со мною, и хопя съ превеликимѣ сожалѣшемѣ, однако раснался съ нею.

Поднявшисѣ на воздухѣ позабылѣ я всеѣ мои несчастія и восхищался новою моею жизнью. Всеѣ ся пріятноспн предсннавился вдругѣ моему поняіію: я съ радоснію воображалѣ себѣ, что всюду имѣю ошворенной пушь, предпріятлѣ лешѣшѣ въ мое опечеснво, а шамѣ увидѣшѣ Асклїаду, увѣдомилсѣ обо всемѣ и бышѣ олянш спокойнымѣ обладанешемѣ; но злше несчаснше сильнѣе было моего желанія. Какѣ я уже сказалѣ, что я безіоконлся цѣлую ночь, слѣдовашельно не спалѣ цѣлая суішкі, или еще больше, и шакѣ началѣ меня клонишѣ сонѣ: для шого вышралѣ я высокое дерево, сѣлѣ на вѣшѣвъ онаго, и ошдался

пріятному сну, Сколько я въ ономъ находился, того не знаю: ибо пущенная въ меня сирѣда лишила моего покою, и свергла съ дерева на землю. Упавъ на оную поперялъ мои нувсва и долго находился безъ памяти; потомъ, когда очустиговидся, увидѣлъ себя въ пребогатомъ домъ и множеству людей обоего пола, которые старались помогать моему сосоянію; ено я усмотрѣлъ изъ ихъ обращеній, а языка ихъ не разумѣлъ. Но счастию, или больше по несчастію моему получилъ я оцѣ сирѣды легкую рану въ правое крыло, и шакъ весьма не шрудно имъ было возвращить мнѣ прежнее мое здоровье. Когда уже я находился совершенно въ ономъ, то примѣнилъ, что они весьма много любовались на мой образъ, и послѣ уже узналъ, что они никогда не видывали у себя орловъ. Больше всѣхъ любовались моимъ образомъ женщины и находили въ немъ, не знаю, что что пріятное; начали возить меня по домамъ и бездѣ показывать. Я же предпріялъ имъ оказать, будно бы я былъ ученая шидъ; и шакъ сошвѣшшвовалъ имъ моими движеніями и другими приличными без-

словесной шварн знаками. Вскорѣ увѣдомился о семъ ихъ Государь, и я опривезенъ былъ къ нему во дворецъ. Молодая Государыня взяла меня въ свои покои, и я находился тамъ болѣе никѣмъ не видимъ.

Государь сколько ревновалъ къ своей супругѣ, что не только люди, но и бездушныя вещи, которыя находились въ ея комнатахъ, казались ему подозрительными. Онъ часто ходилъ къ ней въ покои, осматривалъ ихъ всегда самъ и никому не вѣрилъ, и я послѣ узналъ, что онъ имѣлъ справедливую причину ревновать къ своей сожизнелнице. Нѣкогда случился онъ изъ города на охоту. Государыня прибѣжала въ превеликой радости въ свои покои, вынула изъ подъ ковчегной урны ключъ, отперла онымъ двери, кошерыя сдѣланы были въ щель и прикрыты обоями. Вышелъ оттуда снаниной и пригожей красавецъ, Онъ началъ цѣловать Государыню и дѣлалъ ей всякія ласки, кошорыхъ она съ своей стороны оказала ему еще больше. Цѣлой день находился онъ въ сихъ упражненіяхъ, и наконецъ, какъ я примѣчалъ, что надобно уже прѣхать Го-

судрю, що она просилась съ своимъ любовникомъ заперла его опянь въ шу, можешъ бышь, ему весьма въ прѣйшнюю шемницу, а ключъ положила подъ шее же урну, въ которой хранился пещель ея предковъ. Сіе беззаконіе и нарушение кляшвы казалось мнѣ досшойно всякаго наказанія, однако симъ она еще не была довольна. Началъ я примѣчаніе изъ ея обхожденій, что она меня съ лишкомъ любишь и починаешъ. Въ одно время сидѣла она подъ окномъ, на которомъ я находился; глядѣла на меня весьма приспально, пошомъ взявъ къ себѣ на колѣни, цѣловала мои крылья, подобно какъ у любовника руки. Наконецъ написавъ письмо на своемъ языкѣ положила его передъ моими глазами; я посмошрѣвъ оное показавъ ей знаками, что его не разумью, и шакъ цѣловалъ меня весьма долго, наконецъ успокоилась.

На другой день Дина, шакъ называлась Государыня, принесла передъ меня, какъ думаю, шо же письмо на чешырехъ языкахъ, изъ которыхъ разумѣлъ я два, на нашемъ нарѣчїи было оно слѣдующаго содержанія:

„ Я изъ всего примѣчаю , что ты
 „ не пища, а очарованной человекѣ. Я
 „ можешь бышь найду способѣ возвра-
 „ щить себя прежній швой образѣ, а
 „ въ воздаяніе за то хочу , чтобѣ ты
 „ любилѣ меня, и былѣ со мною не раз-
 „ лученѣ до конца швоей жизни „.

Прочитавѣ оное не могѣ я пребышь
 безѣ великаго негодованія на невѣрную
 сію женщину. Забывѣ весь страхѣ и то,
 что должно мнѣ было скрыватьсѣ, по-
 просилѣ мановеніями всего шого , что
 принадлежало до письма, чему она весь-
 ма обрадовавшисѣ подала мнѣ все оное;
 я ей написалѣ въ отвѣтѣ шакое :

„ Любишь себя Дина не буду ни-
 „ когда : мнѣ счасшья больше нѣтъ вър-
 „ нымѣ бышь швоему супругу ; и сей
 „ къ тебѣ спроси чувствованш не бу-
 „ ду ; не можно испребишь мнѣ бла-
 „ годарности къ Государю.

Взявши оное ходила она , какѣ ду-
 маю, къ переводчику, и когда ошпуда
 пришла , то примѣшилѣ я нѣкоторую
 досаду на ея лицѣ, которая однако скоро
 миноваласѣ. Ешо уже былѣ вечерѣ , и
 шакѣ раздѣвшисѣ совсѣмѣ легда она на
 поспелю , и приказала и меня подати

къ себѣ. Сколько силѣ моихъ было , спарался я ошѣнее вырваться ; но все спаранія уношребляялѣ напрасно , ибо она весьма крѣпко держала меня за крылья. Съ часѣ времени спуся вошелѣ къ намѣ Государь , подкравшись весьма тихо увидѣлѣ ошѣ, что голова моя лежала на ея гудахѣ : въ одну минушу заключили меня въ самую ужасную шемницу, у кошорой ни дверей не было, ни оконѣ; препроводилѣ шушѣ цѣлую ночь плакалѣ я не ушѣшно , и просилѣ немилосердыхѣ и совсѣмѣ забывшихѣ меня боговѣ, чтобы лишили они меня такой бѣдешвенной и горешной моей жязни , и переспали бы дѣланшѣ меня итралицемѣ развращаюга несчастія. Но я увидѣлѣ, что они еще не довольны моихѣ мученемѣ, и опредѣляли иеняшашѣ мнѣ большее гонение судьбины. Но ушчу вошелѣ ко мнѣ человекѣ, кошорой зналѣ наше нарѣчие ; ошѣ подложилѣ мнѣ бумагу , и велѣлѣ написаншѣ что нибудѣ нашимѣ лзыкомѣ. Я не зная, на что ешо было , написалѣ не помню что шакое : ошѣ вынулѣ изѣ кармана шчо письмо , кошорымѣ я ошѣвчалѣ Государынѣ, слычалѣ съ эшимѣ, и говорилѣ, что я до-

шонивъ за сѣе самой мучительной казни ; его найдена была половина , ибо она изорвавъ его брасла . Сія же половина содержала въ себѣ слѣдующее :

Любнпѣ шебл Дина
миѣ счастья больше нѣнѣ,
и сѣ къ шебѣ спрасни
не можно и сиребншѣ .

Вскорѣ попомѣ пришли ко миѣ вооруженные воины , взяли меня изъ пемницы и повесли на пригошовленной нарочно къ тому срубѣ , чшобѣ на ономѣ сжечь меня и прахѣ развѣяшь по вѣшру . Несенѣ я былѣ между множествомѣ народа , кошорые собрались смощрѣшь сего позорища , какѣ какой нибудѣ злодей и пресшунникѣ : всякой , какѣ я думаю ; желалѣ видѣшь мою погибель скорѣе , нежели миѣ она назначена была . И какѣ увидѣлѣ я пригошовленное для моеѣ казни мѣсно , шо члены мои ослабѣли , кровь во миѣ заспыла , и въ одну минушу лишился упошребленія моего разума .

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЬ 38.

Продолженіе походовеній Али- ма и Аскляды.

Вдругъ, не знаю, какое шо не понятное ободреніе произло мой слухъ и воскресло меня какъ будто бы изъ мершвыхъ; услышалъ я голосъ разношца, кошорой между людьми продавалъ розы. Въ семъ случаѣ вспомнилъ я слова превращившей меня въ орла красавицы: она кричала мнѣ въ слѣдъ, когда я съ нею проснулся, ишшо о розахъ; и шакъ думалъ, не получу ли ошн ихъ человеческого вида, и для шого ичалъ озираться по всюду, шшобъ увидѣшь шого человека. Я его усмошрѣлъ, ишо ошн находился еще впереди, и на шакомъ мѣшнѣ, кошорато намъ шшовашъ было не возможно. Ичалъ я бшшсь у вошн, кошорой несъ меня на рукѣ, шшобъ шѣмъ ближе подвесши его въ шому мѣшну, гдѣ шшчалъ продавецъ. Когда же находилась мы прошивъ онаго, шо я усмошрѣлъ къ шому большую

способноспѣ, схватилъ нѣсколько листовъ ошѣ шѣхъ цвѣшовъ и проглотилъ; въ самое шо время пошерялъ я образъ ишницы и превратился въ человека. Опушины, котороря находились на моихъ ногахъ, весьма не шрудно мнѣ было перервать, и такъ сдѣлался свободенъ. Вдругъ приключилась ошѣ шего преселикая въ народѣ шревага, всякой смонрѣлъ къверху; ибо думали, что я вырвавшись у воина поднялся изъ воздухъ. Помѣнашельство оно весьма долго не ушншалось, однако наконецъ кончилось народнымъ смѣхомъ къ преселикой досадѣ ревниваго Государя.

Сирахъ принуждалъ меня оставишь шонѣ городъ, и я надѣвъ прилично моему соснояннѣ плашье, шо сснѣ невольническое, вышелъ немедленно изъ онаго. Весь день находился въ шупешешейи, и не нашедъ нигдѣ обшшашя, принужденъ былъ шеншпроводишь ночь въ шѣу. Освирѣшѣвшая судьба вела меня изъ бѣды въ бѣду, и изъ шопасни въ шопаснѣ. Въ самую глухую полночь напали вооруженные люди, которые взявъ меня съ собою привезли въ городъ. Тушѣ содержали весьма великошнѣно, и

жилъ я въ презрадномъ домѣ. Все , что ни ешь рѣдкое на свѣстѣ , соснавлало мою плчу, плазше носилъ я сшоль богашее, что мнѣ рѣдко п видашь шакое случалось. Прислужниковъ при мнѣ находилось довольное число , все шло въ изрядномъ порядкѣ, и я думалъ, что судьба сжалась на мое горесшное осшо-ляннѣ , начинаешъ бышь ко мнѣ благо-склонна ; а не зпалъ языка шѣхъ лю-дей, у кошорыхъ я жилъ, не могъ дѣй-ствншельно предузнанъ моего рока. Въ нѣкошорое время предпрнлалъ я обшши все покон шого дому, въ кошоромъ на-ходился ; въ одномъ нашелъ человекъ , кошорой сндя на кровати весьма горь-ко плакалъ. Какъ скоро я на него взгля-нулъ, шо сердце мое облллось кровью, а глаза наполнились слезами ; ибо пе-чаль его не предвѣщала мнѣ ничего до-браго. Подшедъ къ нему , спросилъ я его, что причиною швсей печали? Ешомъ великолѣпной домъ, ошвѣчалъ онъ мнѣ, или лучше, ошверсшой гробъ несчастли-вымъ людямъ. Все его довольсшно , и все дѣлаемая намъ услуги гошовншъ мучншельнше окончаннѣ жнзнн. Мы дол-жны чреъ шри дни принесены бышь

на жершву здѣшнего города идоу и покровишелю народа. Все чужеспранцы заключаюшя въ семь домѣ, и послѣ заклаюшя ихъ на жершвенникѣ. Два дни ошасеня бышь намъ на свѣшѣ и вкушашь горькое удовольсшвѣ нашего сошюня. Услышавъ сіе я окаменѣлъ, ноги мои подогнулись, и я едва едва не повалился на землю; что дѣлаешя со мною, говорилъ я самъ въ себѣ, какое нечешное чудо овладѣло моею жизнью, и какая немилосердая (*) Эбменда пожрала благополучные дни мои и счасшя? Уже не выгнанная ли изъ ада Мегера управлешя моимъ жребіемъ, и Клошона перешала прясшя дни мои изъ золоты и шелку, кошорые проходили посреди забавъ и веселій; а шы не мило-

Часть III.

Е

(*) Чшюбъ иной охотникъ выскивать погрвшности, не привязался къ сему, что Славянинъ употреблешя въ словахъ Греческое божешя; ибо частыя войны и всегдашнее купчешя у Славянъ со Греками перемѣшали множешя. идола, и смѣсь сія была причиною тому, что Славяне ходили въ храмы Греческихъ боговъ, приносили имъ жершвы, и прошеня ихъ покровишельства. Также и Греки дѣлали, когда ихъ дрались въ нашъ шспранхъ, но Славяне все употребляли ихъ на украшеніе великихъ мѣшя.

сердая Аропа, когда уже лишился я всей надежды и упованія, для чего не перерѣжешь бѣдственную нитку моей жизни? Куда ни обращусь, и куда ни пойду, вездѣ ожидаешѣ меня новое несчастіе. И шакѣ присовокупилѣ я слезы мои къ слезамѣ моего шоварища, и начали оплакивашѣ вмѣстѣ горесшное наше соспояніе, и ожидашѣ непремѣнаго конца нашей жизни.

Когда насшалѣ для насѣ ужасной день, шо увидѣли мы, что начинаешѣся въ городѣ великое шоржесшво; всякой выходилѣ на публичную площадь въ праздничномѣ одѣяннѣ, начиналась въ кародѣ радосш, и слышны были жерпивенныя пѣсни. Сей праздникѣ ошправлялся у нихѣ богу жашвы въ началѣ весны. Вскорѣ пришли къ намѣ въ домѣ жрецы, и сами своими руками ошправили насѣ губами, и послѣ намазали наше тѣло различными благовонными мазьми; попомѣ одѣли насѣ маншїями желтаго цвѣша смѣшенными съ голубымѣ, а на головы положили изѣ различныхѣ цвѣшнѣхѣ вѣнки, и шакѣ повели насѣ шѣль дому. Какѣ скоро вышли мы на крыльцо, шо стоящїе передѣ онымѣ

другіе жрецы запѣли божескія пѣсни. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, окружали насъ толпами и усманивали изъ лицъ нашихі, будемъ ли мы пріятны ихъ богу, и по принесеніи насъ въ жершву получашъ ли они божеское снисхожденіе во одобренныхъ нивахъ.

Сей ужасной церемоніи описать я не въ силахъ; ибо находяся при смерти, не помнилъ ничего онаго, только ещо вѣдаю, что мы шли окружены жрецами, у кошорыхъ руки по локоть открыты были. Въ рукахъ несли они прѣвеликіе ножи и шопоры, и всѣ были въ бѣлыхъ запонахъ. Глаза ихъ казались наполнены кровію, и вмѣсто смиренія лещали на ихъ лицахъ неистовая злосць и яросць. Вышедъ изъ города, наконецъ пришли мы на нивы, на кошорыя вынесенъ былъ и исшуканъ земледѣля; посшавили передъ идоломъ жершвеникъ, и возложили шоваришта м его на оной. Ужасное и варварское позорище! я шеперь шрепещу ошъ шраха, когда шолько воображаю сіе неистовое зрѣлище. Связавъ ему руки оборотили за голову, и привязали весьма шуго къ жершвенному кольцу, шакже и

ноги къ другому. Пошомъ снали всѣ на колѣни, и чинилъ первосвященникъ нѣкояную молишву. По прочтеніи оной поклонилсь всѣ въ землю и приступилъ къ жершвѣ. Возможно ли свесши! у живаго человека начали вскрывашь грудь. Сколько силъ было моего товарища, кричалъ онъ ошчаянымъ голосомъ, и наконецъ скончался. По разсмотрѣніи его внутренности, и по прикушаніи крови пророчесивовалъ жрецъ, что будущій годъ будетъ весьма хлѣбороденъ: для шого сналъ опять всѣ на колѣни, благодарили милосниваго исшукана. Пошомъ, чтообъ возблагодаришь его больше, первосвященникъ сналъ съ меня вѣнокъ, надѣлъ на свою голову при громогласномъ пѣніи другихъ жрецовъ. Сняша съ меня была также и епанча, четверо жрецовъ и священноначальникъ возложили меня на жершвенникъ, и прикрѣпили руки мои и ноги къ жершвеннымъ кольцамъ. По прочтеніи первосвященникомъ молишвы, взялъ онъ жершвенной пожъ и приступилъ ко мнѣ; какъ шолько намѣрился взрѣзашь грудь мою, вдругъ запряслась земля и исшуканъ поколебавшись гово-

риль сѣе: „Сія жерпка миѣ противна,
 „и вмѣсто милосердїи за оную претер-
 „пиль народъ жестокое наказанїе.“ Вы-
 слышавъ сѣе воззвонилъ всѣ громкими го-
 лосами, чѣмъ видѣвъ меня живаго; по-
 томъ ошвадали ошъ жершвенника
 и снѣгъ сѣ оного, одѣли шюю же
 епанчю, и первосвященникъ возложилъ
 на меня мой вѣнецъ. Потомъ благо-
 дуря весьма много своей испуканїю, воз-
 вращался въ городъ сѣ шюкою же це-
 ремонїею, гдѣ началось великое праздни-
 сшво, въ кошоромъ препроводили шѣлые
 шри дни. Пабожные и знающїе гаданїе
 люди приходили въ жершвенной домъ,
 смонрѣли у меня на рукахъ и на челѣ,
 иль ли какихъ нибудь божескихъ зна-
 ковъ, не погрѣшили ли они весьма мно-
 го приношенїемъ меня на жершву. По-
 сѣ шю же учинили все собранїе жре-
 цовъ, раздѣвали меня и сшавили въ
 бодьномъ залѣ на нѣкошорое возвышен-
 ное мѣсто; и шюкъ продолжалось сѣ
 примѣчанїе не меньше мѣсяца, въ ко-
 шорое время оказывали миѣ великую
 чесшъ и почшенїе, довольсшвовали меня
 всѣмъ шѣмъ, чѣмъ шюлько надобно до-
 вольсшвованшсья одному Государю. На-

конецъ наградивъ великими сокровищами
выпустили изъ города, ибо не нашли
они во мнѣ ни одного божескаго знака.

Вышедъ изъ города, первому чело-
вѣку, кошорой со мною встрѣтился,
опыдалъ я все данныя мнѣ оиѣ жрецовъ
сокровища; ибо казались онѣ мнѣ опас-
ными въ моемъ пупи, и сверхъ того
узнавалъ я по прешерпѣнн шолкихъ не-
счастій увидѣвъ мое опечесиво и воз-
любленную Аскладу, копорую не про-
мѣнялъ бы на все драгоцѣнносни все-
ленныя. И шакъ въ прежнемъ невол-
ническомъ плашѣ продолжалъ мой пуп,
въ надеждѣ увидѣшь моихъ подданныхъ;
но не милосердая судьба еще ненасыши-
ма была моими мученіями, и не пере-
спавала услаждашья моими гореснями.
Какъ переходилъ я нѣгда дремучій и
частой лѣсѣ, то желая нѣсколько успо-
коитья, сѣлъ подлѣ одного весьма гни-
хо журчашаго исшочника; и въ то са-
мое время, какъ любовался симъ прекрас-
нымъ мѣстомъ, ибо оно имѣло весьма
прекрасное положеніе, увидѣлъ, что съ
высокія горы бѣжала ко мнѣ свирѣпая
лѣвица; челюспи ея были окровавлены,

казалась какъ будто бы она теперь расперзала какое нибудь несчастное животное, и бѣжала моженіи быши ушолити жажду въ шемі источникъ, подлѣ котораго я находился; но увидѣвъ меня удвоила она свое шремленіе, и разинувъ пасти, вознамѣрилась пожрать и меня. Ненасышима я алчба и покрывша кровію глаза ясно показывали мнѣ мою гибель; вмѣсто шого, чшобы мнѣ спашься, помершвлѣ я сидя на мѣстѣ, и не зналѣ, чшо предпріять при семъ бѣдшвенномъ окончаніи моей жизни. Чѣмъ ближе находилась она ко мнѣ, шѣмъ больше яроснь е я умножалась, и яснѣе показывалась мнѣ моя гибель. Наконецъ чрезвѣщешвенная е я злоснь и необузданное шремленіе, какъ видно, помушили нѣсколькo е я зрѣніе: набѣжала она на прешодшое дерево, и обѣ него шполь сильно ударилась, чшо отскочивъ нѣсколькo назадъ, заревѣла преужасно, и въ скоромъ времени издохла.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЬ 39.

Продолженіе походовеній Али- ма и Аскіады.

Собравши нѣсколко ослабшихъ моихъ силъ всшалъ и продолжалъ мой пушъ, проклиная мое несчастіе, рожденіе и особенно самаго себя; ибо казался уже я и самъ себѣ несносенъ, и мнѣ мнилось тогда, что ни одинъ человѣкъ не прешерпѣлъ въ жизни столько сирасховъ и ошчаянія. Находяся не малое время въ дорогѣ, пришелъ я наконецъ къ снѣнамъ нѣкошораго великолѣпнаго города, кошорой сшоялъ на берегу морскаго залива; всѣ ворота онаго были запершы и подняшы мосты на шомъ каналѣ, кошорой окружалъ сшѣны. Поля, на кошорыхъ, какъ видно, были весьма плодоносныя нивы, заросли всѣ не нужною человѣческому роду шравою; лѣса казались всѣ въ превеликомъ безпорядкѣ, какъ будшо бы сердшые вихри сшарались искоренишь оныя до основанія; испочники и другія шови зава-

лены были землею и каменьями: и слово, находилось все въ шакомъ безпорядкѣ, что казалось мнѣ, будто бы обильная и щедрая природа не имала сего мѣсна плодотворцами своими соцами. Граждане увидѣвъ со снѣжъ, что я ходя по полямъ разсманривалъ ихъ несчастіе, вышли ко мнѣ, и взяли съ собою въ городъ. Пришедши въ оной, ошдали меня жрецамъ, изъ копорыхъ одинъ зналъ нашъ языкъ совершенно и могъ со мною разговаривать. Онъ увѣдомилъ меня о несчастіи народомъ симъ повѣшнованіемъ: Послѣдній нашъ Государь былъ человекъ весьма нечестовой; онъ управлялъ нами самымъ ширанскимъ образомъ, упѣчалъ знаныхъ господъ и насилдовалъ ихъ дочерей, казилъ безъ милосердія всякого, копорой хоть мало прошивился его прихотямъ. Сдѣлалъ кровосмѣшеніе съ двумя своими дочерьми, копорыя въ превелякомъ снѣдѣ и ошчяніи закололись. Супругу свою умершвилъ онъ своими руками недовинную, и наконецъ предпріалъ услаждаться всякой день кровію своихъ подданныхъ, что видя духовенство предпріало воздерживать

его отъ того совѣтами и другими способами. Въ скоромъ времени возненавидѣлъ онъ всѣхъ насъ, не пощадилъ и нашей крови; наконецъ, ужасно вымолишь, разорилъ всѣ храмы до основанія, сокрушилъ нашихъ идоловъ, и велѣлъ покидать ихъ въ презрѣнное всеми нашими людьми болото, которое находится за городомъ. Справедливые боги переснявъ шерсть его беззаконію, послали на наши поля безобразное и превеличайшее чудо, которое во первыхъ пожрало вѣрвара нашего и обладателя, потомъ пожрало его сообщниковъ, наконецъ глѣвъ божескій низпалъ и на насъ неповинныхъ. Мы черезъ всякіе два дни ошдаемъ челоуѣка на сѣденіе чуду; но еще избываемся нѣсколько шѣмъ, что нѣкоторые отважные граждане ѣздивъ по окрестнымъ мѣстамъ ловяшъ чужеземцевъ, которые замѣняютъ нашихъ гражданъ, и мы сохраняемъ ихъ здѣсь для того весьма рачительно. Вчера ошдали мы послѣдняго, и еслили сего дня не привезушъ поиманныхъ, то думаю, что городъ опредѣлишъ въ знѣдь тому неистовому чуду жизнь цвою и шѣло.

Услышавъ сіе вскочилъ я весьма поспѣшно, ухватилъ же пивенной ножъ, висящій шупѣ на стѣнѣ, и хощѣлъ лишить себя самъ поносною и презрительной моею жизни. Но жрецъ воспреняшсвовавалъ мнѣ оное, я закричалъ, чтобъ педали ему помощь; въ одну минуту прибѣжало другихъ множество жрецовъ, связали мнѣ руки и приспавили шрехъ оберегашпелей. Часа съ три сшараднсь они наполнишь меня мужесшвомъ и не спрашншься предписанной мнѣ смерти. Знашь, что такъ судьбѣ угодно, говорили они, когда ты самъ пришелъ на свою погнбель. Ты долженъ непременно скончашшь свою жизнь, когда ннбудъ; но за избавленіе цѣлаго народа умереть славнѣе, нежели скончашшь поносною смершю. Мы напишемъ имя швое въ духовную книгу, и всякшй день будемъ поминашь тебѣ предъ богами, и просишь у ннхъ вѣчнаго шибѣ блаженсшва, которое для всего смершного племени еспѣ неощнненное сокровище; но онсе достигнушь можно добрыми дѣлами, а самоубійцы вѣчно заключающся во адѣ, и не должны ожидашь никогда своего избавленія. Что должно мнѣ было думаць

погда о моей жизни? Я укорялъ немилосердыхъ боговъ, и власи ихъ надъ людьми починалъ шираниствомъ, и сшодомъ ожесточилось несчастіями мое сердце, что я хотѣлъ скорѣе увидѣшь злое по чудовище, нежели мнѣ предписано было. Всю ночь находилъ я въ превеликомъ нещербити, и животи мой сшодомъ мнѣ сдѣлалъ несноснымъ, что всякую минушу ожидалъ я свѣта.

Когда вознедѣ пошухла зоря, и кровавое для меня солнце взошло на мой плачливой горизонтѣ, началъ въ городѣ великой плачь; вывели меня на народную площадь, всякой подходилъ ко мнѣ со слезами и оплакивая облобызалъ меня въ послѣдній разъ. Жрецъ исповѣдавъ меня и сдѣлавъ должное погребеніе, приказалъ народу вторично со мною прощаться. Сіе плачевное позорище продолжалось часа съ два, и я сидѣлъ облитъ весь слезами; пошомъ, когда поведи меня въ воронны, чшобъ вынустить за городъ, женщины и дѣвицы взывали тогда громкими гласами; и сіе безъ выносу погребеніе плачевнѣе было всякаго ошходящаго въ вѣчностъ челоука по уложенію природы. Когда же выпу-

шили меня изъ города, то заперли
 вѣнцы вѣрныи и пошли все на свѣтлы
 сморѣньи свирѣтосни чудовища и моего
 преблженнаго окончанія жизни. Дол-
 го я ходилъ во поле и съ вѣтерѣи темъ
 ждалъ смерти: ибо въ одно положен-
 ное время чудовище подходило къ горо-
 ду. Наконецъ появилось оно изъ густа-
 го лѣсу: видѣ его сколько былъ стра-
 шенъ, что превосходилъ всякое ужасное
 и дикое безобразіе. Крѣпость моя и му-
 жество, чтебъ безъ робости присту-
 пилъ къ смерти, въ одну минушу из-
 чезли, и я сколько оидялся ошчаянтію,
 что едва меня держали ноги; ужасной
 шепъ зѣбрь весьма скоро ко мнѣ при-
 ближился, расшорилъ алчныя свои че-
 люсти, и хопѣлъ съ превелнкою жад-
 носію пожранъ меня. Въ самое то
 время поднялась ужасная буря и схвативъ
 меня унесла почти уже изъ рта того
 изверженнаго изъ ада страшнаща; по-
 томъ принесенъ я быдѣ опенъ въ Аро-
 ннѣи ошроу, и вода вела меня въ
 ея покой, но вскочивъ она съ софы бро-
 силась цѣловать меня и посидѣла подѣ
 себя. Но сихъ моихъ благодѣяній
 еще ли сердце швое не можшъ бышь ко

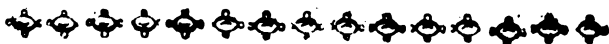

мнѣ чувствительно: я приходила въ шэнъ ужасной замокъ, въ которомъ долженъ былъ ны погибнуть ошъ волшебника, научила шу красавицу, какъ прерапить себя въ пшцу, избавила себя ошъ казни, сказавъ, какимъ образомъ можешь ны получить образъ челоѡка; сто не шу красавица говорила небѣ въ сльдѣ, но я, кошора всегда стараюся о швоемъ благополучи. Когда кошѡлм принесши себя на жершву, говорила я вмѣсно исшукана жрецамъ, что жершвася не угодна богамъ, и шѡмъ избавила себя ошъ смерти; въ густомъ лѣсу опияла я зрѣнне у кошѡвшей пожрашъ себя лѡвицы, и наконецъ почши уже изъ рша выхватила у свирѣпато чудовища помощью послушныхъ мнѣ вѣнровѣ. Выговаривая сш слова, примѣшилъ я, что она красиѡлась; хотя желанія ея стремились преодолѣшь сшдѣ и благоприсшайносшь, но однако совѣсь въ ней еще не умолкала. Чшожъ должно было мнѣ опѣчашъ нч ея привѣщенше? Она приключила мнѣ всѣ несчастія, и онажъ извинялась ими, почипая шо добродѣшелью. Государыня моя! опѣчалъ я ей, ибо досада моя не позволяла

мнѣ именовать ея богинею, ты безъ сомнѣнїя сдѣлала мнѣ великія благодѣянїя, и швоая ко мнѣ благосклонношь превосходишь всякое милосердіе на свѣтѣ; но я прошу шебя, чшобы не сшаралась возжечь въ сердцѣ моемъ пламень: ибо вмѣсто благодарности чувствую я къ тебѣ опшвращенїе, и увѣряю шебя, чшо шы по смерть мою не получишь ошв меня никакого любовнаго знака. Выслушавъ сїе не показывала она мнѣ своей досады, хошя она явно лептала на ея лицѣ. Ты видишь, сколько я шебя люблю, говорила она опяшь, чш о всѣхъ твоихъ досадахъ вмѣняю ни во что: шы овладѣвъ моимъ сердцемъ и душою, предписываешь мнѣ новые законы, и властвуешь мною шакъ, какъ немилосердый побѣдишлъ обезоруженнымъ швольтникомъ; я вся въ швоей власши, повелѣвай мною по швоему соизволенїю, лишь шолько окончай мое мученїе, и покажи мнѣ сколько нибудь швоей благосклонности. Пошномъ бросилась она ко мнѣ на шею, и начала цѣловать меня самымъ шпрасшнымъ образомъ: мысли ея находилась въ позшорядкѣ, душа волиовалась швою несклонношшю, а шпрасшное ея

сердце трепетало отъ моей суровости. Вместо того, чтобы приласкаться, оттолкнулъ я ее отъ себя презрительнымъ образомъ. Тутъ-то овладѣла досада ея сердцемъ, и показала она всю свою злобу, какую только можно было ожидать отъ раздраженной Клеменды. Поспой, сказала она поскрежежавъ зубами, когда ны только дерзоснешь, но скоро узнаешь власнь мою и свѣе прѣмое несчастье; съ епой минушы ны вѣчно будешь оплакивашь жизнь свою, и конца оной никогда не дождешься. Потомъ вышедъ въ другую комнату взяла волшебную широкъ, и пришедъ ко мнѣ махнула оною по воздуху, и начала говорить слѣдующее: бурные и свирѣные вѣтры! понесите голосъ мой во адъ, и шумъ винушите оной фурійамъ, чтобы немедленно явились предо мною; а ны, великій адъ Царь, подкрѣпи душу мою приличною мнѣ швердосию. По симъ словамъ узналъ я, что она была волшебница. Весьма скоро появилась передъ нею пеншовья фурія, кошо-рымъ приказала она мучить меня во всю мою жизнь; потомъ позвала къ себѣ своего Исполниа, оберегашеля ея отъ ошрова, и

приказала перенесни меня на сѣ мѣсто,
и шумѣ превратиши въ дерево. Въ одну
минушу подхватилъ меня шотѣ неис-
шовой Гиганшѣ, принесѣ сюда и шумѣ
великимѣ чарованіемѣ опнялѣ у меня
образѣ челоуѣка, и далѣ миѣ сей, въ
кошоромѣ я и теперь нахожусѣ. Пре-
милосердые боги! примолвилѣ Алимѣ
вдыхая, проишесѣ моимѣ мученіемѣ,
освободише ошѣ сего несчастія, или
прекрасише несносную жизнь мою;
полько чшобѣ Асклада осшала сѣ послѣ
меня благополучною.

ГЛАВА X.

ВЕЧЕРЪ 40.

*Продолженіе повѣсти оу
Аскалонѣ.*

Какѣ скоро Алимѣ окончилѣ свои
слова, то превеликой и пресира-
шной левѣ унесѣ ошѣ него Аскалона,
и ошѣ желая, можешѣ бышѣ, получишѣ
облегченіе въ своей печали, осшала сѣ

Часть III.

Ж

опять безнадеженъ, и думалъ, что уже во всю ясную свою жизнь не получишь никакой ошрады.

Левъ на широкой своей спинѣ взнесъ на высокую гору Аскалона, и шамъ различными шѣлдвиженіями показалъ, что бы онъ взлѣзъ на дерево, копорое одно шолько на горѣ находилось, и спояло подлѣ одной пропасши, весьма много вдавшейся въ гору. Когда Аскаломъ, невѣдавшій своей судьбины, находился уже на деревѣ, шо левъ ушкнувъ свою голову въ шое пропасшь, весьма поспѣшно онскочилъ онъ оныя; попомъ подылся въ ней ужасной сенснѣ и выползъ изъ омыя превеликой змѣй; ни мало не медля сразилися они и начали рвать другъ друга безъ всякой пощады. Левъ повреждаемъ былъ онъ змѣя во всякомъ мѣспѣ, ибо ничшо его не защищало; а змѣй, прикрышой чешуею, находился во всякой безопасности; наконецъ пропоролъ ему звѣрь чоево, и упали они оба ушомясь на землю; пошомъ собравъ шѣсколько силъ, вышупили опашь въ сраженіе, онъ чего ушомясь еще больше, почти уже безъ чувства растяпулись

подлѣ пропасни. Издыхающій звѣрь поднималѣ спрашныя и кровавыя глаза свои на дерево, и просилѣ оными помощи у Аскалона, кошорому весьма не шрудно было понимать его желаніе: чего ради сошедѣ онѣ съ дерева, хошѣлѣ обезсилѣвшихъ ихъ умеривити обѣихъ, чипобѣ шѣмѣ лишити ся ему неволи, освободяся онѣ сихъ свирѣлыхъ двухъ чудовищъ; но раздробивѣ всю внутреннюю въ змѣѣ, пощадилѣ онѣ обезсилѣваго льва, вспомнивѣ то, что онѣ весьма пріятенѣ къ людямъ; сверхъ же сего надѣялся, чню звѣрь его выведешѣ изѣ сего незнаемаго имѣ мѣста; и шакѣ предпріалѣ ожидашѣ, чипобѣ левѣ собравши сѣ силами оказалѣ ему сію услугу. Весьма въ скорое время получилѣ свирѣпой звѣрь всѣ свои пошеряныя силы, и показывалѣ великую ласковость къ Аскалону, кошорому, какѣ казалось, изѣявлялѣ онѣ свою благодарность; потомѣ посадивѣ его на спину, понесѣ сѣ горы на другую сторону къ нѣкошорому испочнику, кошорой весьма обильно прошекалѣ въ прекрасной и украшенной различнаго вида цвѣтами долини. Тутѣ бросилѣ въ воду, и не долъко чпо въ одну минушу омылѣ

кровавыя раны, но и совсѣмъ заживилъ
 оныя, и напившись оной довольно, по-
 казался Аскалону еще бодрѣе и сильнѣе,
 нежели онъ былъ прежде. Подхва-
 тивъ его опянь на себя поспѣ съ пре-
 великимъ стремленіемъ опянь на шое же
 гору. Какъ скоро вбѣжалъ шуда, шо
 ошвалилъ онъ пропасти умершаго змѣя,
 который прикрывалъ собою оную, влѣзъ
 въ нее и началъ выносить ошшуда пре-
 великія куски золоша, (*) различныя
 дорогіе каменья и жемчугъ весьма высо-
 кой цѣны, и другіе рѣдкіе и блестящіе
 слитки металловъ, которые всѣ пред-
 лагалъ онъ Аскалону въ благодарности,
 что съ помощію его побѣдилъ своего
 соперника; но какъ увидѣлъ, что Аска-
 лонъ ошказываенся и не хоченъ ихъ
 принянь, шо возвратившись опянь въ
 пещеру, вынесъ изъ оныя маленькой и
 черной камень, которой съ превеликимъ
 усердіемъ ошдавалъ Аскалону. Весьма
 шому удивительшо казалось, что послѣ
 великихъ сокровищъ играждалъ его левъ
 (*). По доказательствѣмъ Натуральной Истѣ-
 ри есть нѣк. т р й родъ змѣевъ, кот рые
 собираютъ рѣзны металлы и кам нья, хра-
 вятъ ихъ въ своихъ пещерахъ и лежатъ по
 чва хд.

бездѣлицею ; но звѣрь весьма приставалъ къ нему, и всякими ласкашельствами показывалъ, чинобы Аскалонъ взялъ съ собою сей камень. Наконецъ вознамѣрился онъ исполнить звѣрево желаніе, взялъ шонъ камень и привязалъ къ своему грудному шализману: ибо по малосши его не зналъ онъ куда его положишь ; пошомъ левъ опнесъ его къ шому дереву, онъ кошораго взялъ.

Алимъ почувсшвовавъ подлѣ себя нѣкошорой шумъ, или лучше, движеніе человека, спрашивалъ, не ошпшь ли я шолько счасшавъ, что судьба послала мнѣ шого чужешшранца, кошорой слушалъ мои приключенія. Я, любезной другъ, ошвѣчалъ ему Аскалонъ, освободившійся оцѣ свирѣпаго звѣря, я шебя обнимаю ; но лишь шолько распрощеръ онъ свои руки и прикоснулся къ дереву, дубъ исчезъ, а вмѣсно онаго явился передъ нимъ Мавѣонской владѣтельница во всемъ своемъ образѣ. Какъ Аскалонъ, шакъ и Алимъ весьма много удивились и сдѣлались неподвижными; однако Алимъ бросился шѣлованъ Аскалона и благодарилъ его весьма усердно за его одолженіе. **Возлюбленной мой**

другъ! говорилъ онъ Аскалону, скажи мнѣ, изъ которой шы сираны свѣща посланъ мнѣ избавленіемъ, и какое милосердоѣ божество привело тебя на сей невѣдомой никому островъ; чѣмъ я могу возблагодарить тебя за сіе, и какую найду тебѣ услугу, которая бы могла сравниться съ столь великимъ твоимъ благодѣяніемъ? Аскалонъ не вѣдавъ самъ причины сему превращенію, не хотѣлъ принять отъ него благодарности, и для того предпріяли они оцъ сыскавъ корень ешой шайны, скрывающійся еще отъ ихъ понятія. Не уже ли сей камень, говорилъ Аскалонъ, данной мнѣ отъ звѣря, былъ тому причиною, и сія малая вещь столь великую имѣетъ въ себѣ силу? Алимъ отвѣчалъ ему на сіе, что островъ сей не прямой островъ, но нѣчто околдованное, какъ онъ о томъ слышалъ; но весьма не трудно намъ будетъ искусить сей камень, положимъ его на землю, и увидимъ, какое произойдетъ отъ того дѣйствіе. Аскалонъ отвязалъ его отъ тализмана, и какъ скоро положилъ на землю; то вдругъ сдѣлалось ужасное потрясеніе и весьма великой шумъ. По

прошесипвѣи же онаго Аскалонѣ и Алимѣ
 вмѣстѣ оспрова увидѣли себя на кораб-
 лѣ, чѣмъ нѣмъ весьма много удивило.
 Люди на онѣмъ вспавали какъ будто
 бы ошѣмъ крѣпкаго сна, и смотрѣли во
 всѣ стороны съ превеликою жадностію,
 и казалось, какъ будто они гдѣ цѣлой
 свѣта не видали. Когда пришли въ па-
 мять, то Аскалонѣ спрашивалъ, чьи
 они люди, и кому принадлежаши сѣмъ
 да, ибо передъ глазами Аскалона и А-
 лима находились нѣмъ кораблей? Мы
 Варяги, ошвѣчалъ кормщикъ корабля
 шого, на которомъ находился Аскалонѣ.
 Военачальникъ нашѣмъ сынѣмъ великаго го-
 сподина, по похищеніи разбойниками его
 любовницы предпріялъ сирансированіе
 по свѣту и искаше шого, чего нѣмъ
 ему милѣе въ онѣмъ; и такъ плавали
 мы въ морѣ долгое время и искали ее
 до сихъ поръ безъ всякаго успѣха; на-
 конецъ приспали къ сему оспрову, ко-
 шорой вы видите, и шуше долгое вре-
 мя или были въ нѣкоторомъ непонят-
 номъ намъ забвеніи, или превращены
 были во что нибудь, чего мы до сихъ
 поръ не понимаемъ. Гдѣ же вашѣ на-
 чальникъ, спрашивалъ Алимѣ у него?

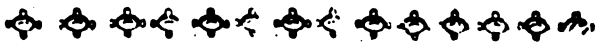
Ж 4

Когда мы прѣехали сюда, отвѣчалъ
 опять кормчій, но онъ съ нѣкоторыми
 избъ насъ пошелъ осмопрѣшь сей осировѣ,
 и шамъ превращенъ въ дерево; попомъ
 указалъ имъ оное. Аскалонъ прикосно-
 веніемъ того же камня возвратилъ и
 шому прежній его образъ. Великодуш-
 ный незнакомецъ: началъ говорить пре-
 вращенный полководецъ, я вижу, что
 вы всегда стараясь о человѣческомъ
 благополучіи, находите въ шомъ удо-
 вольствіе, чтобъ помогать имъ во вся-
 кое время. По сихъ словахъ благодарилъ
 онъ весьма чистосердечно Аскалона, и
 по прозьбѣ его рассказалъ имъ малое
 сѣе похождение такимъ образомъ: Я
 пиная спросилъ мою къ нѣкоторой при-
 дворной дѣвушкѣ, былъ чрезвычайно
 въ началѣ любви моей несчастливъ.
 Всякой день спросилъ моя восходила на
 вышнюю ступени, и всякой день полу-
 чалъ я отъ нее новыя огорченія; лю-
 бовь моя долго боролася съ моимъ раз-
 сужденіемъ, и наконецъ преодолѣла она
 разумъ мой и помяте. Я влюбился до
 крайности, и не хотѣлъ отстать отъ
 Асы, шакъ называлася моя любовница,
 хотя бы стоило оно моеи жизни; а не

выдавъ къ полученію ея никакого спосо-
 ба, вознамѣрился употребить нѣкошо-
 рую хитрость, кошорая можетъ бытъ
 простишельна спрасшному любовнику.
 Она уже была помолвлена за нѣкошора-
 го придворнаго челоуѣка; и когда пред-
 сшали они въ храмъ обѣщанія, шо и я
 пришелъ не медля въ оной. Когда же
 пришла Аса передъ идолъ богини, и
 начала обѣщанья Салиму, шакъ и
 новался назначенной ей женихъ; и когда
 выговаривала она сіи слова: Обѣщаюся
 препроводить всю жизнь мою; шо я за-
 кричалъ весьма громко, съ Ешомомъ; ибо
 я шакъ называюся, и не далъ ей выго-
 ворить, съ Салимомъ. Услышавъ сіе
 жрецы опредѣлили, чшобъ бытъ ей за
 мною; ибо выговоренное слово во храмъ
 обѣщанія и передъ богинею никогда не-
 ремѣняемо не было: и шакъ вмѣсно
 Салима совокупился я съ Асою бракомъ.
 Спустя нѣсколько времени послѣ наше-
 го сочешанія, когда прогуливался я съ
 женою по присшани, шо не малое число
 злодѣевъ окруживъ меня, подхватили
 любезную мою супругу и увезли ее отъ
 меня. И шакъ поѣхалъ спранешивашъ
 по свѣшу и искалъ ее во всякомъ мѣ-

спѣ. Находясь весьма долгое время въ морѣ, прѣехали мы наконецъ къ сему острову, гдѣ хотѣли переправить наши суда и запасшись хорошею водою. Я долженъ былъ сойти съ корабля и посмотреть оныя на семъ островѣ. Какъ только я пришелъ къ сему ручейку, кошорой вы передъ собой видите, то нашелъ въ ономъ двухъ дѣвушекъ весьма прекрасныхъ: онѣ купались въ сихъ цѣлищельныхъ водахъ и были совсѣмъ наги; одна изъ оныхъ, кошорая казалась поважнѣе другой, разсердившись весьма на меня, плеснула водою, отъ чего въ одну минуту превратился я въ дерево и сдѣлался неподвиженъ. Потомъ вышедъ онъ изъ ручья, пошли къ моему флоту и превратили его въ нѣкошорой малой островъ и присоединили къ сему, и мы до сихъ поръ пребывали полумертвыми. Кошожь шакова была та дѣвушка, богиня она, или смертная, того я не вѣдаю, и мы ее съ шѣхъ поръ уже не видали. Ешомъ окончавъ такимъ образомъ свои приключенія, благодарилъ вшорично Аскалона за свое избавленіе; а Алимъ предпріялъ просить Ешомъ, чшобы онъ на

своихъ судахъ отвезъ ихъ на островъ Млаконъ; прогналъ шакже и Аскалона, чшобы онъ согласился съ нимъ шуда поѣхать, ибо хотѣлъ онъ возблагодарить его шамъ досшойнымъ образомъ. Великая необходимосшь согласила всѣхъ ихъ къ одному предпріятію. Ешому во всякую страну ѣхашъ было не бесполезно, ибо онъ искалъ супруги своей по всему свѣту. Алимъ долженствовалъ увидѣть свое ошечесиво и Аскаладу; а Аскалонъ имѣя нештовья мысли, веюду намѣренъ былъ слѣдовать: и шакъ исправивъ суда и запасшись всѣмъ надобнымъ, ошправилися они всѣ въ желаемой ими пушь:

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЪ 41.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Находяся не малое время въ морскомъ плаваніи, прибыли они наконецъ подъ ечасливья Млаконскія небеса, и

приспавъ къ осирову, вышли на прекрасные берега онаго, гдѣ просилися съ Епомомъ, котораго никакъ не могли уговорить, чтобы онъ побылъ съ ними нѣсколько на осировѣ, и шакъ отпра-вился онъ въ свой пушь. Алимъ и Аскалоиъ желая условиться между собою, слѣдовали въ священную роццу, и шамъ хошѣли опредѣлить свое намѣреніе, ка-кимъ образомъ показаться имъ народу, и увѣдомишьсѣ обо всѣхъ обстоятель-ствахъ, какія происходящѣ шеперь во владѣиин Алимовомъ. Пришедъ въ оную, нашли они шушь нѣкоторыхъ жрецовъ, которые обыкновенно ошправляли граж-данскія жершвы. Алимъ укрывая какъ свое имя, шакъ и досшопешво, подешу-пилъ къ одному съ великимъ подобо-спрасштемъ, и просилъ, чтобы онъ у-вѣдомилъ его объ обстоятельствахъ го-рода и народа. Мы, говорилъ онъ, чу-жеспранцы, желающіе смощрѣшь обык-ловеніе и обхождение людей, пушешешвуемъ по свѣшу и желземъ увѣдомишьсѣ, какіе природа разсѣяла шаланшы по лицу земному, и въ какомъ мѣстѣ ушѣ-сенная добродѣшель имѣешъ лучшее свое прибѣжище. Вы здѣсь не сыщете

добродѣтели, отвѣчалъ жрецъ вздохнувши весьма прискорбно; она уже выгнана оубо насъ, и къ превеликому нашему несчастію думаемъ мы, что никогда уже сюда не возвратишься; мы возвели на пресшолъ, продолжалъ онъ, весьма поличительнаго о подданныхъ Государя, которой всякой часъ спарался о нашемъ благополучіи, предупреждалъ наши надобности: и словомъ, сколько былъ прозорливъ, что предусматривалъ и отворачивалъ всякое зло оубо подданныхъ. Когда же утвердился онъ любовію нашею на пресшолъ, началъ поступать по своимъ присирашеніямъ: прежде въ тѣхъ возненавидѣлъ Княжескую дочь Аскладу, которую долженъ онъ былъ имѣть своею супругою, отослалъ ее оубо своего лица, и послѣ заключилъ въ пемницу. Тѣ, кои держали ея сторону, лишены всего имѣнія и препровождаютъ жизнь свою въ изгнаніи. Вчера публикованъ въ народъ указъ, въ которомъ объявлено, будто Асклада сдѣлалась виновною со всѣми своими сообщниками, будто она имѣла умыселъ, чтобъ оинѣшь жизнь у Государя: и такъ завтрашняго дня увидите вы здѣсь самое ужасное и

плачевное позорище; ибо будешь она сожжена въ первомъ часу по полудни. При семъ словъ Алимъ перемѣнился въ лицѣ; члены его задрожали, и если бы не поддержали его Аскалонъ и жрецъ; но бы онъ конечно упалъ на землю. Аскалонъ какъ возможно старался скрывать передъ жрецомъ еѣ подозрѣнїе; но шонъ имѣя онъ природы пронизательной разумъ, усереммля глаза свои на Алима, и не хотѣлъ онъ обратити онъ онаго любопытнаго своего взора. Образъ его показывалъ, что онъ весьма много удивляется Алимовой перемѣнѣ и приключившемуся весьма чудному въ природѣ его волненїю. Сомнѣнїе его онъ часу больше умножалось, когда онъ приводилъ на память неисповѣдимыя божескія ошвѣны, копорые они не за долго предъ симъ получали. Можешъ бытъ старался бы онъ и скрыти оное, но сердечное нѣкопорое чувствованїе выдѣшало изъ тажной его образъ.

По приведенїи въ чство Алима не упустилъ онъ ни малѣйшей прозьбы, чтобъ пригласити ихъ къ себѣ въ домъ. Когда же пришли они въ оной, то жрецъ собравъ своихъ товарищей, просилъ Али-

ма, чтобъ онъ сказалъ ему, какого онъ города жишель и все принадлежащее до его жизни; но Аскалонъ и Алимъ просили его, чтобы онъ позволилъ имъ нѣсколько успокоиться: ибо предпрѣяли они какъ возможно освободить Аскляду отъ казни, и для того хотѣли нѣсколько посовѣшовавъ между собою уединенно, что имъ и позволено; и сіе умножило еще больше жреческое сомнѣніе; ибо нашедъ превеликое сходство въ Алимѣ со своимъ Государемъ, не знали они; какъ расподковавъ сіе приключеніе. Божескіе же ошвѣпы означали иногда, что владѣвшіи ими не дѣйствительной ихъ Государь. И шакъ сдѣлалось между ими превеликое волненіе. Они хотѣли изслѣдовавъ сію шайну, но не имѣли къ тому ни малѣйшаго слѣда. Все было сокрыто отъ ихъ пониманія, и самая истина казалась имъ неизслѣдованнымъ невѣденіемъ.

Алимъ и Аскалонъ находясь наединѣ, искали способовъ ко освобожденію Аскляды; но къ превеликой прискорбности спрашнаго Алимова сердца не находили ни одного; одна только храбрость отважася избавленіемъ оной. Алимъ

предпріалъ твердо поразить своею рукою неисповаго шого самозванца, кою похишилъ у него преснолбъ, и вознамѣрился лишить его любовницы и супруги самую поносною и презрительною смертію. И такъ не сыскавъ больше никакого способа, положили непременно принести ярости своей на жертву незаконнаго обладателя народомъ. Дѣйствительной Млаконской обладатель препроводилъ всю ночь въ превеликомъ безпокойствѣ, и не желалъ ни на минушу имѣть онаго. Онъ въ сіе время ходилъ осматривать въ городѣ мѣста, коихъ ему возможность позволяла; между шѣмъ нашелъ пригошевленной срубъ на погубленіе Асклады, и словомъ высмотрѣлъ все въ расположенію предпріяшыхъ имъ мыслей; попомъ ожидалъ съ нешерпѣливостию утира.

Млаконскія небеса украшались уже свѣтлою синевою, шускые облака удаляя отъ свѣта падали въ Западное море, горы и долины пили кровавую росу, чѣмъ предвѣщали въ сей день ужасное спенаніе земли; солнце взошедъ изъ горизонтъ, казалось, какъ будио бы опираетъ свои лучи и не хочетъ гля-

дѣнь въ городѣ, а особливо въ то мѣ-
 сцо, въ которомъ опочивалъ ипранъ
 миролюбиваго народа. Обыкновенные
 предвѣспники солнцева восхожденія, прѣ-
 лстныя Зефиры, кошорые на ясныхъ во-
 дахъ поднимающъ шихія волны, удаля-
 ся отъ города, осушили поля и доли-
 ны; ибо не хошѣли бытъ свидѣтелями
 варварскаго позорища, въ осушеннѣи
 ихъ горѣлъ воздухъ, и казалось, что
 все снхія воспламеняющъ отъ одной:
 словомъ, вся природа на семъ островѣ
 казалась въ превеликомъ помѣшатель-
 ствѣ. Граждане открывая глаза свои,
 исполняли ихъ слезами, и вездѣ слыш-
 но было сердечное стннаніе, всякой
 прошивъ желанія своего гошовился уви-
 дѣтъ смерть законной своей Государи-
 ни, и неволю шелъ на назначенное ему
 мѣсто. Жрецы зашворили храмы, и
 скрившись въ оныхъ, просили боговъ,
 чтобы они ошврашили свой гнѣвъ отъ
 народа за невинную Аскладу. Время
 уже приходило къ совершенію дѣла.
 Аскалонъ и Алимъ пришедъ сшли на
 шкомъ мѣстѣ, кошорое весьма способ-
 но было къ совершенію ^{сва} ихъ заговора,
 и кошорое они прежде уже назначили.

Часть III.

3

печаль и погребеніе. Капаящіяся по лицу ея слезы, и не чувствительное сердце удобны были привесни о ней въ сожалѣніе. Въ рукахъ держала она большой золошой сосудъ, въ которомъ находились разные дорогіе каменья и жемчугъ, чѣмъ она обыкновенно украшалась въ своей жизни. Оныя сокровища, и приномѣ деньги раздавала она своими руками бѣднымъ людямъ, и приномѣ можно было видѣть, что каждой камень омоченъ былъ ея слезами. Какъ скоро народъ увидѣлъ ее въ семъ образѣ, то ужасно возсенадъ, и началось вездѣ рыданіе. Женщины и дѣвицы не убоявшись тирановой власпи, ошчаянно вопили голосами; иѣкошорыя рвали на себѣ волосы, и кошѣли послѣдованіе Государынѣ своей въ неушолимую спихю. Сіе народное смяшеніе ни мало не уменьшало ярости повелишелевой. Онъ появился народу въ великолѣпной колесницѣ, въ которой ѣхалъ на опредѣленное имъ мѣсто, чтобы уполишь свою злобу, и насыпишься жзнію невинной Аскляды. Какъ шолько поровнялся онъ съ Алимомъ и съ Аскалономъ, то два сіи раздраженные героя кошѣли бровища

ся на колесницу, и положиши его на одной мершва; но сѣмозванецѣ предупредилѣ ихѣ мамѣреніе, и скочивѣ весьма поспѣшно сѣ колесницы, бросилѣ передѣ ними на колѣни, не смотря ни на свой санѣ, ни на великое собраніе народа. Я не знаю, кто ны шаковѣ, говорилѣ онѣ Аскалону весьма оробѣвши, только вѣдаю шо, что ны пришелѣ сюда наказати меня за мои продерзосни. Я припадаю ко стопамѣ швоимѣ, виноюсь передѣ шобою, и подвергаю себя всякому жестокому наказанію. Аскалонѣ и Алимѣ весьма удивилѣсь чудному сему приключенію, и будучи онѣ много вѣ великомѣ смященіи, не знали, какѣ расшолковать имѣ шакое привидѣніе; чего ради пираниѣ просилѣ ихѣ во дворецѣ, гдѣ обѣщаль обѣясниши вику свдою подробно, и пошомѣ обороняє кѣ Алимѣ говорилѣ: швой народѣ, швоєя и воля, повелѣвай имѣ сѣ сей минушы до конца твоей жизни; ибо боги сдѣлали кѣ пѣсѣ милосѣривы, и меня ошдали вѣ швои руки. Асклада возвращена была опѣ казни, и сѣ превеликою чеснію проводили ее вѣ покон. Вмѣсто плача сдѣлалѣсь превеликая радосѣ; но на-

родная молва превосходила еще оную. Всякой видѣль перемѣну своего Государя, но никто не зналъ шому причины; и такъ объясненіе оной весьма было пошребно къ ошкрытію ихъ судьбины.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 42.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ бросился прежде всего успокоить возмущенную Аскаладу, вывеши ее изъ ошчальнѣя, и увѣришь, что во образѣ его неешовой духѣ, о копоромъ еще и самъ онъ былъ неизвѣстенъ, приключилъ ей всѣ печали и мученія; но онъ нашелъ ее еще безъ памяни, и не надѣялись, чтобы скоро возвратила она поперянный свои чувсшва; чего ради приказалъ всѣмъ придворнымъ врачамъ весьма прилѣжно спаранься о ея здоровьѣ, а самъ слѣдовалъ къ Аскалону, и желалъ съ нимъ вмѣстѣ увѣдо-

мишься о своей судьбинѣ. Когда онъ вошелъ въ свои покои, то извиняющійся передъ Аскалономъ тиранъ сшалъ опять передъ ними на колѣни, и говорилъ слѣдующее: Я волшебникъ, бранъ Аропы, пивоей любовницы, говорилъ онъ Алимю; она влюбяся въ себя, приняла на себя образъ богини, и показалась тебѣ во славѣ на колесницѣ, чшобъ пронушь пивое сердце сколько красотою, сколько и великолѣпїемъ, и еще, чшо мнѣ ужасно вспомнишь, и за что боги сдѣлались къ намъ немилосерды, очаровала она исцуканъ Проновъ, кошорой произносилъ прощивъ желанїя своего господѣ. Я по ея велѣнїю принималъ на себя образъ провозвѣстника Перуновыхъ повелѣнїй, и подковалъ въ роуцѣ шобъ ошвѣнъ Проновъ; пошомъ ея же наученїемъ царшвовалъ годъ на швоемъ престолѣ, и въ швоемъ образѣ пришесялъ, сколько возможно мнѣ было, Аскладу, и наконецъ по повелѣнїю Аропину хотѣлъ преселить се въ царшво мершвыхъ; и дѣйсшвительно бы сіе сдѣлалось сего дня, ежели бы боги не подали вамъ руку помощи, а ей избавленїе въ васъ. Сей чудной камень, кошорой

ты имѣешь, продолжалъ онъ говоря Аскалону, ошдѣленъ опіб преспіола адскаго бога. Въ то время, когда мы принимаемъ власть надъ духами, клянемся передъ адскимъ судією симъ камнемъ; ибо по пресупленіи нашей должности бываемъ мы онымъ мучимы, и въ винахъ нашихъ теряемъ передъ онымъ всю нашу власть и могущество; теперь я въ вашей волѣ, и когда кончилось на мнѣ шептѣніе боговъ, по вы можете со мною сдѣлать все, что вы хотите. Впрочемъ пресупленію сему виновна моя сестра, и она обо всемъ уведомишь васъ обстоятельнѣе. Позвольте мнѣ сдѣлать нѣкошорыя заклинанія, по кошорымъ она весьма скоро явится здѣсь, а вы шѣмъ временемъ старайтесь успокоить Асклѣзду, ибо власть наша надъ нею уже кончилась.

Народъ неперѣдливо желалъ уведомишься о семъ приключеніи: ибо видѣлъ онъ Государя своего въ двухъ подобныхъ другъ другу лицахъ; что ради Алимъ за благо разсудилъ появишься оному вмѣстѣ съ волшебникомъ, и публичнымъ его признаіемъ вывести подданныхъ своихъ изъ сомнѣнія. И такъ немедля

возвратиднѣ они на народную площадь, гдѣ волшебникъ при всемъ народѣ признавалъ себя виновнымъ и неправильнымъ похишителемъ какъ преснола, такъ и счасіія Алимона. Услышавъ сіе всѣ бросидись съ великимъ стремленіемъ на волшебника, и хотѣли разрубишь его на часипи; но Алимъ удержалъ ихъ стремленіе, и приказалъ до времени успокоишья. Пономъ проводилъ волшебника для заклинаній, чшобы онъ призывалъ свою сесипру, а Алимъ и Аскалонъ пошли успокоишь Аскаладу. Какъ они вошли къ ней, то уже получила она нѣсколько прежней памяти, и была мало предувѣдомлена какъ о своемъ, такъ и о народномъ счасіи. Увидѣвъ Алима, возвела она ушомленные ошъ слезѣ глаза свои на него, и ошпшь обдившись слезами, говорила ему такъ: Я спранушь тебя, Государь, и имѣю къ тому справедливую причину, ты мнѣ кажешься ужаснымъ шпраномъ, или пакимъ чудовищемъ, которое столько яросипо, чшо не щадитъ шерзати и самаго себя. Я ненавижу тебя и мысленно презираю; но не знаю, продолжала она вздохнувши весьма прискорбно, для

чего сердце мое не соглашалось съ моими мнѣнїями. Оно себя извиняетъ, и совѣщаетъ уменьшить мою ненависть. Что за приключенїе, коимъ оно возмутило смущенныя мои мысли? Какое не слыханное доселѣ приключенїе послѣдовало въ вашемъ городѣ? Начало его я слышала нѣсколько смущенно, но дѣйствительнаго и яснаго доказательства еще не могла узнать ни ошъ кого. Скажи мнѣ, Государь, шонъ ли ты Алимъ, коимъ былъ при вступленїи швоемъ на престолъ, или шонъ нешовой обладаешь, коимъ шерзалъ меня до сей минуты, и наконецъ невинную опредѣлилъ казнить, чѣмъ ошрабилъ мое поколѣнїе, и обезславилъ всѣхъ владѣтелей моихъ предковъ? Успокойся прекрасная Аскѣада, ошвѣчалъ ей Алимъ, несчастїе швое продолжалось до сего часа, и боги были къ тебѣ не милосщивы сцолько же, сколько ко мнѣ. Они предпрїяли наказанїе меня; но чшобъ больше усугубить мое мученїе, опредѣлили и тебѣ быць несчастливою. Я бы хотѣлъ во весь мой вѣкъ пребывать заключенъ подъ несносною мнѣ жарою, лишь шолько бы тебѣ ви-

дѣть благополучною. По сихъ словахъ уведомиль оиъ ее обо всѣхъ обстоятеляхъ свѣдахъ, и также о всѣхъ приключеніяхъ случившихся ему во время ошесупствія. Попомъ сказалъ ей, что царствовалъ вмѣсто его волшебникъ, браній той неисповой ширанки, кошорая приключила ему всѣ несчастія. Преднавилъ также и избавителя своего Аскалонъ, кошорато благодарилъ Асклѣзда оиъ искренняго сердца и самыми чувствительными словами. Ибо выслушавъ всѣ приключенія, въ одну минупу забыла она всѣ прешершнныя ея досады и огорченія, и вмѣсто превеликой, ненависти къ Алимѣ наполнилась она еще больше прежняго къ нему спрасцію,

Аскалонъ казался иногда въ превеликомъ смущеніи; на лицѣ его написано было неисповое его желаніе. Всѣ бывшіе шумѣ примѣчали его движенія; но Алимъ и Асклѣздъ будучи наполнены великою радосцію, со всѣмъ не спарались предузнавать грозящей имъ новой бѣды еще злѣе прежнихъ. Человѣкъ, имѣющій испорченной нравъ, весьма склоненъ къ подолзновемію. Склонности перемѣняются поминутно, и прильзла-

ются больше къ худому, нежели къ хорошему: ибо добродѣтель не присутствуетъ въ такомъ сердцѣ, которое наполнено злобою, и разумъ ни мало не соѣтуетъ о истинномъ пути: ибо онъ самъ живетъ въ такомъ чловѣкѣ, подвласнѣю пристрастѣи негодныхъ. Пороки царствующи въ душѣ, спкуда удаляются добродѣтель, и на все привеситъ его въ сосноянѣи. Аскадонъ какъ скоро увидѣлъ Аскладу, то забывъ не пристрастную спроситъ свою къ сестрѣ, споль сильно влѣбился тѣ Аскладу, что желалъ лучше потерять жизнь, нежели не получить удовольствѣя по роудому своему желанѣю. Досадовалъ онъ, и почти выходилъ самъ изъ себя, когда видѣлъ, что Асклада чувствовала къ Алимѣ неизъясненную спраситъ. Глаза его тогда наполнены были яроспнымъ огнемъ, и лице покрыто было звѣрскою злоспнѣю. Онъ шрепешалъ, и казалось, какъ фурѣи шрогаютъ неспшовое его сердце. Алимъ не преминулъ скорѣ спроситъ Бейтама, какъ перваго своего друга; и когда уведомилъ его, что онъ находится въ шемницѣ, то приказалъ немедленно освободитъ его

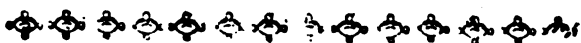
предсказавши предъ себя, и на пути еще вѣдомить его обо всемъ происшедшемъ. Бейгамъ какъ скоро вошелъ, то бросился къ ногамъ законнаго своего обладателя, шрепещущими уснами цѣловалъ его руку, и онъ не обыкновеннаго воспорга едва могъ произносить слова. Успокойся, любезной мой другъ, говорилъ ему Алимъ, несчастія наши миновались, и ты долженъ благодарить въ началъ боговъ, а по нихъ великодушнаго и храбраго чужестранца Аскалона. Бейгамъ отдавъ ему должную честь, благодарилъ его весьма приспойными словами; а Алимъ въ ешнѣ часъ обѣщавъ поставиши снанаю на площади народной избавишело своему и его подданныхъ изъ - подъ ига мерзоснчаго обладателя. Однимъ словомъ еспльибы Аскалонъ попребовалъ прешола, но Алимъ имѣвъ добродѣшельное и благодарное сердце, конечно бы не отказалъ ему въ семъ пребываніи; нбо согласился бы онъ лучше владѣши одною Асклѣздою, нежели всю землю пространна вселенной. Но Аскалонъ наполнялся тогда совсѣмъ прошивными сему мыслями. Онъ предпріялъ лишинь

Алима Аскляды, но естъ , оправнишь во ядомъ ; а ешьли послѣ не получишь нѣе склонности, но опредѣлишь меривнишь и се своею рукою.

Въ сіе время объявили имъ , что прибыла волшебница. Они немедленно пошли всѣ въ залу , выключая Аскляды, которая не хотѣла больше видѣть меншого шого шира, гдѣ увидѣли волшебницу ; она была въ черномъ флоровомъ плащѣ и съ сѣбѣковенными своими признаками. Увидѣвъ Алима переѣдилась въ лицѣ. Сшыдѣ , опчаянїе и досада изобразилися на ономъ. Ежелибы не была она прекрасна , но конечно показалась бы фурїею изверженною изъ ада. Благополучный Алимъ, говорила она, несчастливая шобою волшебница желаю тебѣ опныиъ всякаго благоденїя , наслаждайся счащїемъ вмѣстѣ въ мою соперницею; она осталась не побѣжденною , а я подвержена шеперь шыду и опчаянїю. Когда же я не получила швоей склонности , но не желаю больше и живишь на свѣтѣ. По сихъ словахъ ошдала она брану своему волшебную шросишь, зодїакъ , кошкѣю наодился на ней вмѣстѣ перевязи, и шта-

лиманъ висящій на ея груди, сказавъ сіе: Возми мое могущество, и будь сколько силенъ, сколько была я, но не будь такъ несчастливъ. Пономъ вынула она кинжалъ и проколала свою грудь, сказавъ послѣдніа слова къ Алимъ: Просни Алимъ, котораго я больше себя любила въ жизни. Алимъ приказалъ вынести ея тѣло, а волшебники заключили въ шемницу до двѣснвишельнаго опредѣленія, которое возымѣрился онъ сдѣлать по совѣшу народному.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ 43.

*Продолженіе повѣсти объ
Аскалонъ.*

Во время несчастія прошедшае благополучіе дни всегда пребывающъ въ нашей памяти, и съ превеликимъ сожалѣніемъ всякую минушу мы оныя воображаемъ; а по прешеривніи великихъ бѣдснвій, когда всшупаемъ мы въ благополучное пребываніе, то всъ про-

шедшія несчастія какъ дымъ исчезающіе изъ нашего понятія , и никогда уже не возвращаются въ нашу память. Какъ только появилось солнце на Млаконскихъ небесахъ , то началось во градѣ великое шоржесство, и вездѣ видны были восходящія благодарственныя къ богамъ жершвы. Алимъ, Асклада и Аскалонъ были въ Перуновомъ храмѣ, и своими руками приносили богу жершву по обыкновенію шѣхъ жителей , гдѣ Алимъ въ присушствіи всего духовенства и знашыхъ своихъ господъ обручился съ Аскладою , и клялся другъ другу вѣчною вѣрностію. Никто не предвѣщалъ тогда никакого больше препяшствія симъ двумъ нылающимъ сердцамъ , а всякой думалъ , что по шерпѣи ими шсликихъ бѣдспѣй будущъ они веспи дни жизни своей весьма благополучны , и никакой уже разлуки послѣдоващъ имъ не можетъ: но несчастія ихъ еще не кончились , и имъ опредѣлено было увидѣть самое свирѣвое злополучіе.

Аскалонъ съ сихъ поръ сдѣлался задумчивъ и безпокоемъ, и вмѣсто дружества къ Алиму эа его всегдашнюю

благодарность и за безпримѣрное уго-
щеніе начиналъ чувствовати неописан-
ную независимость, и злость его шѣмъ
больше возрастала, чѣмъ больше ви-
дѣлъ онъ Аскадино ласканіе къ своему
сопернику. Неисповодное его сердце пош-
часъ согласовалось со звѣрскимъ его
разумомъ. Какого права человекъ, па-
кля и предпріяшій бывающій по его раз-
сужденію. Случился въ то время на
островѣ шонъ Индѣецъ, Аскалонъ увѣ-
домившись о семъ, послалъ за нимъ, и
приказалъ привезти къ себѣ, обѣщавъ
ему множество сокровищъ, и шѣмъ
склонилъ, чтобы онъ изготавилъ яды,
какіе выдуманы въ ихъ государствѣ;
но чтобы сей соснзавъ не менѣе, какъ
черезъ медвѣлю началъ дѣйствовать во
ущробѣ. Индѣецъ весьма въ скорое время
соснзавилъ его, или можешъ бышь имѣлъ
уже онъ и тошовой, принесъ къ Аска-
лону, и сказалъ ему такъ: Когда ты
будешь сидѣшь за столомъ съ шѣмъ,
котораго намѣренъ умершвини, то вы-
нявъ сей соснзавъ, осторожно намажь
онимъ одну сторону своего ножа, раз-
рѣзывать имъ пищу, и подавай ему шѣ
чаши, которая будущъ онъ стороны

мамазанной ядомъ. Симъ способомъ безъ всякаго подозрѣнія останешься ты невредимъ, а непріятель твой умретъ злою смертію. Аскалонъ съ превеликою радоснію и съ успѣхомъ произвелъ предпріятіе свое въ дѣйство, и во время вечерняго сна кончилъ свое намѣреніе. Съ зтихъ поръ сдѣлался онъ веселъ и показывалъ всѣмъ, что весьма охотно обитаетъ въ ихъ городѣ. Всякой день посѣщалъ онъ Аскладу безъ запрещенія и безъ всякаго подозрѣнія опъ дружихъ: начиналъ онъ нѣкошорыми околичносплями открывать ей свою снрасть; но впрочемъ та не имѣя ни малой къ тому дороги, совсѣмъ не примѣчала неискренняго его желанія, и почиала его превеликимъ себѣ другомъ.

Бейгамъ имѣя проникательной разумъ, къ превеликому волненію своего сердца предусмошрѣлъ впоричное паденіе своего Государя: ибо поступки и намѣренія Аскалоновы, которыя хотя и были скрышы, ясно оное показывали. Онъ предпріавъ открылъ сомнѣніе свое Государю, но не зналъ, какъ присту-
пиль къ оному: ибо вѣдалъ, что Алимъ столь много чувствуетъ дружбы и пре-

Част. III.

И

данности къ Аскалону, что никогда не согласился тому повѣришь: однако усердіе Бейгамово къ своему Государю преодолѣло сію невозможность, и онъ въ нѣкспорое удобное къ тому время выговорилъ Алимю сіе: Великій Государь! сомнѣніе мое сочини ты лучше заблужденіемъ моего разума, нежели незнаемою мною къ кому нибудь ненавистию; въ храбромъ Аскалонѣ починаемъ мы нашего избавителя и воскресителя почпи уже умершаго нашего счастья. Сомнѣнія въ номъ нѣшъ, чтобъ мы не починали его великимъ; мы его признаемъ и жершвуемъ всѣмъ, что только можешъ составишь не извясненную нашу благодарность. Онъ человекъ добродѣтельной и старающійся всегда о благополучіи человѣческомъ; но любовь не рѣдко колеблетъ добродѣтель и вручаетъ сердца наши и разумъ негоднымъ приспращіямъ. Всякой великодушный человекъ, упогающій безпредѣльно въ сей спрасти, не чувствуетъ, какъ спрадаешъ его честь, забываешъ о тѣхъ людяхъ, копорымъ онъ долженъ дѣлать благодѣянія, не раднишъ о собственномъ своемъ благополучіи, и бы-

знаетъ наконецъ незнаемъ никому. Тотъ же прелестной предметъ, передъ которымъ онъ безстыдно воздыхаетъ, пожираетъ его добродѣшель, честь, покойшвіе и имѣніе; ибо она всегда имѣетъ въ памяти то, что онъ ее когда нибудь оставилъ; слѣдовательно сожалѣнія объ немъ никакого не имѣетъ. Сіе, Государь, сказалъ я только для того, чтобы объяснить передъ тобою, сколько любовь имѣетъ власни надъ колеблющимся нашимъ разумомъ. Я примѣчаю въ Асколонѣ неизъясненную спрасъ къ будущей швоей супругѣ. Всѣ его движенія, вишія и виушренія чувства ясно показываютъ его желанія; и по тому разсуждаю, что если бы онъ былъ человѣкъ добродѣтельной, то дѣйствительно не предпріялъ бы сихъ мыслей. Хотя правда, что сія спрасъ не по волѣ нашей владѣетъ нами; но мы имѣемъ разумъ, довольно средство ко обузданію оной, и сверхъ того чрезъ шакое короткое время не могла бы оной услышья шакъ много въ его сердцѣ, ежелибъ не было нашо собственнаго его произволенія; и слыли, Государь, боги къ намъ еще

не сдѣлались милостивы, и во избави-
 шель нашемъ увидимъ мы злѣ пер-
 выхъ несчастіе, по чшо тогда начнемъ,
 когда погибель наша поразитъ насъ не
 топовыхъ къ тому.

Алимъ слушаа сіи слова находился
 ; нѣ себя: образъ его показывалъ тогда
 великое удивленіе смѣшенное съ невѣ-
 рояшіемъ; природное свойство въ немъ
 не умолкало, и сердце предвѣщало сдѣ-
 ланную уже ему погибель; но врожден-
 ная въ немъ добродѣтель заимѣвала его
 предвѣщаніе. И шакъ, чшобъ не огор-
 чить Вейгама и отвратишь напрасное
 его подозрѣніе на Асклона, сказалъ онъ
 Бейгаму, чшо будешь стараться усма-
 тривать сіе самъ. Время уже приходи-
 ло, и данной ему ядъ началъ дѣйство-
 вать во утробѣ, весьма скоро измѣнил-
 ся онъ въ лицѣ, и поперялъ всѣ свои
 силы. Почувствовавъ дворъ шоликое не-
 счастіе, весь возволновался, и сей пе-
 чальной припадокъ своего Государя не
 знали чему приписать; а о данной ему
 отравѣ никто не вѣдалъ. Первое при-
 ложено было сшараніе укрывать отъ
 народа болѣзнь Алимову, ибо въ ономъ
 топчасѣ бы начались отчаяныя вопли.

Жрецы тайно приносили жертвы о здравіи своего Государя, и старались умилоштивить разгнѣванныхъ на нихъ боговъ. Сіе прошеніе ихъ услышано было вскорѣ; ибо когда врачи дѣлали совѣщаніе о болѣзни Алимовой, то нѣкто изъ оныхъ мужъ весьма старый, который ѣздилъ некогда въ Египетъ для окончанія своей науки, усмоирѣль, что Государь опривленъ былъ ядомъ, извѣстнымъ тому врачу уже издавна: того ради предложилъ онъ всему собранію своихъ товарищей и также Двору, что онъ одинъ будещъ имѣть стараніе о излеченіи Алимовомъ, и съ помощію боговъ надѣется учинить его здоровымъ. Въдая всѣ великое его искусство въ Медицину, и зная припомъ, что онъ довольно показалъ не въроашныхъ въ оной опытовъ, безъ всякаго сомнѣнія опдали Государя въ собственное его пользованіе. Онъ ни мало не мѣшкая соспавилъ другой ядъ совѣмъ прошивной тому, коимъ данъ былъ Алимъ, и склонилъ Государя принять немедленно оной. Какъ скоро Алимъ принялъ, то въ одну минушу увидѣли его мертвого. Члены его оледенѣли, и лице покрылось

мертвую синевою, одно только весьма слабое дыханіе въ немъ ошадось. Спрахъ и опчаяніе вселился въ сердца окружающихъ его боярѣ, и они не инаковымъ его почишали, какъ съ кошорымъ должны были простишься на вѣки; но врачъ твердымъ голосомъ и спокойнымъ видомъ обнадеживалъ ихъ въ семъ опчаяніи, и уговаривалъ, чпобы они ни мало не страшились. Боги помощники намъ, примолвилъ онъ, въ кошорыхъ я твердо увѣренъ, что по преперпѣніи нами шодкихъ бѣдспвй начинающъ они бышь къ намъ милосшвы. Цѣлые супки находился Алимъ на смертномъ одрѣ; наконецъ началъ имѣшь движеніе, и вскорѣ получилъ прежнія свои чувсшва къ неописанной радости его подданныхъ и къ великой славѣ искуснаго врача, кошорой однако не хотѣлъ никому опкрышь сего, что Государь ихъ былъ оправленъ ядомъ, и даже, что и самому ему не хотѣлъ опкрышь онаго, и казалось ему столь сіе спрашнымъ, что безъ великаго трепеша не можешъ онъ и вообразить онаго.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЪ 44.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Во все несчастливое къ Алимуму время Аскалонѣ находился безвыходно у Аскляды; ибо онѣ думалѣ, что скоро услышишь о смерти своего соперника, и для того не опасаясь ни малю, началѣ уже дѣлать ей нѣкошорыя любовныя извѣщенія. О болѣзни же Алимовой Аскляда совсѣмѣ была неизвѣстна, попому что старались какѣ возможно скрывать онѣ нее оную; слѣдовательно она не имѣла причины и печалиться объ оной. Непосновой Аскалонѣ радуясь весьма гибели Алимовой и имѣвѣ для того весьма спокойныя мысли, предпріятѣ употребилѣ всѣ хитрости и лукавства прошивѣ невинной Аскляды. Онѣ прежде всего старался узнать всю ея горячность къ Алимуму и поелѣ искалъ способѣ ко употребленію къ ней оной страсти. Предпріятіе было весьма не основательное и достойное всякаго презрѣнія; но Аскалонѣ положилѣ завѣсу на

лице свое и на сердце, которую ни стыдъ, ни благоприсшюносшь проникнуть не могли, опредѣлилъ себя неистовспву и сраму на жершву. Прекрасная Аскліада! говорилъ онъ ей избравъ къ тому удобное время, сколько благополученъ тотъ чедовѣкъ, который обладаетъ швоимъ сердцемъ, и его счастье мнѣ кажется несравненно ни съ чьимъ на свѣшѣ. Естьли же онъ того достоинъ, то имѣй къ нему сію горячностъ, которую ты имѣешь; предпочитай его мнѣ, или лучше, и ему свѣшту, полагай въ немъ все швое счастье, естьли онъ тебя не обманитъ, веселись кляшвами его, когда онъ происходяшъ не ошъ пришворспва, до шѣхъ самыхъ поръ, покаместъ швоя судьба покажетъ тебѣ весь его обманъ и коварспво. Прежде объясненія всѣхъ его къ тебѣ пришворныхъ ласкашельствъ объявляю тебѣ прекрасная, что я съ того часа, какъ въ первой разъ тебя увидѣлъ, неизъясненше шобою спрадаю; прелести швон вошли глубоко въ мое сердце, и господспвуютъ душою моею и моимъ понятіемъ: но не подумай, чтобы сія спрасшь была шому причиною, что я вознамѣ-

рился передъ тобою обнести Алима; онъ мой другъ и останется онымъ вѣчно, еслили перемѣнишь негодныя свои присипрасипіи, все добродѣтельное сердце не можешь шорпѣшь ни одного порока и никогда съ нимъ не общаешься; я единственно изъ сожалѣнія къ тебѣ описываю звѣрское его намѣреніе, и объясню тебѣ, что онъ недоспонибъ любви швоей и дружбы. Онъ по дружесипву открывался мнѣ нѣкогда, что чувствувешъ великую горячюсшь къ нѣкоторой здѣсь благородной дѣвицѣ; а о тебѣ сказалъ онъ съ усмѣшкою, что и слышать не хочешъ; сипзхожденія же дѣлаешъ тебѣ единственно шолько въ угодносипь народную, При семъ словѣ вошелъ къ нимъ Алимъ; сколько ни смущился сипмъ видѣніемъ Аскалонъ, однако умѣлъ скрыть свое неисповсипво, и показывалъ весьма оспорожво, что онъ очень радуешся выздоровленію Алимову; но въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ шупъ же мершваго положить его передъ собою; а Асклада оспалась въ томъ же удивленіи, въ кошоромъ она находилась слушаая слова Аскалоновы, и для шого весьма смупно опвѣчала на извиненія

Алимовы, которыя онъ дѣлалъ въ томъ, что цѣлыя сутки не посвѣщалъ еѣ.

Алимъ находяся въ восхищеніи, что освободился онъ смерти, ни мало не примѣчалъ не спройнаго шеченія ея мыслей; но прозорливой Бейгамъ не упустилъ безъ изслѣдованія умомъ сей шайносипи; чего ради предложилъ Государю о ожидаемомъ ими бракѣ. Алимъ имѣя самъ къ тому несшерпимое желаніе, просилъ на сѣе позволенія у Асклади, и когда получилъ оное, то приказалъ Бейгаму объявить при Дворѣ и въ городѣ о пріугошовленіи къ тому, а самъ почелъ за должносшь посовѣщовать съ Аскадономъ и съ другими людьми о томъ, что угошовишь приличное къ великому сему шоржесшвованію, и когда было все уложено, то началось пріугошовленіе въ Ладномъ храмѣ; при Дворѣ и во всемъ городѣ, всякой слышавъ сѣе былъ въ превеликой радости, и старался показанъ себя великолѣпнымъ. Храмъ украшали фесшонами и всякими различными цвѣшями; жершвенникъ шонъ, къ которому должны были присшунишь сочешающіеся бракомъ, обшавливали розами и лилеями:

однимъ словомъ , весьма въ короткое время вездѣ и все было изгошвлено ; ибо прѣугошвляли сѣ шоржество усердіе и любовь къ Государю. Наканунъ брачнаго дня угошванъ былъ моснѣ опѣ дворца до храма, которой усланъ былъ зеленымъ бархатомъ съ золопою бахрамою ; по сторонамъ онаго поставлены были пѣдесшады обвѣшенныя фестонами , а на нихъ золошыя превеличайшія чаши со всякимъ благовоинымъ куреніемъ ; въ вечеру подвезли къ крыльцу двѣ колесницы, ибо шамъ было шакое обыкновение , убранныя разнаго цвѣша каменьями ; бахрама и кисши на омыхъ сдѣланы были изъ шакныхъ же блиспапельныхъ и мѣлкихъ каменьеѣ. Надъ шною , въ кошорой должно было ѣхашъ Аскладѣ, сдѣланъ былъ купидонъ держащій миршовой вѣнокъ, а надъ Алимовой видѣнъ былъ Гименъ со своимъ покрываломъ, шакже и другія различныя украшенія, принадлежащія къ побѣдѣ и къ брачному сочешанію.

Весь городъ находился въ превеликой радости, и ожидали наступашаго дня съ ужаснымъ нешерпѣніемъ ; но несповой Аскалонъ дышалъ тогда зло-

бою и ненавистію на невинныхъ любовниковъ, и такъ какъ самой лютой звѣрь искалъ всякую минуту разрушить ихъ счастье. Онъ зналъ, что завтрашній день долженъ будетъ расщепиться съ Асклядою на вѣки, и для того положилъ непременно или исполнить свое нечеловеческое желаніе, или умертвить ее своими руками. Весь вечеръ выдумывалъ способы къ произведенію намѣренія своего въ дѣйство, наконецъ призвавъ къ себѣ надзирательницу Асклядину, склонялъ ее на свою сторону, обѣщая множество ей за сіе сокровища; но когда увидѣлъ, что была она непоколебима въ своей вѣрности, то взявъ кинжалъ, поспавилъ ей прошивъ груди, и говорилъ: въ сію минуту извлеку изъ тебя душу и положу тебя мертвою передъ моими ногами, если ты не исполнишь моего намѣренія, и знай, что ежели я обѣщавши измѣнишь, то и тогда отъ ярости моей не укроешься: ты вѣдешь, что я имѣю средство обратить все ваше государство въ камень, а тебя послать на вѣчное мученіе; знаешь и то, что волшебники, волшебницы и всѣ адскіе духи мнѣ под-

власны, и исполняютъ повелѣнїя мои со шрепешомъ ; поди, продолжалъ онъ, въ спальню къ Асклїадѣ, вышли всѣхъ, кошорыя тамъ находящяся, а сама оставшись съ нею одна, не запирай дверей, и ожидай вскорѣ моего шуда прихода. Успрашенная надзирашелъница все по его приказу исполнила, и онъ наполнившись яростїю и ошчаянїемъ немедленно пришелъ въ спальню къ Асклїадѣ, кошорая уже тогда опочивала, бросился на колѣни передъ кровашью, взявъ за руку и разбудивъ ее, говорилъ се : прекрасная Асклїада, шы видишь передъ собою спрасшнаго любовника, кошорой жадаешъ въ сей часъ ко всему удобной или насышишья швоими прелесшями или умереть передъ шобою, и я никакъ нь могу снесши разлуки моей съ шобою. Смущенная и успрашенная Асклїада кликала своихъ прислужницъ ; но какъ услышала, что никто не ошдаешъ ей голоса, шо начала кричанъ весьма громко ; Аскалонъ старался ее уговорить, наконецъ узналъ, что старанїя его напрасны, и что онъ будешъ обруганъ всѣми; чего ради выхватилъ въ яростикъ кинжалъ, кошорымъ ударилъ въ прекра-

ную грудь невинную Аскляду, чѣмъ прервалъ голосъ ея и дыханіе, и шакъ скончалася сія невинная дѣвица опѣ руки безбожнаго тирана и ненасынимаго варвара, кошорой весьма поспѣшно ушелъ опѣ все въ свои покои, гдѣ препроводилъ всю ночь въ злыхъ и неистовыхъ воображеніяхъ.

Мрачная ночь опускалася уже въ море, и пошопляла вмѣстѣ съ собою счастье и шоржесиво Млаконское. Плачевной день восходилъ на небо, и вмѣсто радостей выносилъ плачь и рыданіе гражданами, но никто сего еще не предвидѣлъ. Алимъ вснавши съ поспѣли ни о чѣмъ больше не помышлялъ, какъ о начинающемся шоржесивѣ и о плашѣ къ оному приличномъ. Жрецы при восходѣ солнечномъ принесли великую жершву Свѣловиду, шакъ какъ Богу свѣта, чтобъ сей радостной день былъ къ нимъ благосклоненъ, послѣ наполняли Ладниѣ храмъ различными куреніями, и одѣвали всѣ кумиры багряними епанчами, какъ обыкновенно бывало у нихъ во время браковъ. Знашные господа помышляли о посшавленіи по дорогѣ

войска и другихъ къ тому потребныхъ людей; просные граждане украшали себя богатыми одеждами, наполнились великою радостію, и готовились увидѣшь великое шоржесшествованіе. Пошомъ наполнился весь дворъ различными и великолѣпными колесницами, а княжескіе покои знашными боярами обоего пола, которые имѣвъ почтеніе и усердіе въ всему Государу, и чшобы показашь, что имъ шоржесшество сіе весьма пріятно, прѣехали ранѣе обыкновеннаго времени.

ГЛАВА XVI.

В Е Ч Е Р Ъ 45

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ хотѣлъ уже выйти въ собраніе, какъ вдругъ Бейгамъ взбѣжалъ къ нему весьма поспѣшно, облившись слезами палъ предъ нимъ на колѣни, и шъ превеликой горести едва моѣ про-

изнести сіи слова: Великій государь! не стало швоей иреченной супруги, а нашей Государыни. Алимъ услышавъ сіи слова покашлялся со стула, и поше-
рялъ весь чувствя. Сдѣлалось ошъ сего ужасное смяшеніе при Дворѣ, и хопя спаралися скрыть сіе ошъ народа, но въ одну минуту и пошъ извѣспился объ ономъ, и какое произошло тогда волненіе, по никшо описать сего подробно не можешъ; раззореніе града, или пѣненіе цѣлаго народа столько бы слезъ и рыданія произвеси не могло, всякой въ опчаянїи хопѣлъ ошмщевзпъ, но не вѣдали кому, бѣгали всѣ, искали убійцу, но онъ сокрыпъ былъ ошъ икъ поняшя. Врачи и нѣкоторыя еще оспались помогашъ безчувственному Алиму, а другіе пошли смотрѣшь плачевнаго позорища. Асклѣда лежала на поспели размѣшавши руки, и въ груди ся вонзанный кинжалъ орошенъ былъ весь ея кровію, какого еще плачевнѣе сего позорища всякому ожиданъ было должно. Служащя ей, которыя не смѣли ошѣявшъ Государю прежде Бейгама, били себя въ груди, рвали на себѣ волосы, и споль ошчякно были, ниц я думаю

привелибѣ въ сожалѣніе и нещастоваго
 того варвара, кошорой умершвилѣ се
 пакѣ безчеловѣчно, но его шумѣ не
 было, и онѣ припворился, будно бы
 былѣ въ превеликой онѣ шого болѣзни.
 Всякой возвращался домой, и вмѣсто
 свѣшлой одежды надѣвалѣ черную, ко-
 шорую оплакивѣ довольно прѣзжалѣ
 во дворецѣ; шоржесшвенныя колесницы
 покрывши чернымѣ сукномѣ повезли къ
 Ладину храму, кошорой уже зашворили
 жрецы и не кошѣли приносишѣ ей жер-
 пивы; ибо думали, что въ сей несча-
 сшной день оп овержено будешѣ все ихѣ
 владѣніе, опусшашасѣ храмы и разо-
 рашасѣ всѣ освѣщенныя мѣста.

Наконецѣ всѣ опредѣлили какѣ воз-
 можно спарашѣ не пускашѣ Алима
 смонрѣшѣ мершвое шѣло Аскліады,
 чшобѣ шѣмѣ не лишисѣся имѣ и своего
 Государя. Предпріятіе се удалосѣ имѣ
 сѣ успѣхомѣ исполнишѣ, и они упопре-
 бля всякіе обманы, цѣлые два дни не
 допускали Алима къ Аскліадиному шѣ-
 лу, кошорое въ шо время оплакивали
 граждане всякаго сосшолія, а особливо
 усердныя женщины. На шрешій день вру-

Часть III.

I

чено было Бейгаму письмо слѣдующаго содержанія :

„Заключенной и забытой всѣми
 „волшебникъ добродѣпельному Бейгаму
 „желаетъ здравія.

„Я извѣщенъ обо всемъ смятеніи
 „произшедшемъ въ вашемъ государствѣ,
 „и весьма много о томъ сожалею; впро-
 „чемъ ты знаешь силу мою и власнь;
 „но получивъ еще оной оиѣ сестры мо-
 „ей, усугубилось мое могущество; ве-
 „ли освободишь меня и представишь
 „передъ себя; я дамъ тебѣ совѣты,
 „которыми ты можешь быть облег-
 „чить печаль своего Государя.

Бейгамъ прочитавъ оное ни мало
 не медля велѣлъ освободить его и по-
 челъ дѣйсвишельно за нужное попро-
 сить его совѣта въ семъ опчаяннѣ на-
 родномъ. Волшебникъ пришедъ передъ
 него, говорилъ ему слѣдующее: Если-
 ли ты общаешься мнѣ похиписъ вол-
 шебной камень у Аскалона, и вручишь
 его мнѣ, не къ поврежденію смерчнаго
 рода; а я ошнесу его въ наше собраніе
 и положу въ то мѣсто, гдѣ оныя хра-
 нялися, а именно: на пресполь Черно-
 боговомъ; въ чемъ кленусь тебѣ симъ

богомъ , волшебнымъ камнемъ и всемъ адомъ , что я сіе конечно исполню ; печаль вашу и великое сіе опчяніе премѣню я въ радость такого же великаго рода , каковы болѣзнь ваша и сѣшваніе. Бейгамъ передъ домашними богами велѣлъ ему у иншихъ вшорично данную имъ кашку ; и обѣщався прозбу его исполнить. Не медля пошелъ къ Аскалону , и нашелъ его въ и великомъ безпорядкѣ ; можешъ бышь дѣйствовали въ немъ смыдѣ , раскаяніе и сожалѣніе ; сіи смрашни вкореняюща иногда и въ варварскія сердца. Бейгамъ нашелъ шализманъ его на шолѣ и къ нему присоединенной камень , кошорой онъ песьма ошорожило опвязалъ и имѣлъ уже при себѣ , поспаравшись иѣсколько воздержашъ его онъ печали , кошорую онъ по видимому иѣсколько чувствовалъ , распался съ нимъ , и унесъ неоцѣненную для себя добычу , прѣхавши домой вручилъ оную волшебнику , кошорой взявъ камень проешидся съ нимъ на иѣсколько времени ; ибо онъ говорилъ , что ни одной минушы не можешъ удержашъ у себя божеспвеннаго шого залога ; и сверхъ шого , сказалъ онъ , что ладобно ему

запасишь иѣкопорыми вещами, копорыми онѣ будешь служишь Аллему и всѣмъ его подданнымъ.

Бейгамъ распавшия съ нимъ, и будучи еще не весьма много обнадеженъ, пошелъ немедленно къ Государю, и со всѣми шамъ бывшими сшзрался весьма прилѣжно какъ о исшребленіи его печали, такъ о здравіи и о порядочномъ печеніи его мыслей; ничшо не могло возврашишь потерянные его чувшва, и облегчишь хошя на минупу его печаль: ибо Аскляда не опспупно обинала въ его воображеніяхъ; предспавляли ему весьма живо всѣ шѣ пріяшности, копорыя она въ себѣ имѣла. Любовь не давала ему покоя, и разрывала спрасшное его сердце на части, и онѣ бы конечно въ скоромъ времени сошелъ за нею во гробъ, ежели бы не шо средшво, копорое упошребилъ волшебникъ къ его избавленію, и оно было шакое, чшо ни кшо ни предвѣщашь, ни видѣшь, ниже вообразишь не могъ. Какъ скоро появилась онѣ въ домъ Бейгама, шо приказалъ шошчасъ призвашь его изъ деорца, и зршедшему говорилъ слѣдующее: Боги въ вамъ милосшивы, и вы хошя и не-

годовали на ихъ опредѣленіе , но они
 совершили все въ вашу пользу; по чему
 узнаете , что судьбы ихъ неисповѣди-
 мы. Изъ чаши сей , которую онъ дер-
 жалъ въ рукахъ и показывалъ Бейгаму ,
 наполненной горещию и ядомъ, завтра
 при восхожденіи солнечномъ вкусите вы
 сладость , которую боги по особой
 своей благосклонности изливають на
 роду : она дана мнѣ изъ рукъ великаго
 Чернобога , и я нынѣ посланъ онъ него
 избавишелемъ, и во мнѣ увидите вы не-
 изъясненное ваше благополочіе. Поди къ
 Алимѣ , продолжалъ онъ , и уведоми въ
 его обо всемъ , вели сдѣлаи приказъ ,
 чтобъ завтра поутру съѣзжались ко
 Двору всѣ господа обоого пола въ свѣт-
 лыхъ и поржесшвенныхъ одеждахъ ; так-
 же , чтобъ и просной народъ онымъ слѣ-
 дуя собирался къ Княжескому двору ;
 чтобъ жрецы ошворили всѣ храмы , и
 гошovy были приносишь благодарст-
 венныя и великія милосшивымъ къ вамъ
 богамъ жершвы , чтобъ воинство соб-
 равшись ожидало повелѣнія къ радосш-
 нымъ восклицаніямъ ; а меня ошавъ до
 утра въ уединеніи , и не дерзай войши
 ко мнѣ , а больше всего усумнишься въ

моихъ повелѣнiяхъ , естли не хочешь бышь подверженъ жестокому гнѣву боговъ ; и шакъ распался онъ съ Бейгамомъ, кошорой весьма усумнясь слѣдовалъ къ Государю ; но сердце его препешало онъ нѣкошорой совѣмъ невоображаемой имъ радости ; пришедъ къ Алимю объяснилъ онъ ему все. Государь услышавъ сiе, какъ будто бы онъ крѣпкаго сна возбудился ; ибо человекъ провождая плачевной вѣкъ, и изъ опчаянiя мадежду извлекаешъ , или можетъ бышь произволенiе боговъ дѣйствовало въ то время спрадающимъ его сердцемъ. Въ одну минушу приказалъ онъ вездѣ разгласишь повелѣнiе волшебниково , и бышь всѣмъ завшра къ Двору въ торжественныхъ одеждахъ. По полученiи сего приказа народъ весьма усумнѣлся, и не зналъ какъ располковать шакой поступокъ своего Государя ; всякой съ нешерпѣнiемъ ожидалъ упра, или лучше не извѣстныхъ и не ожидаемыхъ никѣмъ шакой судьбины , кошорой въ естесливъ никогда сбышься не случилось.

Многiе граждане и можетъ бышь весь городъ препроводили ночь безъ

различныя воображенія не давали имъ успокоить своихъ мыслей. Наконецъ насталъ не извѣстный судьбины день; всѣ княжескіе покои и весь его дворъ наполнился народомъ; всякой сипоялъ имѣя смущенныя мысли, и ожидалъ неизвѣснаго; потомъ вышелъ въ собраніе и Алимъ, какъ было приказано онъ волшебника въ свѣтлой одеждѣ и со всѣми знаками приличными Государю.

Сей вечеръ кончалъ я такимъ образомъ; ибо наступило уже время, въ которое должны мы были успокоиться. По ушуру шоварищъ мой употребилъ шоричную прозьбу къ Аленонѣ, чпобы позволила она ему опяшь оказашъ свое краснорѣчіе нѣсколько вечеровъ, а мнѣ бы шѣмъ временемъ успокоиться, и собравъ новыя воображенія важнѣе кончить Алимовы похождения. Впрочемъ я симъ доволенъ не былъ, что онъ перерывалъ у меня всегда на важныхъ мѣстахъ исторіи: и шакъ Аленона, чпобъ успокоить меня, сказала, когда я кончу Силославо похождение, то шогда безперерывно будущи слушать у меня всякую исторію. Въ слѣдующій же вечеръ началъ шоварищъ мой рассказывать шакимъ образомъ:

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЬ 46.

Сказка о рожденіи тавтяной мушки.

Я весьма негодую на всѣхъ ученыхъ людей, и иногда дохожу до того, что почитаю ихъ неучивыми проливъ нѣжнаго женскаго пола; они писали о началѣ свѣща, писали о началѣ людей и языковъ, о произхожденіи имперій и царствъ; но я бы спросилъ ихъ, для чего они упражнялись въ толь не нужномъ для щегольского общества дѣлѣ, и не писали того, въ чемъ нынѣ почи всѣмъ намъ превеликая нужда. Надобно ли напримѣръ щеголихъ знать, что Массагетяне и Скифы убивали своихъ опцовъ, и сваривъ ихъ ѣли съ великимъ пированіемъ; она не только что не пожелаешь имѣть о томъ свѣденіи; но и одно воображеніе толь варварскаго обыкновенія приключивъ ей обморокъ, ошъ котораго никакой врачъ исцѣлишь ее не можешь. И такъ по етому видно, что господа разумные люди напрасно

теряли время. Нынѣ нужда въ томѣ ,
 что можешъ украситъ природу и при-
 дать большую лѣпопу иѣжному женс-
 кому шѣлу. На примѣрѣ, черная шафля-
 ная мушка , привлеченная къ шацѣ на
 лицѣ , усугубитъ красоту щеголихи ,
 сдѣлаешъ видѣ ея важнымъ и пріятнымъ.
 Хотя сей божественный даръ не имѣешъ
 уснѣ и голоса , однако извѣяющъ же-
 ланіе шой, на лицѣ коей она налѣпле-
 на ; и ежели любовникъ увидитъ свою
 любовницу , то ещомѣ божественный
 вѣсникъ объявитъ ему шопчаеѣ ,
 въ какомъ состояніи нынѣшній день
 находится его красавица , что она ду-
 маешъ, и какъ гошовишя его приняшъ.
 Виргилій и Гомеръ со всею ихъ премуд-
 роспїю , мнѣ кажешя, не споющъ и од-
 ной ноги шого великаго мужа , второй
 сочилиѣ шоль полезной для щеголь-
 скаго общества рееспрѣ мушкамъ ; а
 что касается до Езопа, то онѣ со сво-
 ими баснями и въ кучеры къ нему не го-
 дншя. Езопѣ далъ языкъ и голосъ звѣ-
 рямъ, скопамъ, птицамъ и гадамъ толь-
 ко ; а сей безпримѣрный мужъ и не
 одушевленной шварц опверзѣ успа , се
 разумѣющъ лешимешры и кокепки.

Предпринимая се важное дѣло, спрашусь я скуднаго моего шаланпа, и думаю, что не въ силахъ объяснишь шоль важныя и великолѣпныя на свѣтѣ вещи; однако видя оную ошѣ всѣхъ людей въ забвеніи, осмѣливаюсь расказать объ ней. Ежели слогъ мой будешѣ не шекущѣ и извясненія темны, шо весь прекрасный полѣ, и шны госпожа Алена, примолвилѣ онѣ, должны извинишь меня моимѣ усердіемѣ, которое одно только причиною, что я приспущаю расказывать о непоняшной и неприспущной вещи для мужа, а.се же будешѣ сказка, а не романѣ; а въ нихъ позволено разсуждать обо всемѣ.

Упомнишь я не могу, или лучше не знаю, въ ко шоромѣ вѣкѣ, шолько уже очемъ давно, въ великомѣ Новѣгородѣ заведенѣ былѣ Университетѣ. Въ ономѣ Университетѣ училсѣ студентѣ, называемый Неохѣ; онѣ былѣ очень веселаго нраву, собою хорошѣ и разуменѣ, училиши и шоварищи его всегда имѣ были довольны: онѣ имѣлѣ все, что касаетсѣ до ученика, шолько также имѣлѣ и одинѣ припадокѣ, копорымѣ не домогающѣ всѣ ученые люди, шо ешишь деши-

гами былъ гораздо не богачѣ. Природа награждаетъ людей разными талантами ; однимъ кладетъ она въ сундуки множествѣ денегъ, а въ по мѣсто, гдѣ долженъ лежать разумъ, Арабскую цифру 0 ; другимъ кладетъ въ голову множествѣ разума, а въ карманъ денегъ ни копѣйки. И шакъ Неохъ былъ въ шого числа людей, у которыхъ карманы всякой день бывающъ пусты ; онъ часто хаживалъ въ гости, и во всякую бесѣду приходилъ всегда первой, а къ себѣ никого не зывалъ для шого, что поштивашъ ему было ничемъ ; не заслѣбчивые люди много разъ ему за шо выговаривали, однако онъ всегда извинялся шушками приличными студентской ошватѣ.

Въ шакѣмъ худѣмъ и безденежномъ сосноятіи препроводилъ онъ цѣлые двашцать шри года, и въ это время научилъ ся довольно исправно. Наукамъ его ни роскошь, ни любовь преняшшвѣя не дѣлали, копорыя не рѣдко или насѣ много научающъ, или и послѣднее поняшше ошнимающъ ; а онъ не видалъ ни шого, ни другаго : слѣдовашельно одна шолько Пенія присушшвовала въ его сердце, лучшая изъ всѣхъ прѣяшшльница Ми-

нервѣ. На дваццать четвертомъ году его возраста, не знаю, какое шо проворное божество шеннуло въ ухо Неоховой пенкѣ, которая жила въ другомъ городѣ, чшобѣ ссудила она племянника своего нѣкошорсю суммою денегѣ, чшо она и исполнила. Когда принесли къ Неоху деньги и сшали ему ошдавать, шо онѣ чуши не упалѣ въ обморокѣ, насилу могѣ опомнишься сѣ радости и не много не получилѣ горячки; шакѣ шо деньги малы шому, кшо онѣ роду не имѣлѣ ихѣ въ своемѣ карманѣ. Сдѣлагчись полнымѣ надѣ ними господиномѣ, кошѣлѣ онѣ употребилѣ ихѣ въ свою пользу, и предпріятѣ узналѣ, сколько изо всего Университета сыщелся ему пріятелей, а о друзьяхѣ уже онѣ и не думалѣ: ибо въ нынѣшнемѣ вѣкѣ дружелюбное масщерство давно крапивою заросло. Желая же предпріятіе свое расположилѣ по своему сонзволенію, нанялѣ онѣ нарочно для шого домѣ и трактирщика, чшобѣ довольствовашь его и пріятелей его цѣлыя сушки.

Всякѣ вѣдалѣ, чшо Неохѣ знаменитѣ былѣ бѣдношю въ городѣ, не усшупалѣ въ шомѣ самому послѣднему гражданину,

и моѣ назваться правильно пресѣду-
 щій герой съ копомкою, и для того,
 какъ онъ думалъ, не пойдешъ ни одинъ
 человекъ къ нему въ гости. Онъ напи-
 салъ рессуръ, въ которомъ не менѣе,
 какъ двадцать пять человекъ на-
 чилъ помянно; и такъ съ такою ра-
 дословною пошелъ къ первому и про-
 силъ его завтрашній день къ себѣ оп-
 кушанъ, приномъ показалъ шонъ ре-
 есуръ, и сказывалъ, что всѣхъ эшихъ
 людей намѣренъ онъ пригласитъ къ
 своему столу, чтобъ возблагодаритъ
 ихъ за старую хлѣбъ соль. Званой имъ
 гостень захохошалъ, и снявши колпакъ
 кланялся Неоху, благодаря за его одол-
 женіе, и приномъ просилъ, что не из-
 великъ ли Неохъ завтрашній день у
 него опкушанъ, хотя у меня и не бу-
 дешъ такого великолѣнія, говорилъ онъ
 смѣясь, какъ за вашимъ столомъ; од-
 нако я думаю, что вы за сто не по-
 гиѣваете, мое дѣло не богатое, такъ
 надобно жить на свѣтѣ сколько нибудь
 поскромнѣе; и такъ посмѣявшись надъ
 нимъ и надъ его столомъ оппустилъ
 его онъ себя съ честью и съ любвію.
 Неохъ оставивъ его домъ пошелъ къ

другому, и идучи разсуждалъ самъ въ себѣ, что удобнѣе на днѣ рѣки погруженному желѣзу всплыть на верхъ воды, нежели бѣдному ч-ловѣку сдѣлаться вдругъ богатымъ. Званой имъ госпъ можешъ бышь подумалъ, что Неохъ дѣлаешъ надъ нимъ какую нибудь шутку, кошорыхъ уже много они ошъ него видали; и шакъ въ уплашу прежняго Неохова одолженія посмѣялся онъ и надъ нимъ нѣсколько: „ Каково кликнешся, „ шакое и ошкликнешся. Пришедши къ другому, шочь вшочь шакой же получилъ ошказъ; и шакъ далѣе изъ дваццати пяти ч-ловѣкѣ обѣщали посѣшшь его домъ шолько чешверо, и шо шакіе, кошорые были одного шисненія съ Неохомъ, и жили съ нимъ побратски; ночью были всѣ раздѣпы, а днемъ всѣ пяперо одѣвались въ два поношеные кафшана, кошорые служили имъ по жеребью.

Пришедши домой не углубился онъ въ философію, и не спалъ разсуждать о ложныхъ прѣяшеляхъ, а впустился въ горячее вино, и мапянулся его столь шсправно, что едва едва узналъ свою посшелю, легъ на нее и съ превеликимъ удовольшшвѣемъ заснулъ. Что грезилъ

ему во снѣ, того я не вѣдаю, а только то знаю, что онъ уснулъ сполько сладко, что проспавъ до самыхъ шѣхъ поръ, покамѣснѣ начну я рассказывать вшорой вечеръ веселаго его похождения; а теперь въ угодности моему Герою отправимся и мы на свои посшели, чтобъ не разбудить и не пошревожишь его нашими рассказами.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 47.

Продолженіе сказки о рожденіи тавтяной мушки.

Тогда уже разсвѣло, когда Неохъ проснулся. Онъ призвалъ къ себѣ практирщика, и приказалъ гошовишь ему вечерній столъ, ибо вознамѣрился гошей своихъ попчивавъ совѣмѣ новымъ манеромъ: приказалъ пригласишь музыкантовъ, и шакже другихъ людей къ тому принадлежащихъ, и словомъ, все шо, что надобно ему дѣлать. Потомъ обвязалъ голову свою плашками и на-

дѣлѣ сверху теплой колпакѣ, надѣлѣ шулубѣ и епанчу, которое все купилѣ на присланныя ошѣ шешки денги, легѣ вѣ посшелю и дожидался вѣ оной госпѣй по обыкновенію приказныхѣ служишелей, которые не рѣдко принимающѣ пакѣ челобитчиковѣ. Дѣло уже подходило къ обѣду, Неохѣ увидѣлѣ у себя вѣ комнашѣ пяшь человекѣ, которые были не послѣдняго званія вѣ городѣ. Онѣ сѣ великимѣ восхищеніемѣ поворачиваясь на посшелѣ, просилѣ ихѣ, чтобы они сѣли; вскорѣ пошомѣ и сѣ излишкомѣ наполнилась его комнаша; вчера обѣщали шолько чешверо, а шерерь человекѣ и до пятнашцаши уже набралось. Шькоторые изѣ нихѣ пришли прямо пообѣдашь, по шому чшо желудки ихѣ были опорожнены; а вѣ другомѣ мѣсшѣ можешѣ бышь нужды не имѣли запасшись сшоловою провизіею; а другіе пожаловали согласясь посмѣяться надѣ хозяномѣ; знали они, чшо онѣ бѣденѣ, слѣдовашельно думали, чшо ему ивчемѣ ихѣ попошчивашь; а о присланныхѣ ошѣ шешки денгахѣ были не извѣстны.

Неохѣ впервыхѣ началѣ передѣ нимѣ извиняшсья, чшо вѣ вечеру сдѣлался

ему жестокой припадокъ, и такъ принималъ онъ по ушуру лекарство, которое привело его въ превеликую слабость и не позволивъ встать съ постели; просилъ онъ, чшобъ госпи его съли, и когда находились уже все по мѣшамъ, но вмѣсто того, чшобъ приказашь подкесни имъ по чаркѣ водки, какъ обыкновенно бывашь передъ обѣдомъ, надулъ онъ философическіе органы, и началъ предлагашь имъ нозую систему о свѣщѣ. Все голодное собраніе не застѣчивымъ образомъ докладывало ему, что такія безконечныя задачи предлагаются послѣ обѣда, и что когда желудокъ въ хорошемъ здоровьѣ, иногда и разумъ бывашь поняшиѣ. Неохъ вздохнулъ чрезвычайно немоглымъ образомъ, и говорилъ имъ такъ: Государи мои, видя меня въ такой слабости и починя уже при послѣднемъ издыханіи, удовольсшуйше нѣсколько мое желаніе; вы мнѣ все пріѣехали, а у пріѣзжей легко все выпросишь можно; помнише ли, одинъ премудрый человекъ сказалъ, что вино помрачаешь разумъ, а у меня за столомъ его будешь весьма довольно, и такъ набравшись его, не такъ уже бу-

Част. III.

К

деше вы здраво рассуждать о свѣшѣ. Гости хотя и голодны были шакъ какъ волки, однако захошѣли бышь учпивы. Чшобѣ не потревожитъ больного, слушали мнѣнїе его часа съ при, шолько увидѣли изѣ его рассужденїй, чшо снспема его и до завшрешняго дня не умолкнелѣ; и шакъ большая половина вспавши и поблагодари хозяина за хлѣбъ и за соль, пошли искашь обѣда гдѣ нн. будь въ другомъ мѣспѣ, шолько не въ шакомъ, гдѣ вмѣсно онаго предлагаюпѣ о свѣшѣ.

Ешо былѣ чешвертой часѣ по полудни, Неохъ осшавшимся у него госшямъ приказалѣ поднеснн по чаркѣ водки съ шѣкошорою весьма малаго рода закускою, копорая, чшобы не ушолляла ихъ голодѣ, но больше бы приводила оной въ совершеншво, и началѣ съ новыми силами продолжашъ мнѣнїе свое о свѣшѣ. Ешо правда, онѣ говорилѣ очень красно и замысловашо, и когдабѣ гости его покушали, шо не поскучали бы слушашъ и цѣлые три дни. Солнце уже прищурилось и уснуло, мрачная ночь покрыла небо черною своею спанчею, можешъ бѣ. въ сѣныше и рсскошныше граждане по-

•лѣ ужины начинали уже и дремать, а госини Неоховы еще и не обѣдали; однако онѣ не переснавалѣ рассказывашь, а обѣдѣ продолжалѣ скрыватьсья; дурная шушѣ надежда покушашь, гдѣ во всемѣ домѣ ни одного куска хлѣба не видишь. И шакѣ еще нѣсколько человекѣ положивѣ шалны подѣ мышки, вешавѣ со сшульевѣ и поблагодаря учшивымѣ образомѣ хозяина за его угощеніе, пѣшли не обѣдавѣ искашь ужины. Тутѣ оспашь только чешверо шѣ, которые обѣщались пришши кѣ нему обѣдашь; они говорили Неоху, шакѣ шы братѣ, сполько же богашь, какѣ былѣ и прежде и пошчивашь госшей своихѣ по старому своему обыкновенію? Однако чшожѣ дѣлашь, мы не винимѣ шебя швоею бѣдностію, но крайней мѣрѣ вели намѣ дашь хоть хлѣба сѣ водою: новал швоя сшшема о свѣшѣ насыщаешѣ нашѣ разумѣ, а желудокѣ безѣ пици не соглашашься больше слушашь швом извѣсненія.

Неохѣ спрыгнулѣ потчасѣ сѣ постели, сбросилѣ вѣ одну минушу сѣ себя все больное плашье, и надѣлѣ здоровое, кошорое спшило хорошихѣ денегѣ. Смотрише на меня, говорилѣ онѣ своимѣ прі,

ящелямъ , и узнайше шенерь, въ какомъ я сосполянн; попомъ опворилъ боковыя двери, госпи увидѣли въ другомъ покоѣ накрышой столъ; совсѣмъ не приличной бѣдному человѣку. Неохъ сдѣлавшись хозяиномъ , просилъ ихъ весьма учтиво за столъ. Какъ скоро сѣли они за оной, шо сполько же числомъ вышло хъ нимъ испудренныхъ госпожъ , коиоря шопчасъ обошлись съ ними ласково, и шакже сѣли вмѣстѣ. Сдѣлалось за эшимъ прѣшельскимъ столомъ людей мужескаго и женскаго пола дважды по пяши, и шакъ десять особъ. Всѣ ониъ веселились другъ передъ другомъ лучше и заданѣе. Неохъ пошчивалъ госшей весьма усердно , однако себя приномъ больше всѣхъ. Онъ зналъ очень хорошо Гуское обыкновение, что хозяину прежде всѣхъ надлежиншъ бышь пьяному , а безъ шого и госпи веселы бышь не могутъ. Дурныя нынѣшнѣя обыкновения, шупъ не мѣшались, гдѣ присушествовалъ пьяной Бахусъ и зардѣвшаяся Венера ; изрядное вино усладило мужеской полъ, ибо они его черезчуръ усердно подшягивали, и принуждало уже нѣкопорыхъ и дремать, а въ женскомъ мозгу произ-

вело охоту панцоваишь; пошчасъ заре-
вѣла не складно наспироенная музыка,
и пошли всѣ правильно ходишь по ком-
нашѣ; женщины сшупали важно и за-
мысловашо, дѣлали прїятные виды и
ужимки, а мушшны ходили на ряхѣ, и
не рѣдко пошалкивали лбами на сшупля
своихъ красавицѣ, что однако не исп-
ребило въ нихъ охоты къ плязию.
Онѣ предложили пьянымъ кавалерамъ,
чтобъ начашъ прыгашъ голубца: пош-
часъ всѣ согласилсъ и начали поды-
машъ ноги. Очень скоро въ одномъ углу
что шо сшукнуло; а сшо одинъ вселѣ
вспрыгнулъ не кшашѣ высоко, и уда-
рился зашылкомъ обѣ сшѣну; пошомъ въ
другомъ углу двое какъ шо нензрокомъ
сшолкнулися лбами и раскроили себѣ
головы: однимъ словомъ, вездѣ подил-
лось головное сраженіе, и всякой чувсп-
вовалъ себя пораненымъ. Тракирицикѣ
и нѣсколко другихъ людей сжалившись
надъ ихъ несшойнымъ веселїемъ, за-
чали расшаскивашъ ихъ по носшелямъ.
Когда уже сжалился надъ ними шакон
человѣкѣ, сѣ копорымъ чесишь и совѣспшь
никогда не встрѣчающся, шо мнѣ чело-
вѣку не шорговому и подзвню надлежишь

оказать мое сожалѣнїе, и перестать описывать дурное и пьяное ихъ состоянїе, и ежели еще скажу я хоть словъ пятьдесятъ въ сей вечеръ, то дожидая сего перебыютъ они всѣ до смерти. И такъ окончимъ сѣ ихъ веселїе и оставимъ ихъ въ покоѣ, дадимъ окончить по Венерѣ, что началъ Бахусъ; потомъ услышимъ, что, заговорясь они на другой день, въ то время, какъ начну я рассказывать прѣшей вечеръ Нехова приключенїя.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 48.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Гости и хозяинъ оставивъ постели охнули раза по три, иной о поверхности, а другой о внутренности головной, для того что головы ихъ какъ отъ вина, такъ и отъ сраженїя изрядно были попревожены; однако остатками отъ вчерашней пирушки запудрили они

въ полпьяна ихъ и нынѣ : и такъ рас-
 шавшись съ Граціями, пошли всѣ куда
 каждаго должносіть позывалъ. Неохъ
 какъ скоро появился въ Уинверситетѣ,
 то приняли его шамъ всѣ какъ осмое
 чудо ; вчерашніе его госни хохотали
 глядя на него ; иной хвалилъ его вино,
 кошорое онъ пилъ за сшоломъ, другой
 кушанье, и шакъ далѣе. А какъ бывшіе
 у него увѣрили сихъ , чшо они пошчи-
 ваны были вправду весьма вели..олѣпно,
 шо перемѣнили они смѣшную рѣчь на
 учшивую , и начали привѣтсшвовашъ
 Неоха единсшвенно шолько для шого ,
 чшобы онъ позвалъ и ихъ къ себѣ въ
 госни. Неохъ понявши сію загадку, не
 преминулъ проситъ ихъ завшрешній день
 къ себѣ шкушашъ ; всѣ были ради и
 гшповились съ превеликимъ восхищені-
 емъ. Какъ шолько масшало обѣднее вре-
 мя, шо всякой спѣшилъ, чшобы пришши
 ему первому и захвашши онѣ Неоха
 большую почешъ ; наконецъ всѣ собра-
 лись , и за великолѣпнымъ сшоломъ
 шоль подвеселились, чшо имѣли много
 случаевъ къ хорошей между собою дракѣ ;
 нбо диспушовались они на Лапшнскомъ
 языкѣ о многихъ шрудныхъ вещахъ. По

окончаніи стола Неохъ всталъ прежде всѣхъ, взявъ шляпу, и вынувъ половину золотой гривны далъ хозяину, говоря припомъ, что онъ очень хорошо довольтсвуетъ всякаго за деньги; поблагодаривъ его, пошелъ попомъ домой. Пьяные госпи имѣли полную власть пошкованъ Неохову поступку съ хозяиномъ къ своему избавленію; а какъ они встали и хотѣли выпити вонъ, то хозяинъ докладывалъ имъ, чтобы они заплащали каждой за себя за кушанье: иные безъ отговорки заплащали, узнавъ каково покушанъ прошивъ воли у Неоха, а другіе спорили и плащили не хотѣли; по шрактирщиковы отважные къ кулашнымъ поединкамъ слуги уговорили ихъ къ помъ разнаго рода оплеушщанми. Пирушка эта кончилась печально, и для того въ городѣ смѣялись сколько, сколько кому за благо разсудилось: извѣстно, что слезы бываюшъ причиною смѣха, а смѣхъ нередко бываетъ причиною плача.

Я бы могъ говорить и еще о нѣкоторыхъ приключеніяхъ, копорыя Неохъ учинилъ памяшными въ своей жизни; однако знаю, что какъ бы дѣла велики

якбыли, да ежели произведены онѣ молодымъ человекомъ, то онѣ большого числа высокихъ людей принимаются съ презрѣніемъ. И шакъ, чипобъ шакимъ низкимъ повѣствованіемъ не причинишь скуки. важному уху, оспавляю я другія приключенія; ибо довольно знаю, чипо наши молодые граждане охотнѣе читають романы, нежели сказки. Сверхъ того уже время прислушалъ мнѣ къ насмѣяющему дѣлу, и показавъ то, въ чемъ ещѣ необходимая нужда касающаяся до сей самой сказки.

На дваццать четвертомъ году Неохова возрасла упрямое его счастье, которое всегда онѣ него убѣгло, и даже до сихъ поръ никогда съ нимъ не встрѣчалось, появилось ему въ полной силѣ, и вознесло имя его и его самого на высокую сцену. Я знаю, какимъ образомъ, да и вы легко уведомились, приподвигъ онѣ, ежели не поскутите слушать далѣе.

Когда угомонишься солнце, и граждане начнутъ называть время это вечеромъ, Неохъ имѣлъ обыкновеніе прохаживаться по городу или для того, чтобъ принять хорошаго воздуха, или

для той причины, что въ бездеж-
номъ соспоянїи сидѣшь дома очень ску-
чно. Въ нѣкоторое прїянное вечернее
время шелъ онъ по улицѣ, копорая зна-
менина была изъ всего города, вдругъ
оспановилъ его по голосу человѣкъ, а
по плашью пылокое живошное, наслѣд-
никъ покойнаго Меркурїя, а именно,
скороходъ, кошорой подавъ ему письмо
сѣ превеликою поспѣшносшїю ушелъ изъ
его глазъ, не сказавъ ему ни слова. Не-
охъ пѣ мошря на письмо увидѣлъ, что
оно подписано на его имя, ничего о томъ
не думая распечашалъ его и началъ
читашь; оно было слѣдующаго содер-
жанїя:

„ Неохъ, завтра послѣ полудни въ
„ восьмомъ часу долженъ шы бышь за
„ городомъ подлѣ дуба Рапана, (*) и
„ дожидашься того, что я тебѣ назначу.

покор. слуга твой незнакомсї.

Естьли бы Неохъ былъ волокиша,
то бы конечно прочишавъ сїе письмо

(*) Сей дубъ имѣлъ отъ города разстоянїя
изъ одну версту, и шупть обыкновенно про-
щались сѣ тѣмъ человѣкомъ, кошорой вы-
ѣзжалъ изъ города: короче сказать, были
шупть разстани, такъ можетъ бышь оиъ
сего дубъ получилъ сїе имя.

испугался, и подумалъ, что пишешъ се кѣ кому какойнибудь соперникъ, и назначиваешъ мѣсто, на которомъ бы пощекотали его нѣсколько шпатою; однако Неохъ былъ весьма далекъ отъ шайки нарцизовъ, и не зналъ еще всѣмъ ни любви, ни волокиты; сверхъ же того въ Новгородѣ не слышно было тогда о поединкахъ. И такъ онъ дивился только тому необычайному и нечаянному случаю, и предпріялъ ожидать назначеннаго ему времени съ нещепливостию. Онъ же не былъ изъ числа шѣхъ людей, которые бѣгають по дворамъ высуня языкъ отъ нещепливости, и рассказываютъ всѣмъ людямъ то, что имъ сказано отъ другаго за шайну. Пришедши въ Университетъ не сказалъ онъ никому о своемъ приключеніи, а предчувствовалъ, что съ ешою минутою будетъ онъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ романѣ, кою сочинилъю писать за благо разсудилось. Неохъ теперь въ полнѣйшей власности, и онъ будетъ повелѣванъ имъ такъ, какъ своимъ невольникомъ, можетъ одѣть его въ снрадную одежду, надѣнетъ на него золотой кирасъ съ

желтою епанчею, на голову дасишь ему бѣлую чалму съ желтыми полосами, лице покрасишь чернью и вздѣнешь въ уши ему вмѣсто серегъ по крупной жемчужинѣ, вручишь ему лукъ, а за плеча колчанъ со стрѣлами, подпояшешь его эквапоромъ, и обоньешь плащъ зодѣякомъ вмѣсто позумента, и шакъ покажешь его людямъ собраніемъ чешырехъ часней свѣтъ, или еще и больше. Ежели соизволишь, дасишь ему скипетръ и посадишь на престоулъ, свергнувши съ онаго заключишь въ шемницу, дасишь ему любовницу и опянь ошъвишешь оную, сдѣлаешь изъ него превращеніе, и пошлешь выше облаковъ къ солнцу; а ежели сойдеши съ ума по общему обыкновенію писателей романовъ, то повернешь землю вверхъ дномъ, и сдѣлаешь его какимъ нибудь баснословнымъ богомъ; ибо ошъ романиста все невозможное спашься можешь; а я, продолжалъ раскащикъ, какъ сказываю сказку, то безъ всякихъ пышныхъ украшеній буду продолжашь мое повѣствованіе съ начала. На другой день, когда настало Неоху назначенное время, то онъ прибрался нѣсколько порядочнѣе обык-

новеннаго, и пошелъ на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ ожидать неизвѣснаго. Препроводивъ съ полчаса на ономъ времени, увидѣлъ, что шершавые въшры подняли великую пыль въ полѣ, попомъ же густыхъ земныхъ облаковъ означились шестъ живонныхъ четвероногихъ, кошорья шадили за собой не весьма дурную карену. Сидящій на козлахъ кучеръ съ гордыми усами и съ важнымъ видомъ повелѣлъ ошановишя лошадямъ шумъ, гдѣ Нехъ дожидался; попомъ вчерашній скороходъ подошедъ къ нему говорилъ слѣдующее: Государь мой, мнѣ приказано просить шебя, чцобы шы поѣхалъ въ ешой каренѣ, а куда, объ епомъ мнѣ сказывашь не велѣно; согласенъ ли шы на шо, примолвилъ онъ: со всею охотою, ошвѣчалъ ему Нехъ. Очень хорошо, продолжалъ зашой, должно вамъ шеперь завязать глаза, а мнѣ сидѣть съ вами въ каренѣ, и смолрѣть, чцобы вы ихъ не развязывали. Нехъ при семъ словѣ разсмѣялся; онъ никогда не сочинялъ ни сказокъ, ни романовъ, я такъ подумалъ, что въ самой вещи начинается съ нимъ какая нибудь ве-

селая повѣснѣ , или забавное приключеніе . Нѣшѣ на свѣшѣ швари ошважнѣ Сшуденша во всякомѣ не извѣшномѣ случаѣ ; а какѣ Неохѣ изѣ такихѣ людей былѣ не выродокѣ , но шолчасѣ и согласнѣ . Скороходѣ не шолько одинѣ глаза , но всю голову опушадѣ ему полошномѣ , которое онѣ сѣ собою привезѣ ; но чему видно , чшо рачншельно приказаніе исполнилѣ того , кому эшо надобно было . Когда Неохѣ помѣсшилсѣ со скороходомѣ вѣ карешѣ , шо ешопѣ романической , или по просшу , дурацкой маскерадѣ ѣздилѣ часа сѣ два по неизвѣшнымѣ Неоху мѣшамѣ , которое время все проохошалѣ незрячій Сшуденшѣ . Онѣ воображалѣ себѣ , чшо сдѣлалсѣ героемѣ глупой сказки , или вздорнаго приключенія , по шому чшо начало неизвѣшнаго случая казалосѣ ему смѣшнымѣ и не обыкновеннымѣ . Ежели надобно шому , кѣ кому меня ве зушѣ , думалѣ онѣ , незрячаго , шакѣ вѣ нашемѣ городѣ довольно найдешсѣ слѣпыхѣ ; можно бы одного изѣ нихѣ вѣ эшо упошребншѣ , а шо я , размышлялѣ онѣ , которой вижу обѣими глазами , долженѣ зсшупншѣ безѣ нужды мѣсно слѣпато .

Наконецъ размышляя долго попалъ онъ на истинной путь разума, и узналъ, что писалель романовъ желая прикесипи чисташелей въ восхищеніе, получишь громкую славу, присвоишь себѣ Пегаса, и получишь Парнасской лавръ, не только это, но и на воздухѣ палашы посприронишь можешъ, ежели только захочешъ.

Карена остановилась, Неоха изъ оной приняла, и повели по лѣсницамъ на высокое крыльцо. Онъ шелъ поддерживая двумя человекъми, которые сказывали, какъ должно ему подымашь ноги по мѣрѣ сдѣланныхъ ступенекъ. Сіе опважное живоипное помиралъ со смѣху въ то время, и жалѣлъ о томъ, что ногъ своихъ не выучилъ ходишь по нощамъ, а то бы слушая голосъ проводниковъ и по тому ихъ произношенію поднималъ ноги иногда выше, а иногда опускалъ, или бы двигалъ оныя равно, смотря на восклицанія провожаемыхъ. Вѣдя очень долго, наконецъ оснзновили его и развязали ему глаза; онъ увидѣлъ себя въ маленькомъ покоѣ, въ которомъ не было ни одного окошка, и весь освѣщенъ былъ бѣлыми свѣчами, стояла въ немъ великолѣпная кровать, сподъ ѿ

иѣсколько самыхъ мягкихъ и покойныхъ креселъ, также стѣнные часы удивительной и рѣдкой работы, на стѣнахъ были зеркала и картины, а полъ покрытъ былъ зеленымъ сукномъ. Сіе описываю я для того, что сочинитель романовъ долженъ бытъ непременно историкъ, и не упускаетъ ничего, что принадлежитъ до вранья и басен; а ежели онаго мы, хотя я и не въ числѣ оныхъ, романисты употребляемъ не будемъ, то скоро всѣ люди пошеряютъ къ намъ должную честь, и шутками нашими будущъ обвертываютъ купцы шовары, а пешименры завиваютъ волосы. Скороходъ просилъ Неоха, чтобы онъ сѣлъ и подождалъ хозяина, о кошоромъ увѣрялъ, что прити на замедлитъ. Неохъ безъ всякаго труда угадалъ могъ, что это дѣло важно и прѣбуемъ великой осторожности: того ради не хотѣлъ и спросить объ имени хозяина, и оспался шупъ одинъ только, безъ всякаго страха. Что же онъ думалъ объ этомъ, я не вѣдаю, хотябы и должно было мнѣ описать его смущеніе и движеніе сердца; но сочинители романовъ, ежели видятъ гдѣ непонятное ихъ уму, то всег-

да оставляютъ по безъ описанія, чинобъ не шакъ много невѣжество ихъ открывалось передъ шѣми, кошорые почишающъ ихъ разумными и учеными.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЪ 49.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Очень скоро вошла къ немъ женщина въ черномъ плашаѣ и въ мазкѣ. Она имѣла благородную осанку и очень хорошее положеніе шѣла, шолько видно было зпо, что она уже была не любовница, и онаказала се названіе другимъ, кошорыя ее нѣсколько помоложе. Неохъ какъ скоро увидѣлъ на ней черное плаше и маску, шо подумалъ, что дѣлаешся съ нимъ Овидіево превращеніе; а въ доказательство шого ожидалъ, какъ она заговорилъ, стихами, или прозою; и ежелибы она хотя одну рифму сказала, шо бы онъ конечно подумалъ, что старинная неодушевленная логика

Часть III.

Л

хочетъ воскреснуть теперь передъ его глазами. Она вошедши привѣсповала его самымъ чувствительнымъ образомъ, или такъ какъ всякая женщина принимаетъ весьма надобнаго ей мужчину, шестъ, шакого, кошорой вознамѣрился обождать красону ея и разумъ. По учиненіи съ обѣихъ сторонъ обыкновенныхъ учтивостей сѣла она въ креслы, не позабыла также просить о шомъ и Ешуденна. Ты, господинъ Неохъ, говорила она, вчерашній день получилъ письмо, и думаю, что не мало удивился его слогу, также не меньше я думаю, удивишься и швоему сюда прѣзду; дѣло это важно, и шребуеніе весьма великой осторожности; и ежели бы ты зналъ, въ какомъ ты теперь домъ, то бы конечно сказалъ, что мы еще недовольно осторожно его предпринимаемъ. Писала къ тебѣ женщина; она дѣлаеніе тебѣ свою преданность и препоручаеніе себя къ швоимъ услугамъ; а какъ ты человекъ довольно знающій свѣтскія обыкновенія, шю, думаю, короткое мое описание объяснило швоему пониманію все яше шребованіе. Я понялъ, сударыня, что значеніе швои слова, ошвѣспово-

валъ ей съ поспѣшливостію Неохъ; пони-
 маю и то, продолжалъ онъ, что съ
 вашимъ предпріяніемъ начинается мое
 благополучіе; я человекъ такой, изъ
 котораго вы все сдѣлать можете, что
 только похощите; я могу быть самой
 нежной Адонидъ, проворной Меркурій
 и некусный сурдичей; буду за вашими
 дѣлами ходить съ такимъ усердіемъ,
 какъ будто бы за моими собственны-
 ми. изволите только выговорить, что
 вамъ онъ меня надобно. Послѣ сихъ
 словъ женщина усмѣхнувшись говорила
 Неоху: ты очень проворенъ на языкъ,
 только шаковъ ли въ самомъ дѣлѣ.
 Клянусь тебѣ пламеннымъ Чернобогомъ
 и всеми адскими богами, что я надѣляю
 еще больше, нежели ты думаешь. По-
 шомъ женщина подарила ему золотую
шабѣрку, наполненную золотыми день-
 гами: вошь тебѣ, сказала она, начало
 лучшаго снисхожденія; да еще еще не что
 иное, какъ только предвѣстіе къ тому
 благополучію, которое для тебя назна-
 чено. У тебя есть рѣчка, которая меч-
 ченъ золотомъ; и ты можешь всегда
 изъ нее черпать, когда только захочешь,
 только будь проворенъ и не засѣдчивъ.

Неохъ былъ внѣ себя, когда трепещущими руками принималъ подчрокъ, и восшоргъ, произшедшій въ немъ отъ золота, помѣшалъ порядочно возблагодаришь свою благодѣшельницу. Ешному вы удивляшь не должны, продолжалъ сказывальщикъ, ибо деньги имѣюшъ великую силу надъ нашимъ сердцемъ, а писашель романовъ еще большую. После сего разговаривали они очень долго; хипрая эта женщина сшаралася нѣмъ узнать Неховъ разумъ, его скромности и проворство, которыя всѣ потребности были въ предпріятѣ ими дѣлѣ; однако напала она не совсѣмъ на просняка. Онъ съ своей стороны сшарался примѣшнить свою судьбину, и вывѣдывалъ изъ ея отвѣповъ, въ какую должностъ назначенъ онъ будетъ. Женщина какъ бы хипра ни была, но въ нужныхъ случаяхъ показываешъ свою слабостъ, и прошивъ воли открываешъ шѣ тайны, которыя одной только ей вѣданы бы надлежало. Сверхъ же того Неховъ имѣлъ очень хорошее лице, сшпанъ прензрядной, разума съ лишкомъ и вольныя поступки; прошивъ шакѣго предмета и Пенелопино постоянство вѣрно

бы поколебалось. Онъ между учтивыми рѣчьми спрашивалъ у нее, кпо она пакова, чей этоиъ домъ, и кпо его просилъ съ себъ для свиданія, одизко не получилъ на шо никакого отвѣща. И такъ поговоря о пользѣ любовнаго приращенія, о движеніи любовныхъ планешъ во внутренности спрашенныхъ людей, о Купидоновой сферѣ и о другихъ прочихъ явленіяхъ на Венериномъ небѣ, позже нежели въ полночь распались. Неоха опяшь отвезли такимъ же образомъ, какимъ и привезли, и приказали въ наступающій день въ томъ же часу и на томъ же мѣстѣ явиться, напомяная припомъ ему о скромности, какъ о такой вещи, безъ коной ни одинъ человекъ въ свѣтѣ прожить не можетъ, ниже самъ сочинилъ романовъ.

Неохъ вступалъ въ Университетъ богатымъ, не смотря на шо, что часовъ съ пять тому назадъ вышелъ изъ него бѣднымъ. Счасіе вселяется и въ ославленную голову, да иногда еще и скорѣе; такъ ешо не удивительно, что оно встрѣнилось съ Неохомъ, да удивительно шо, что съ разумнымъ человекомъ; такого дошоясства люди, мѣ

кажется, при рожденіи получающѣ что право, чшобѣ весь свой вѣкъ называющѣся бѣдчыми и не имѣющѣ участія въ рѣдкихъ и блестящихъ мешаллахъ. Какъ скоро пришелъ онѣ дѣмой, то выслалъ на столѣ деньги и послѣвилъ шабкерку, призвалъ своихъ шоварищей, и говорилъ имѣ: Друзья мои! Я шенерь богачѣ, когда прохаживался по городу, то встрѣчался со мною богѣ богачшсва и подарилъ мнѣ эшо сокровище; всѣ начали его издѣвляющѣ, и казалось, какъ будщѣ бѣд предпріяли уже его и почищѣ; чего деньги не сдѣлающѣ. Неохѣ изволилъ шушѣ обманушѣся, и наполнился великою радосшю, шого ради послалъ за хорошимѣ виномѣ; въ одну минушу комнаща его наполнилась бумылками, а не много погода всѣ Спуденшы и ученики наполнились хмѣлемѣ; шушѣ ничего больше не слышно было, какъ шолько: другѣ и пріяшель. Препроводили они всю ночь въ семѣ веселомѣ упражненіи; сошѣ позабылъ совсѣмѣ эшу веселую компанію, и не входилъ къ нимѣ въ комнащу. Во время всего празднессва деньги и шабкерка лежали на столѣ; иной правдивой и

поспоянной человекѣ подходилъ къ нимъ и бралъ ихъ, починая Неоха должникомъ своимъ прежде; другіе брали хѣ на собствєнные свои нужды, общаяся послѣ возвращенія; а нѣкошорые, имѣвъ къ шому время и мѣсно, пробовали себя, могушъ ли они искуснымъ образомъ украситъ; и шакъ къ ушру не осшалось ни одной копѣйки. Золошая шабакерка во все ешо время переходила изъ рукъ въ руки; иной хвалилъ се самое, другой выхвалялъ искусство мастера, шрестій благодарилъ шого, кто ее подарилъ Неоху, и шакъ далѣе. Наконецъ замѣшалась она во множествѣ пальцевъ и ошъ пошнихъ рукъ шакъ много пошускла, что послѣ ее уже и увидѣшь было не возможно. Такимъ образомъ скончала она пребываніе свое у Неоха.

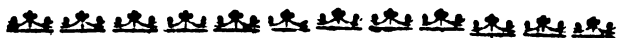
По ушру, когда проснулся шпороватой Спуденшъ, шо увидѣлъ, что ошъ ешодько же богашъ, какъ былъ и прежде; слѣдовашельно не имѣлъ и шого, чѣмъ бы ушолнить пары, кошорые подымались въ его головѣ ошъ вчерашней пирушки. Сшраснь скупыхъ людей и соболѣзнованіе о деньгахъ гъ одну ми-

ишту родились въ его сердцѣ; онъ пре-
 клиналъ себя, укорялъ безуміемъ и не-
 осипорожностію; однако утомившись
 нѣсколько, ибо онъ еще не совсѣмъ былъ
 изъ числа непоровашыхъ, предпріялъ по-
 ступашь впередъ повоздержіе; но со-
 всѣмъ шѣмъ препроводилъ весь день въ
 превеликомъ сѣтованіи, такъ какъ са-
 мой неправой мошѣ, или сираспной
 каршежной игрокъ. Когда же настало
 ему назначенное время, то поспѣшилъ
 онъ на шо мѣсто съ нешерпѣливымъ
 желаніемъ; по счасію его шамъ уже
 его дожидались, и съ такимъ же обря-
 домъ, какъ и прежде привезли въ шомъ
 домъ.

Съ четверть часа сидѣлъ онъ одинъ
 въ шой комнашѣ, и безпокоился весьма
 много какъ воображеніями, такъ и го-
 ловою, кошорыя дѣлали его совсѣмъ
 неспособнымъ къ изъясненію мыслей.
 Вошла наконецъ къ нему женщина въ
 мазкѣ, однако это была не вчерашняя
 его благодѣтельница; прелести ея про-
 никали и сквозь безобразное прикрытие.
 Она была споль складна станомъ, чпо
 Неохъ не видалъ во всемъ городѣ такъ
 прекраснаго положенія тѣла. Руки, ко-

шорыя онѣ могѣ безпрепятственно видѣть, довольно удобны были и одиѣ пронуть еще не страшное Неохово сердце; платье на ней было презрѣдное, да и такое, какѣ буди по бы сама любовь старалась оное украсити, и сами Граціи шили его своими руками, и предсказывалась она ему не инаковой, какѣ всѣ нѣжности и пріятности служили сей земной богинѣ. Похмельной Сшудемшѣ какѣ скоро ее увидѣлъ, шо не ожидавѣ такого предмета ошолбенѣлъ, и номѣшался нѣсколько въ разумѣ; онѣ самѣ не чувствовалѣ, что глаза его прикованы къ красавицѣ, а онѣ къ тому шулу, на кошоромѣ сидѣлъ. Сіа прелесница должна была ему напомнити, что бы онѣ сдѣлалѣ ей учинивоснѣ. Неохѣ услышавѣ сіе, какѣ буди по бы отѣ крѣпкаго сна пробудился, въ одну минушу пропало его смущеніе и безпокойство; онѣ пришелѣ въ нѣкопорую шидливую робоснѣ, прииялся за учинивыя слова и за модныя поклоны, искалѣ оправдаться ошпыми выдумками и ошборными сочиненіями рѣчей: и словомѣ, старался всѣмѣ, чтобы исправити свою непростишельную погрѣшность;

а складно ли онъ говоритъ, то услышите вы въ началѣ пятаго вечера сей книги, ежели я не поскучу сказывать, а сочинитель соизволилъ продолжашь сию книгу; ибо онъ еще не скучилъ, и чѣмъ больше пишешъ, тѣмъ больше родится въ немъ охота продолжашь сїи сказки.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЬ 50.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Государыня моя! такой худой поступокъ мой ни чѣмъ инымъ извиненъ бышь не можешъ, какъ врожденнымъ снизхожденіемъ вашему полу: я не сомнѣваюсь, что сколько вы прелесны, но сколько сердце ваше нѣжно и снизходительное; припишете его, сударыня, моему удивленію, а не неземой моею неучивости. Я какъ скоро васъ увидѣлъ, то сдѣлался неподвиженъ; ежели бы вы не сколько были прелесны,

по первое сѣ свиданіе не сдѣлало бы шакъ великой во мнѣ перемены. При-
знаюсь вамъ, что красота ва: а и мое
удивленіе сдѣлали меня безсловеснымъ,

Извѣстно, что шакія привѣщанія
женщины принимаютъ съ превеликимъ
удовольствіемъ и радостью, и что онѣ
для нихъ пріятнѣе, нежели шонъ, ко-
торой ихъ выговриваетъ. Кшо въ ны-
нѣшнемъ вѣкѣ имѣешь ешошъ дѣлъ,
чтобъ угодить модной шеголихѣ, шо-
му безъ сомнѣнія ошворены всѣ безчи-
сленныя двери Венерины храмы, и онѣ
всякое въ свѣшъ благополучіе получишь
можешь, чему ясное доказательство у-
видимъ мы и въ Неохомѣ похождения
Владимира, шакъ называлась пришед-
шая госпожа, слушя его слова поза-
была совсѣмъ маленькое неудовольствіе
оказанное ей Неохомъ, и при семъ пер-
вомъ случаѣ оказала ему шодль вели-
кую благосклонность, которая ни съ
чемъ сравниться не можешь. Въ чемъ
же она соснояла, шо сѣ вѣдѣю я одинъ,
да сочинилъ, и не шодько всѣмъ, но
и вамъ шого не ошкроюшъ, ибъ его дѣ-
ло не богашее: шакъ живучи въ свѣшъ,

надобно бытъ сколько нибудь поскромнѣе. Чшо жѣ Владимира посупила шакѣ рѣшиво въ любовныхъ упражнеціяхъ, шо еше произошло онѣ шого, что она была дѣвушка свѣшская и знала больше, нежели бы ей надобно было; читала романы, и изъ нихъ научилась презирать людей, и передо всѣми гордиться: узнала почишашъ за бездѣлицу нужныя вещи, и пользовашъ шѣмѣ, что запрещашъ сшудѣ и благоприсшойношъ; уразумѣла, какѣ пересмѣхашъ своихъ сесшерь, да шолько шѣхъ, кошорыя ее умиѣ; поняла, какимѣ образомъ презирашъ свою вѣру и ошечешво, а любишъ чужешпранныхъ обманщиковѣ: и словомѣ, все шо, что принадлежишъ до развращенной щеголихи. Сверхъ же шого Неохъ былѣ какѣ разумомѣ, шакѣ и лицомѣ не дурешъ, а противѣ такого предмета нынѣшняя жешская добродѣшель какѣ малая шросшъ прошивѣ вѣшра шашаешъ. Много бы мы шеряли, ежели бы всѣ дѣвушки и женщины были шакѣ засшѣшчивы, какѣ бывали онѣ въ старину. Сшудѣ и благоприсшойношъ, сшн два не смосные варвара, хошя не всѣми, однако многи-

ми совѣмъ уже истреблены; и мы уже нынѣ рѣдко имѣемъ ещо несчастіе, чтобъ увидѣшь у дѣвушки въ лицѣ краску въ шо время, когда мущина изъясляешъ ей свое желаніе. Кажешся мнѣ, что природа по временамъ перемѣняешся, ещо шягосшное бремя ложится на насъ по шому, что мы начинаемъ бышь сшядливѣе женщинѣ. Знакомешво у рѣшшвой къ любви дѣвушки съ ошважшнымъ Сшуденшомъ въ одну минушу взошло на высокую сшепень, и начали они сшоль дружно другъ друга осызашъ, какъ будто бы сшаршшвой сшругѣ съ древнею сожшшельницею; а нынѣшніе люди, которые обязуюшся бракомъ совѣмъ не съ шѣми мыслями, гораздо къ шому неспособны, и для шого примѣромъ я ихъ здѣсь не посшавилъ. Чшожъ они въ сше время говорили, шого посшавшшь здѣсь не разсудилась мнѣ за благо: ещо бы одно сшсшавило ужасной величины книгу, кошорую бы за огромносшю л чаю никшо чшшашъ не сшалъ. Сверхъ же шого любовнице въ такомъ случаѣ говорашъ корошко, но пріяншо; смушно, но чувствшшпельно; шнхо, но голосъ сшхъ Сш ешъ

проходивъ во внутренность нашу и касаясь сердца; не понятно, но разумъ нашъ скорѣ всего понимаетъ ихъ загадки; онъ рѣчей не начинающъ, и о концѣ оныхъ никогда не думаетъ, а мы догадываемся, начинаемъ и оканчиваемъ, и съ такими усѣхотъ, что всегда поддаемъ на ихъ мысли, чему въ доказательство служивъ еще, что между множесва наукъ не видимъ мы науки любовныхъ дѣлъ, но въ оныхъ учитель нашъ сама природа; разумъ переводчикъ сердца нашего, а глаза исполковали нашего желанія. Слѣдовательно описание ихъ разговора мало бы принесло увеселенія, а можетъ бытъ подало бы случай къ соблазну, чего весьма опасаясь, осмивляю оное безъ всякаго изъясненія.

Посомъ вошла къ нимъ Навѣра, надзирашательница Владимирна, и сказала ей, что ошестъ ся спивъ уже въ свою волю. Ну, шкъ мы шеперь безопасны, говорила Владимира, и можемъ цѣлую ночь наслаждаться прѣшностями безъ всякаго помѣшательства. Время уже намъ уведомить Пеша, продолжала она, посомъ обошнвшисъ къ не-

му говорила : Я дочь первосвященника Чернобогова, и это его домъ, въ которомъ ты находишься теперь. Сѣ говорила она уже безъ маски; а когда ее скинула, того я не видалъ, ибо не все въ свѣтѣ усмотрѣть можно; Неохъ услышавъ ея слова задрожалъ, сердце его окаменѣло, кровь застыла, и онъ не зналъ, что и ошвѣчать, ибо первосвященникъ былъ въ то время спрашнѣе и самаго ужаснаго ширана; и ежели не лѣсна жрецамъ, выговорншъ самую правду, то они шакъ и посшупали съ народомъ для того, что правленне онымъ было въ рукахъ первосвященника, которой всегда казался благополучнымъ и набожнмъ; однако проливалъ сколько человеческой крови, сколько Волховъ приносншъ прибыли въ то мѣсто, въ которое онъ вшдасшъ, и можно было примолвншъ шушъ пословицу, „Еъ шнхомъ омушъ больше черши ведущся.“ Владимира примѣшнвъ не обшчайную перемѣну въ Неохъ, узнала шощасъ, сколько ошецъ ея милъ и пршшенъ народу, и для того шщщалася какъ возможно ободншъ ушылато любовника. Она изъшвлала шо знаками,

что сердечное чувствовала отвращеніе къ своему онцу, и желала, чтобъ освободиться отъ него какимъ нибудь легкимъ и не подозрительнымъ случаемъ. Она уже начинала презирать его и искала всегда своей воли; а чтобъ, сдѣлавшись госпожею надъ своими поступками, по гогова была на все согласиться; ибо нѣтъ ничего пріятнѣе женщи-нѣ, какъ господствовать надъ другими, а самой ни отъ кого не зависѣть; и отъ сего произошло, „ что у бабы волосъ „ долотъ, да умъ коротокъ, „. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ не рѣдко видимъ мы такіе примѣры, и какъ вы слушали должны освободиться отъ удивленія, ежели вы до него охотники. Неохъ уразумѣвъ ея желаніе, въ пущее пришелъ отъ того помѣшательство, такое усердіе къ родителю вселило въ него совсѣмъ провинныя прежнимъ мысли; а Владимира подумала, что сіе его смущеніе значить согласіе, обрадовалась весьма тому, и предлагала всѣ свои сокровища ко услугамъ своего заблужденія; а какъ дѣло пришло къ тому, чтобъ принимать ему довольно оныхъ изъ рукъ Владиміринныхъ, тогда уже находился

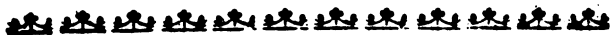
онъ въ полномъ и совершенномъ разумѣ, чему въ доказательство служишъ это, что онъ не ошибся, и положилъ ихъ въ шонъ кармаиъ, копорой свободенъ былъ онъ книгъ и онъ бумаги. Первое сіе свиданіе вышло у нихъ двойной успѣхъ: возвысили они свою любовь до такого градуса, что застѣнчивые и робкіе любовники не могли бы и въ шри года сего исполнить. Другое, что сдѣлали нѣкошорой изрядной заговоръ, о копоромъ я умолчу, чтобъ не осрамишь жаднаго къ деньгамъ Смуденша и малоумную красавицу. Въ семъ согласіи надзирашельница была главною особою, и она давала все пошребныя къ шому наспавленія двумъ нашимъ глупымъ любовникамъ, и все сіе предпріятіе дѣлося по ея наученію. Наконецъ началъ уже показывашься день, и прекрашилъ ихъ увеселеніе и согласіе. Время перешло плаъ въ нѣдѣ сими ценшовыми въздыхашедями, и Неохъ ошвезли домой по обыкновенію, а Владимира и Навѣра зашлаши по ушру, чѣмъ должны были онъ ночи.

Заглянемъ шенерь въ Университетъ, что дѣлаешъ нашъ новомодной любов-

Часть III.

М

никъ ; онъ опять впустился опорожнить бушылки : по этому видно , что его никакая мораль удержашь опъ вина не можешъ . Его окружающъ всъ тѣ же ярїашели , которые и первому его подарку оказали честьъ съ почтенїемъ . Онъ , какъ надобно думашь , изъ шого числа людей , которые вмѣсто Сомна и Морфея употребляющъ Бахуса ; ибо онъ одинъ увеселяешъ лучше наши мысли , нежели тѣ двое : Сшуденшъ не спалъ во всю ночь , шолько и упрю не принудило его успокоинъ свою природу ; онъ жершвовалъ равно какъ Афродитшъ , шакъ и Минервшъ ; однако всъ сїи божества собравшисъ вмѣстшъ , успокоила наконецъ усерднаго Бахуса въ обшяшїихъ сладкаго и крѣпкаго сна .

Г Л А В А Х Х I .

В Е Ч Е Р Ъ 51 .

Продолженіе сказки о рожденїи тафтяной мушки .

На другой день Навѣра не умедлила ранѣе проснушья ; она не шолько

что была надзирательницею надъ Владимирою, но управляла сверхъ того всѣмъ домою; и такъ, чтобъ не потерять о себѣ хорошихъ мыслей, должна она была противъ воли бодрствовать и казаться, что ей ничто спать не мѣшало. Женщина сія имѣла видъ набожной и добродѣтельной старухи; казалась всегда важна и поспынна, кротость и смиреніе написаны были на ея лицѣ; но всѣ нѣружныя свойства не согласовались съ ея сердцемъ, которое было къ зависти склонно, коварно и гонимо было все неспынное предпріятіе, только бы вышелъ изъ того какой нибудь прибытокъ. Тѣ люди весьма счастливы, которые изряднымъ наружнымъ видомъ могутъ прикрывать всѣ свои внутреннія бездѣлства, и въ нихъ самой разумной и прозорливой челоуѣкъ обмануешья можетъ, ибо лица насъ часто обманываютъ. Первосвященникъ хопя и всегда разсматривалъ внутренности жершвеннаго скопа, и узнавалъ по онымъ произволенія боговъ; но во внутренности сего коварнаго скопа не могъ онъ усмотрѣть того яду, коимъ гонимло ему сіе злобное сердце.

Онъ столько былъ увѣренъ въ сей старухѣ, что никогда не сомнѣвался, чтобы дочь его могла поперяшь честь и благоприсойность подъ смотрѣніемъ сей ехидной Горгоны. Воспитаніе и частое обхожденіе съ людьми весьма много дѣлають переменны въ нашихъ нравахъ, а особливо когда мы еще не въ совершенныхъ лѣтахъ: каковы предводишель, таковы бывають и шѣ, которые слѣдующіе его примѣру. Владимира заняла снѣ Навѣры все нѣ дурныя качества, которыя ее еще въ молодыхъ лѣтахъ уже испортили. Какъ скоро она проснулась, то надзирашельница начала выхвалять ее любовника съ превеликимъ воспоргомъ. Она описывала его такими красками, чтобы всякая добродѣтельная женщина согласилась на время оставишь честь и благоприсойность. Такія усердныя надсмотрщицы великую власнь имѣють надъ дѣвушками, и своими совѣсами на все привести ихъ могутъ. Ешѣ правда сударыня, говорила она Владимиру, что ты не ошиблась въ своемъ выборѣ, но по человекѣ, какъ ешѣшенъ, хорошѣ, умнѣ, и мнѣ важелся, что часъ отъ часу я больше

вхожу въ немъ прѣяпности; а что довольно похвалишь въ немъ не можно, шакъ эшо шо, что онъ въ угодность женщинѣ все въ состоянїи сдѣлать: подлинно сокровище ты получила; я говорю чиспосердечно, что я спарухою будучи, конечно бы все въ его удовольствїе сдѣлала. Владимира слушая сіи слова была въ преееликомъ восшоргѣ и благодарила Павру, что она помощію ея сдѣлалась благополучною.

Что говорили онъ о первосвященникѣ, шо я къ стыду и посрамленію срой надзирашельницы и малоумной красавицы шого не извясняю; ибо знаю, что подверженныя равному съ ними пороку, кошорые еще до исполненїа своихъ предпрїятій почищаются людьми изрядными, не съ большей охотою оное слушаешь будучи, и шакъ желая освободиться онъ нареканїа, умалчиваю о всѣхъ ихъ неисшовспвахъ, а буду говоришь шолько о шомъ, что можно безъ большой къ нимъ ненависти внести въ сію книгу. Когда уже опредѣлили онъ себя во всегдашнїа любовныя упражненїа, шо не бывали никогда розно съ Неохомъ, которому хопя и говорила час-

шо совѣсть, но свѣшная монета дѣла-
ла всегда ей зашмѣнѣ; когда же умо-
ляли въ немъ честь и добродѣтель, то-
гда и онъ согласился на неистовое пред-
пріятіе; все уже было къ иному гошо-
во, только недоставало одного, что
рокъ не приближался къ тому, чьей
искали они смерти.

Первосвященникъ имѣлъ обыкновеніе
каждой вечеръ прохаживаться въ своемъ
саду. Навѣра согласилась съ Неохомъ
такъ, что она спрячетъ его въ удобное
и зяемое ей мѣсто; когда же ночь бу-
детъ въ полной силѣ и всѣ успокою-
тся, то она удержавъ долѣе обыкновен-
наго въ саду старика, подведетъ къ
Неоху, и чтобы онъ шопчасъ его заш-
рѣлилъ. Пьяной и опважной студентъ
не долго размышлялъ на сіе согласишь-
ся, и начали всѣ ожидать съ радостию
вечера. Сбираясь на такое храброе и
похвальное дѣло, Неохъ не позабылъ
хорошенько запаснись Бахусовыми при-
пасами; ибо въ нихъ только въ однихъ
и полагалъ онъ всю свою надежду и
опвагу. Когда насталъ вечеръ, то над-
зирашельница пошаннымъ проходомъ
провела Неоха въ садъ, и тамъ его спря-

шала , сама пошла подзывать перво-
священника прогуливаться ; а госпожа
Владимира осмалась въ своихъ покояхъ
въ превеликомъ смущеніи , и просила
боговъ , чшобѣ они смягчили праведной
свой гнѣвъ , и не жестоко бы наказали
ее за ея беззаконіе.

Первосвященникъ съ надзирапельни-
цею прогуливались въ саду довольно
долго ; и когда настало время къ испол-
ненію ихъ намѣренія , тогда Навѣра под-
вела его къ своему мѣсту , въ которомъ
Неохъ находился. Тотъ , какъ скоро у-
слышалъ шумъ подходящихъ къ нему
людей ; шо такъ испугался , что бы
гошовъ былъ и самъ въ ту же минушу
заспрѣлился ; однако подхватилъ ружье
и выспрѣлилъ изъ него поспасъ ; хмель,
страхъ и противящаяся судьба опврат-
тили пулю оиѣ первосвященника , и
изградили ея госпожу надзирательницу
въ лобъ ; она перемѣнила стѣрика , и
вмѣсто его сошла въ Плушоново владѣ-
ніе и поселилась тамъ на вѣки. Сте зна-
чипъ : Не копай для друга ямы , самъ
попадеши въ нее прежде. Первосвящен-
никъ испужался и упалъ на землю пе-
чувешвишелей , и такъ дозволилъ Неоху

убрашья изъ саду благополучно, кошорой идучи думалъ, что безъ сомнѣнїя переселилъ его душу въ царство мертвыхъ. Страху и смущенїя тогда уже съ нимъ не было, и онъ готовъ былъ хопя десятокъ такихъ похвальныхъ дѣлъ издѣлать: того ради съ превеликою радостїю прибѣжалъ ко Владимиру, и объявилъ ей кончину ея отца. Владимира залилась тогда слезами и бросилась въ постель, и казалась такою дочерью, которая бы никогда не согласилась на ошнннпїе жизни у своего родителя. Женщины шакъ искусно припворачяшья умбюпн, что правды и неправды никогда изъ нихъ не выѣдасшь. Можешъ бышь и въ нынѣшнемъ вѣкѣ еспн такїя, которыя не ошказушся послѣдовашь Владимиру, шо я дѣйствительнo знаю, что онѣ возненавидятъ меня за сіе описанїе; однако и шо мнѣ извѣстнo, что всѣми никогда любиму бышь не можно. Я живу подѣ покровищельствомѣ судьбины, слѣдовательно она мой защитникъ. Наружная Владимирна печаль ни мало не согласовалась съ сердцемъ, и шакъ въ одну минупу кончилось ея сшенанїе; а когда

вообразилися ей всѣ тѣ увеселенія, которыми она теперь безпрепятственно наслаждалась можетъ, но какъ будто бы по неволѣ взглядывая на Неоха, начинала она съ пріятностію улыбаься. Догадливой любовникъ видя ее въ маленькомъ смущеніи, принялся пошчасъ за философическія морали, и началъ извинять свой и ея поступокъ сильными доказательствами. Онъ говорилъ, что врожденное въ насъ человеколюбіе пребуенъ иногда того, чтообъ опиять жизнь у ближняго въ то время, когда онъ становится несносенъ свѣту, упѣсняенъ людей, и ведетъ весьма порочную жизнь. Словомъ, онъ наговорилъ ей сполько, что она почла шо добродѣтелью, что доспойно всякаго наказанія. Такъ мы уже теперь счастливы, говорила она съ нѣкоторымъ робкимъ восхищеніемъ Небу, и намъ уже ничто помѣшанъ не можетъ въ нашихъ увеселеніяхъ. Признаюсь тебѣ, что я до сихъ поръ жила такъ, какъ въ темницѣ, и была невольницею богатства моего и природы. Нравливой мой отецъ никогда не хотѣлъ, чтобы я показалась свѣту, и всегда старался скрыть ме-

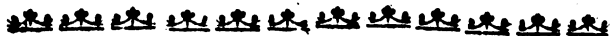
я отъ всѣхъ людей самымъ тиранскимъ образомъ ; а теперь я чувствую всѣ удовольствія , какія только выдумать можно ; къ подтвержденіюжъ того столько имѣю богатства , что могу поспроить при Египетскія пирамиды , ежели только вздумаю ; и дѣйствительно опредѣлили было они на Волковскомъ берегу поспавить при большія пирамиды ; но слѣдующія приключенія воспрепятствовали ихъ предпріятію , и такъ Россія до сихъ поръ осталась безъ того украшенія .

Теперь надобно намъ , сударыня , обойти всѣ пакон , говорилъ Неохъ и осмотрѣшь , что въ нихъ есть ; надобно все перепечатать , чтобъ не разошало ; Навѣра я чаю уже шамъ , и намъ должно бышь съ нею вмѣстѣ . Жадносиль наслѣдниковъ къ полученію богатства столько велика , что никакое перо описать ее не можетъ ; и ежели бы они захотѣли признаться , то бы мы увидѣли всѣ тѣ худыя слѣдствія , которыя могутъ испортить и самаго добродѣтельного человѣка . Когда вошли они въ кабинетъ первосвященниковъ , то Неохъ съ жаднымъ восторгомъ смо-

спрашивалъ на всѣ шибъ вещи, копорыя ему попадались, и чѣмъ копорая спонла дорожѣ, шибъ больше приводила его въ неисшное восхищеніе. Онъ почишалъ уже ихъ своими собспвенными, и вносилъ для памяни въ записную книжку, также не позабылъ внести иѣкошорыя и въ карманы для запасу на первой случай. Ибо человекъ при полученіи множеснва богашеснва всяксе порочное захальспво сдѣлалъ въ сосшояніи. Чеспъ бѣдныхъ людей не сполько шверда, сколько людей богашыхъ; ешо я разсуждаю какъ шаконъ человекъ, кошорой желаетъ угодншъ свѣпу, и ежели мнѣ прикажушъ, шо я въ угоднесшъ моихъ злкомыхъ сдѣлаю предисловіе къ ешой книгѣ въ двашцашъ чспыре шомъ, и эшнмъ докажу, что я на все согласенъ.

Неохъ не переснавалъ осмашривать мнѣншмъ свое имѣнше, помѣщалъ его въ карманы, какъ возможно усердше, а Владимира спаралася прибрашъ важныя записки покойнаго родителю; и когда находились они въ семъ расположеніи, шо два служилелю ввели подъ руки пришедшаго въ чувспво спарика. Какъ скоро взглянули они другъ на

друга всѣ шрое, то всѣ равно осполбены и сдѣлались безсловесны; первосвященникова должность была опамятоваться прежде всѣхъ, онъ шакъ и сдѣлалъ; спрашивалъ Неоха, какъ незнагаго госпя, какииъ образомъ зашелъ онъ въ его кабинетиъ, и какою имѣлъ къ тому нужду? Спуденииъ принимался много разъ отвѣчать на его вопросъ; но не могъ ни поворошнить языка, ни собрать оныхъ мыслей; ибо страхъ и опчаянiе владѣли имъ больше, нежели краспорѣчие и моральная Философiя. Первосвященникъ изъ шакого большаго его смущенiя могъ заключить, что онъ былъ учаешникомъ въ исканiiи его смерти, въ чемъ и не погрѣшилъ противъ чести и добродѣтели.

ГЛАВА XXII.

ВЕЧЕРЬ 52.

Продолженiе сказки о рожденiи тафтяной мушки.

Къ великой прискорбноети шакого ошца, кошорой любилъ дочь свою

чрезвычайно, долженъ былъ онъ признашь и ее участницею изгнаннымъ ему погибели. Шарикъ проливая горькія слезы спрашивалъ у Владиміры, что понудило ее возсичь прошивъ ошца, и забывъ страхъ Божій, некашь его смерти? Владиміра не могла ничего ошвѣчанъ ему на се, и была въ ужасномъ изступленіи; она смо рѣла на ошца опчаяными глазами, и азалася, какъ будно бы совсѣмъ лишалася употребленія разума. Первосвященникъ велѣлъ ее проводить въ ея покои, и какъ возможно стараться о приведеніи въ чувство; а Исоха, какъ шакого госця, кошорой безъ зову посѣшилъ его кабинетъ, приказалъ онъ опорожнивъ его карманы проводить къ дѣцамъ въ показную, и шамъ весьма за крѣпкимъ караулѣмъ содержащъ до разобранія дѣла, и чшобы никого къ нему не подпускашь, шакого бы званія кшо ни б лъ. Служивели первосвященниковы не весьма учшиво провожали Исоха до храма Чернобогова, и уговаривали его самымъ не полипичнымъ образомъ, по ешь, пощечинами и оплеушинами. Солнце шому свидѣтель, чшо они расколопи-

ли ему всю голову, и весь воздухъ тогда наполнивъ былъ жалостнымъ воплемъ. Они уже были въ оградѣ храма Чернобогова, какъ встрѣшился съ ними шонъ жрецъ, кошорому должно было заключить Неоха въ шемницу и принудить его къ покаянію, что жрецъ шѣшъ немедленно и учинилъ. Неохъ идучи въ преисподнюю, укорялъ свою судьбину, и говорилъ такъ: Льстивое и не справедливое счастье, ты мнѣ показался на часъ или для того, что бы омерзѣть передо мною, или для шей причины, чтобы поругаться мною. Я зналъ и прежде, что знаки швоего снзхожденія лживы и не долговѣчны; они показываются людямъ не имѣвъ начала, слѣдовательно бѣдснвейное окончаніе всегда готово; нѣшъ въ свѣшъ перемѣнчивѣе себя и въпреннѣе; кшо желаешь получить швою благосклонность, шонъ не зная и не чувствншельно ищешь своей гибели и падаешь съ шобю на дно злоключеній; можешь ли ты быть хорошимъ проводникомъ, когда ты слѣпо; можешь ли быть воздержаніемъ, когда ты не умѣренно; можешь ли быть спасеніемъ, когда ты зависшливо такъ,

какъ Гарпія? Однако при всемъ епомъ шы мамъ милѣе всего на свѣшѣ. Сіе правоученіе поспывлено шушѣ не кшапѣ; но ешо самое и красша книги, сшихи украшаешѣ, ирма, а романы или сказки украшающя правоученіемъ поспавленнымъ не кшапѣ, и еще больше, какъ заняшымъ изѣ какого нибудь хорошаго сочиненія.

По правиламъ сочиненія романовъ или сказокъ въ семъ мѣсшѣ должно описывашѣ разлуку любовниковъ, какъ они проклинаяшѣ свою жизнь, желаяшѣ всякой часѣ смерти, ищущѣ чемъ заколонься, но въ ошчаянтіи не находяшѣ, желаяшѣ прекрашншѣ оную ядомъ, но ядѣ не скоро уморншѣ, и шакъ ошдумывающѣ, шеряющѣ наконецѣ всѣ свои чувсшва, и вмѣшо обморока засыпающѣ и спяншѣ до шѣхѣ порѣ, пока мѣсшѣ шеряющѣ желаніе къ смерти, и вздумаяшѣ начинашѣ жить снова хошя и безѣ любовника. Но я послѣдую лучше здравому разсужденію и буду сказывашѣ шо, что больше съ разумомъ и съ природою сходно. Смерши не шакъ тесело ошдашь, какъ свадьбы; и для шото Неохъ не спѣшилѣ увѣнчашѣся земляною діа-

димою; сверхъ же того зналъ онъ и ешо, что онъ мнѣ весьма надобенъ для продолженія моей сказки, а сочинителю для продолженія книги; я же человекъ не приказной, следовательно есть во мнѣ сожалѣнїе, и причиною его смерти быть мнѣ не должно. Могъ бы я послѣдовалъ илѣмъ сочинителямъ, копорые желая украситъ свое изданіе какими нибудь важными случаями, глашатишъ по цѣлой арміи въ сушки; но я не желаю заиречь Адонида въ Марсову колесницу, и Венеру никогда не опдамъ въ солданы, какъ многіе ешо дѣлаюшъ подъ разными видами; знаю, что безъ разума удивляшъ людей, знакъ подлой души и неспособнаго пущомели.

Ошчаянной человекъ подобенъ тому, копорый шонетъ въ моръ, и что ему ни кинь, онъ за все хващается, и во всемъ полагаешъ свою надежду и спасеніе: равно и Нехъ находяся въ заключеніи выдумывалъ всякіе способы къ своему избавленію, но всѣ оныя казались ему слабы; наконецъ совѣтуя самъ ; собою очень долго, нашелъ одинъ случай, копорымъ безъ сомнѣнїя надѣлся освободитъ изъ шемницы.

Тотъ жрецъ, которой его заключилъ въ оную, былъ не извѣстно скупъ; и упражнялся больше въ собираиіи богатства, нежели въ церковныхъ сѣрдахъ; чинъ его не мѣшалъ ему утѣснять людей, осниманъ ихъ имѣніе и проливать слезы. Онъ часто всшупалъ въ приказныя дѣла, и смиреннымъ образомъ оснималъ насильно у другаго имѣніе сосѣмъ ему не принадлежащее, часто доносилъ на многихъ духовныхъ особъ не правильно, и шѣмъ получалъ себѣ половину ихъ имѣнія. Впрочемъ часто поучалъ на каедрѣ народъ, и больше, чшобъ имѣли любовь къ ближнему, такъ какъ сами къ себѣ, и извѣснлалъ сїи слова съ такою крошеснїю, какъ будто бы онъ самъ никакому пороку подверженъ не былъ. Много было такихъ людей, которые держали его сторону, и ни подъ какимъ видомъ согласишья не хотѣли, чшобы онъ имѣлъ какое нибудь свѣтское приспращіе. Неохъ дѣйсшвительно былъ увѣренъ въ себѣ, чшо онъ всякаго челоука склонить можешъ на свою сторону, а особливо ежели узнаешъ его приспращія. И такъ позвалъ къ себѣ шемничнаго приспав-

Часть III.

Н

ника, и велѣлъ доложити жрецу, что онъ имѣетъ до него крайнюю нужду, и что нужда эта времени не перепиетъ; Имай, такъ назывался жрецъ, услышавъ сіе отъ присланика, приказалъ привести передъ себя Неоха, котораго принялъ грубымъ видомъ и суровыми словами, потомъ выслалъ всѣхъ воиновъ, ожидалъ отъ него объясненія. Неохъ сшавши передъ нимъ на колѣни и принявъ на себя смиренный и опечаленный видъ, говорилъ ему такъ: Великій священникъ Чернобоговъ, я вижу, что я провинился богамъ, и жизнь моя въ скоромъ времени скончается, но должно мнѣ показаться во всѣхъ сдѣланныхъ мною согрѣшеніяхъ и просить тебя, чтобы ты молишвами своими предстательствовалъ о мнѣ великому Чернобогу. Во время вчерашняго жертвоприношенія во храмъ отошелъ я на другую сторону капища, гдѣ увидѣлъ прекрасную дѣвушку, которая умоляла великаго Чернобога со слезами, чтобы не давно умершему ея брату облегчилъ наказаніе во адѣ. Я вслушавшись въ ея слова дерзнулъ на непросительной грѣхъ, вошелъ

весьма осторѳжно въ каплицу, при-
крыпѳ будучи завѳсами оныя говорилъ
божескимъ голосомъ, чшо я намѳренъ
посѳшинъ ее нынѳшнюю ночь, и пока-
затъ ей все мое снизхожденіе. Услы-
шавъ мои слова пришла она въ вели-
кое замѳшашельство, а наконецъ при-
шедъ въ радостнъ обѳщала принести мнѳ
золотую жершву у себя въ домѳ. Но мнѳ
уже теперь никакое сокровище не надо-
бно, и я желалъ бы только, чшобъ
грѳхъ сей мнѳ былъ опущенъ. Имай
при семъ словѳ усмѳхнулся; и вмѳсно
строгаго нападенія на Неоха, хвалилъ
его изрядную выдумку. Правда, гово-
рилъ онъ съ веселымъ видомъ, чшо та-
кое дерзкое предпріяшіе достойно всѳ-
каго наказанія; но такому молодому че-
ловѳку, какъ ши, нѳсколько прости-
пельно; я бы хотѳлъ посмотрѳшь ешу
весьма суевѳрную дѳвушку; не для обѳ-
щанной тебѳ корысти, но единствен-
но только для того, чшобы вывести ее
изъ заблужденія. Неохъ уразумѳвъ ея
вѳгадку, говорилъ ему: отецъ Имай,
ежели изволишь, я тебя провожу къ
оной, долѳгъ швой того шребуешь, чшо-
бы ты исправлялъ людей впадающихъ

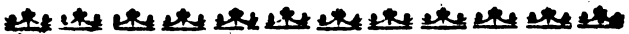
въ прегрѣшенія. Жрецъ съ превеликою радостію на сіе согласился, и начали они пригошовляться.

Неохъ выпросилъ у Имая жреческое плащье, надѣлъ его на себя, чшобъ удобнѣе и безъ подозрѣнія изъ монастыря могъ вышши. Имай прибрался нѣсколько попорядочнѣе; ибо въ немъ не одна спраснь къ прибышку дѣйснвова-ла, но вселилось нѣчто и другое, и такъ выступили они за ограду Чернобогова храма. Неохъ привелъ жреца къ нѣкошорому большому двору, и просилъ, его, чшобы онъ нѣсколько подождаль, а онъ поидешъ и увѣдомншъ хозяина о пришеснвн къ нимъ в ликаго Чернобога во плоши. Онъ зналъ, чшо дворъ ешонъ былъ проходной, и такъ убрался благополучно, а жрецу оставилъ надежду и пишулъ самаго израднато дурака. Въ городѣ оспашься ему ни какъ было не возможно, и такъ не дожидая свѣша поручилъ себя произволенію судьбины, и сдѣлался въ первой разъ пушешеснвенникомъ въ свѣмъ; моженъ бышь сдѣлалъ онъ сіе по необходимости, а моженъ и въ угодности сочинишеля; все спашься моженъ. Имай

дождался съ превеликимъ нетерпѣніемъ и гошовился оказать свое краснорѣчіе, чтобъ имъ больше походить безсмертнаго. Въ семъ его веселомъ воображеніи прошла уже вся ночь, онъ увидѣлъ свѣтъ, и съ нимъ узрѣлъ вмѣстѣ, что онъ обманушъ, и что всего ему было досаднѣе, такъ то, что въ пакомъ почтенномъ чину и въ глубокой старости весьма искусно одурченъ. Почему видно, что старость и высокіе чины не дѣлаюшъ насъ разумными; они производяшъ только къ намъ въ другихъ почтеніе, а дурачества нашего у насъ они отнять не могу т. Онъ только озлился на незнаемаго имъ Неоха, что въ шужь минушу гошовъ былъ позабышъ все свое смиреніе и расперзашъ его на части; и дѣйствительно бы сбылось, ежелибы Неохъ ему попался въ руки: ибо со жреческою злошю и ехидна сравнишся не можешъ. Они не такъ, какъ мы проснолюдины, зляшся до шѣхъ поръ, покамѣшиъ доложашъ его во гробъ, и засыплюшъ землею; но другіе говоряшъ, что они и во адъ не забываютъ своего свирѣпства. Однако какъ бы то ни было, а Имай принужденъ былъ воз.

вращаются домой, и принесли въ оной вмѣсто золотой жершвы превеликую досаду и огорченіе. Онъ предпріялъ сказашь, что невольникъ разломалъ двери и ушелъ изъ-подъ караула; ибо другаго не вздумалъ ничего къ своему опавданію.

ГЛАВА ХХІІІ.

ВЕЧЕРЬ 53.

Продолженіе сказки о рожденіи тафляной мушки.

Солнце съ воспоку сыскало дорогу на небо, а Исохъ изъ города не могъ найши оной до Ильменя озера, но языкъ до Кіева доводишъ. Онъ находился въ пуши два дни, и обшедъ на другую сторону озера, присшалъ къ жрецамъ Ладна храма. Сѣи роскошныя живописныя усомшря въ немъ ошмѣнную ошъ прочихъ добродѣшель; ибо онъ весьма способенъ былъ ко всякимъ ошрымъ выдумкамъ и разнымъ удивительнымъ хшросшямъ, приняли сго въ свое со-

общество, и удоспонли получишь ему равную съ ними часть отъ жертвы. Мосияцашъ его было не надобно, ибо онъ и безъ того имѣлъ на себѣ жреческое плащье; и шакъ сказалъ имъ о себѣ, что онъ жрецъ и перемѣнилъ имя. Съ этихъ поръ будешь онъ именовашься Видолшаромъ до времени. Жрецы когда уже удоспонли его бышь своимъ шоварицемъ, то не были они ни въ чемъ сокровенны, и объявляли ему все безъ всякой застенчивости. Въ нѣкоторой день послѣ келейной шрапезы, кошорая изрядно поднеселида ихъ чувшва, начали они ошкрыть ся ошцу Видолшару другъ передъ другомъ усердиѣ; одинъ говорилъ, что онъ еодержишь на своемъ иждивеніи прекрасную дѣвушку, кошорая въ угодности его живешь очень не далеко отъ ихъ храма, и копорую посѣщаешь онъ ночью; другой рассказывалъ, что получаешь великую благосклонность отъ одной управительской жены, и всегда бываешь у нее въ то время, когда мужъ выѣзжаетъ изъ дому; третій хвалился, что онъ весьма счастливъ въ нѣкоторой знашней госпожѣ, у кошорой по посшамъ ошправляется до-

мовую службу; иной говорилъ, что онъ влюбленъ въ молодую Секретарскую жену, и за большую ея благосклонность намѣренъ выпросить мужу ея Ассессорской чинъ, что уже ему и обѣщано; еще нѣкошорой говорилъ, что буди онъ управилъ одного приказнаго служивеля въ ссылку за то, что тотъ претяпшевовалъ ему имѣшь свиданіе съ его женою; словомъ, они наговорили Внидолпару сполько много, что ежелибы описалъ все подробно, то вѣе сочищеніе сопавило бы Арабскую библиошеку, кошорой, какъ сказывающъ, нѣкошорой своенравной владѣле въ шесть мѣсяцовъ попилъ свои комнашы. Но наспоящель какъ чиномъ, такъ и любовными дѣлами превосходилъ всѣхъ прочихъ; онъ сказывалъ, что монастырскіе доходы дѣлишъ на три часши, одну употребляетъ на храмъ, другую беретъ себѣ на собспвенныя свои нужды, а третью шрашишъ на содержаніе нѣкошораго числа благородныхъ дѣвицъ, а именно: шолько на двухъ. Онъ живущъ великолѣпно, говорилъ онъ, имѣющъ множество слугъ, довольно карепъ и лошадей; въ домъ ихъ бываетъ собраніе спарухъ, женщинъ

и двѣушекъ набожныхъ: тутъ ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о богословіи; всякой день полкуютъ библію и хощаюшъ переложитъ ее на списки. Важныя и замысловатыя женщины дѣлаюшъ нравоученія муштрамъ, и сочиняюшъ великую книгу о посноянсшѣ въ прошивносн. въсѣмъ свѣтскимъ Авторамъ; а чпобъ книга сія имѣла ошличноснъ ошъ другихъ, шо первой шомъ хощаюш онъ напечаташъ розовыми чернилами, другой зелеными, а шрешій, кошорой будешъ не шолько важенъ, какъ первый, шобснаго цвѣсна краскою. Мнѣ кажешся, что сіи женщины, продолжалъ расказъ къ, нѣсколько замѣшалисъ въ разумъ, и не худо, ежели бы онъ спросилсъ о напечатаніи своей книги у нѣкопорыхъ здѣшнихъ еще новомодныхъ сочинштелей, изъ кошорыхъ одинъ видѣлъ Аполлона въ Валдаяхъ, и хочешъ на сей случай сочиншть героическую поему, въ началъ кошорой думаешъ скинуть съ Гомера сандаліи и обушь его въ лапши. Другой дѣлаешъ комедію стихами подъ именемъ „преселеніе боговъ изъ Фессаліи на Волгу“. Въ первамъ вступленіи оной носашъ работники

землю , кладушѣ ея въ кучу , и шѣмѣ стараются сдѣлать Олимпѣ ; все первое дѣйствіе продолжается въ сей работѣ ; ибо складывать большую гору весьма много надобно времени ; сверхъ же того обѣдающѣ , ужинающѣ , ложатся спать , и во снѣ бредяшѣ работники снѣхами ; въ концѣ же сего дѣйствія поющѣ они Рускія пѣсни вмѣсто Италіанскихѣ арій , копорыя сочинилъ сдѣлалъ сѣ Италіанскаго и Французскаго манера на Русской ладѣ весьма не складно .

Во второмѣ , по окончаніи горы пляшѣ имѣ за работу , и копорому дано меньше , шопѣ сѣ превеликою насѣєю говоряшѣ большей монологахъ , и укоряшѣ въ ономѣ человѣческое беззаконіе ; а шѣ , копорыя довольны , что заплачено за шруды ихѣ безѣ всякаго извѣнчія , пляшутѣ на шапирѣ , изѣ чего составляетѣя яѣкопорое подобіе балѣта ; и шѣмѣ кончилось второе дѣйствіе . Въ прешемѣ , приходяшѣ боги въ разныхѣхъ и смѣшныхъ одеждахѣ , копорое украшеніе означашѣ сочинилъ разумѣ ; жалуютѣя чрезвычайно на безпокойство , копорое они претерпѣли

въ дорогѣ; иной говоритъ, что спервъ
онъ болѣно ногу, и хочеть сдѣлаться
больнымъ; другой говоритъ, что онъ
уже и такъ болѣнъ: ибо весьма много
госпудился, и не въ состоянїи сидѣшь
на деревенскомъ Олимпѣ. Во всемъ семъ
дѣйсвіи слышно сшечанїе и вопль;
яушъ поюшъ печальныя арїи, которыя
сочинишель взялъ изъ песенъ и изъ
другихъ сочиненїй разумныхъ Авшоровъ;
ибо по правиламъ комедїи шреште дѣйс-
ствїе должно бышь печально и украше-
но крадеными шпихами и мыслями. Въ
чешвершомъ, Авшоръ желая показашъ
все шешпральное великолѣпїе, выпус-
каешъ богинь, которыя вмѣсто шпа-
ринныхъ колесницъ выѣзжаютъ на шеш-
ашрѣ на купеческихъ чешвероколесныхъ
дрогахъ и на прешощихъ деревенскихъ
лошадяхъ, которое все досшалось со-
чинишелью по наследствїу. Въѣздъ ихъ
приключишя при огромной музыкѣ,
которая сосшавляется изъ воынокъ,
рожковъ, балалаекъ и рылей; пошомъ
сходяшъ онъ сѣколесницъ, осмашриваюшъ
новое мѣсто, чрезвычайно имъ лю-
бующя, рвушъ болошныя цвѣшны, и
сдѣлаешъ изъ оныхъ вѣнки, надѣваюшъ

себѣ на головы, и вмѣсто зеркаловъ смолриаяся въ непрозрачную болошнюю воду. Деревенскіе жишелн весьма радуяся ихъ пришествію, пощивающѣ съ превеликимъ усердіемъ проснымъ виномъ и пивомъ, боги ошговаривающа и пишь шого не хошалѣ: и сіе-шо соснавлаетѣ самое лучшее вспупленіе въ комедіи, и можне сказанѣ, что оно коронуешѣ сочинишеля. Въ пьяномъ дѣйствіи самъ Авшоръ являеша между боговъ на театръ, увѣчаннй словыми въшьвями; ибо еѣ деревняхъ о лаврѣ не знающѣ, да онѣ же шого и не досноиѣ. Сколько велико еѣ поняшїе и высокій замыелъ, сшолько онѣ малъ росломъ, и походишѣ на самое не нужное самодвигалище; шрагическимъ образомъ и правильными сшихами, которые онѣ въ случаѣ нужды дѣлашѣ умѣшѣ, просишѣ боговъ, что бы они позволили и ему жишь съ ними на Олимпѣ. Услыша сіе боги и богини начиушѣ между собою великой спорѣ. въ кошоромъ съ позволеніемъ сочинишеля кричанѣ весьма громко, изъ чего соснавлаетѣ я дуешѣ, шрїо и кварпешѣ, и сіе вспупленіе походишѣ нѣсколько на оперу комикѣ. Пошомъ угомонившись совѣшу

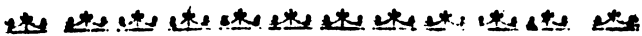
тѣ между собою безъ всякаго крику, гдѣ же не слышно и музыки; наконецъ Дишперъ опредѣляешъ ему жизнь на лимпѣ, выговаривая при томъ сѣи слова: ежелибы онъ дерзнулъ просишься а Фессалійской Олимпѣ, то за такую то смѣлоснѣ превратили бы его боги въ квадратную черепаку, а на семь лимпѣ можешъ онъ жизнь безъ всякаго репансшвѣя; ибо шушъ большая повинна навозу, и дѣя чего нынѣ поезія го шечешъ изъ навозной Инокрены. И такъ Авшоръ вшодшъ на вершину горы, гдѣ кленешя въ прозѣ передъ всѣми богами, что надѣлаешъ онъ прешожешство оперѣ, а особливо важныхъ, и выправшъ совсѣмъ Руской азкѣ. Все сѣе драмматическое сочиненіе коншся сочинштелевою паншомимою; ибо онъ сѣ Олимпа прошашешъ къ зрштелямъ руку, и сдѣлаешъ видѣ весьма пршскорбшый, чемъ изъявляешъ, что бы заплаклили ему за работу.

Къ сему сочиненію сдѣлано у Авшора предшсловіе, въ которомъ онъ описалъ поколѣніе свое такимъ образомъ: я родился въ небольшемъ Россійскомъ шродкѣ, споящемъ на берегу рѣки Вол-

ги ; дѣдъ мой былъ сполнѣ стариннаго правовѣрїя и Кавалеръ алаго козыря, кошорой носилъ спрадалъцы на запылкѣ ; кафшанъ носилъ геомеширической изъ коринишеваго сукна въ знакѣ смиренномудрїя ; на рукѣ имѣлъ всегда перешель , кошорой не усшупалъ древношю Кремлю городу, и въ кошоромъ задѣлана была весьма искусно часель ногтя съ указашельнаго персша прошоноль Аввакума ; борода его сосшолла изъ сорока осьми волосовъ, и была она осьмиугольная ; и онъ ушверждалъ, что въ такой бородѣ обинаешъ душа человѣческая и всякой волосъ необходимой членъ въ нашей жизни; усы имѣлъ изъ двашцати шесши волосовъ, и шкъ все было на немъ пропорціоально. Чшоуж до разума его принадлежишъ, шо онъ былъ весьма несравненной мужъ въ знанїи, и всѣ сшхи, кошорые яшпечашаны позади азбуки; зналъ наизусшъ, и училъ оными другихъ; узнавалъ людей по шапкѣ, кому одесную, и кому опую сшояли; вѣдалъ, въ какой шапкѣ сидишъ сашана, и какой боишя. На Макаръевской ярманкѣ разсуждалъ весьма разумно о бородѣ и о усахъ, онъ чего

накопиль довольно имѣнїя, кошорымъ
пользуется теперь и сочинилъ; и
словомъ, бывалъ шонъ мужъ вердъ, вы-
ключая церквей, куда не ходилъ имѣлъ
онъ свои причины. Кшо нюхалъ шабалъ,
шо шѣхъ людей онсылалъ онъ безъ до-
просу во адъ. И шакъ Авиторъ сей при-
водитъ, чшо премудрость доспалась
ему по наслѣдству, и пишеть онъ снѣ-
хи по вдохновенїю дѣдову, съ кошорато
въ Брынскихъ лѣсахъ списанъ поришъ,
и хранился весьма рачительно.

ГЛАВА XXIV.

ВЕЧЕРЬ 54.

*Продолженіе сказки о рожденїи
тафтяной мушки.*

Въ скоромъ времени прѣхалъ изъ Нова-
города присланной онъ первосвящен-
ника, кошорой объявилъ онцу намѣст-
нику, чшо присланъ онъ шребованъ онъ
него пресвѣтника. И шнъ, говорилъ онъ,
волею боговъ забодѣлъ, и не въ состоя-
нїи увщевать народъ для шего, чшо
больной врачъ не можетъ пользоваться

немоглыхъ. Приказано было готовиться оному Внидолшару, и вступити въ должность народнаго учишеля; отъ чего нѣсколько было онъ усумнѣлся, однако представивъ себѣ то, что первосвященникъ видѣлъ его одинъ только разъ, и то мелькомъ, разсудилъ, что тошѣ его не узнаешъ; а когда же пришла ему сія надежда въ голову, то онъ съ великою радостію хотѣлъ отправиться, и отправился. Въ дорогѣ ничего съ нимъ важнаго не случилось, ибо онъ не былъ изъ числа тѣхъ храбрыхъ людей, которые находясь въ дорогѣ, обижаютъ крестьянъ по деревнямъ, опымаютъ у нихъ насильно лошадей, берутъ съвѣшныя припасы и за нихъ не плашатъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго права, и послѣ ласкашли называюиъ ихъ людьми добродѣшельными.

Внидолшаръ прѣхавъ въ Новгородъ, позванъ былъ къ первосвященнику, который срашивая его очень долго, похвалилъ его разумъ и знаніе: и такъ приказано было ему готовиться къ проповѣди приличной къ тому торжественному дню, которой въ скоромъ времени имѣшъ наступити. Новой про-

повѣдникъ не столько спарался о поученіи, сколько о новомъ и порочномъ своемъ предпріятіи; ибо онъ опяшь взялся умершвишь первосвященника; а что его любовница еще здравспвовала, о томъ увѣдомишь сшшло ему не великаго труда. Онъ призывалъ къ себѣ жреца, кошорой опрекшишь мѣра, не опрекся онъ денегъ, и любилъ ихъ сшолько, что погибель ближнему сдѣлашь за деньги никогда не раздумывалъ; съ нимъ они согласились, какимъ образомъ, и что изъ шого послѣдовало, извольше слушаешь, примолвилъ сказывальщикъ, я буду рассказывать.

Слышали вы въ повѣсти о Силославѣ, что исшуканъ Чернобоговъ былъ пусшой, и когда надобно было давань ошвѣны, то первосвященникъ входилъ въ оной, и шамъ запирался, и говорилъ уснами Чернобога; а послѣ, какъ онъ изъ него выходилъ весьма ошпорожно, то наполняли исшуканъ нарочно пригошвленнымъ къ шому подъ пресшоломъ пламенемъ весьма въ скорое время по выходѣ жреческомъ, шпобъ шѣмъ доказать, будшо бы никого въ исшуканъ не

Часть III.

О

было. Когда насталъ тотъ поржест-
 венной день, и начали люди собира-
 еся въ храмъ, тогда Внидолшаръ воз-
 шедъ на возвышенное мѣсто, поучалъ
 народъ весьма съ превеликимъ успѣхомъ
 при похвалѣ народной, и не только
 не знающіе его люди, но и сами его
 пріятели въ немъ обманулись. По со-
 шествіи съ кафедры бросился онъ подъ
 престолъ Чернобоговъ, и шамъ изгошо-
 вился совсѣмъ къ своему предпріятію.
 Первосвященникъ находился уже въ ис-
 шуканъ, и гошовъ былъ давань опившымъ
 присшупившему къ нему духовенству и
 всему народу; но въ самое это время
 опецъ Внидолшаръ запалилъ изгошо-
 ленныя подъ престоломъ горючія мапе-
 рѣи, и началъ жарить великаго жреца
 въ исшуканъ. Идолъ варевѣлъ не по бо-
 жески, а такъ, какъ просполюдимъ подъ
 башогами. Первосвященникъ какъ въ
 немъ ни вершѣлся, однако принужденъ
 былъ вариться безъ всякаго разумнаго
 опивша. Весь народъ пришелъ онъ то-
 го въ превеликое помѣнашельство, ве-
 ликой страхъ и блѣдность изобразилъ
 ся на ихъ лицахъ, всякой хотѣлъ по-
 дать скорую помощь исшукану; но вся-

ой и шрепеналъ пристуиить къ оному; бо какъ человѣческая сила можетъ по-
 ашь помощь небесному жителю. Въ
 коромъ времени идола поленѣла съ
 решола ии полъ. Жрецы, чинобъ
 крышь свое нескесиво, бросились весь-
 а поспѣшно ухватишь оной; но руки
 хъ привърло въ раскаленной мѣ-
 и, и они закричали не складнѣе ско-
 го бога. Все сіе великое шоржесиво
 опоришло, и походило больше на со-
 раніе бѣшеныхъ людей, нежели на пра-
 дующихъ. Вишолпалъ сочинивъ ша-
 юю пошѣху, радовался, что произвелъ
 амѣреніе свое съ превеликимъ успѣхомъ,
 сія радосиъ была причиною его поги-
 ели. Сколько онъ былъ ни хипръ, од-
 ако позволялъ признашь другимъ жре-
 цамъ, что приключеніе сіе не миновало
 рукъ его и желанія. Въ одну минушу безъ
 сякой худой размолвки взяли его, и
 посадили въ самую спрашную шорьму,
 шорая находилась подъ городскою стѣ-
 юю, и куда обыкновенно заключали плѣн-
 иковъ. Тамъ онъ былъ свободенъ за-
 цумывать различные способы къ своему
 избавленію, и ничто ему не мѣшало

вышши изъ оныя , шолько препяшши
вокала одна невозможности .

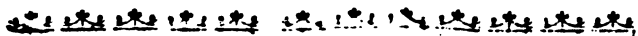
Томъ жрецъ , которой согласился
со Виндолшаромъ , не меньше боялся
сколько и Виндолшаръ ; дѣло сдѣланъ
было имѣшъ , сѣдовашельно и наказа
ниемъ наградили бы ихъ не разню . Онъ
былъ въ числѣ шого совѣша , которой
дѣлалъ приговоръ убійцѣ , и въ кошо
ромъ опредѣлено было смершно его каз
нить . Жрецъ совѣшовалъ шкъ , чшобъ
скрышь сѣ онъ народа , шо посланы е
хъ зашоченіе на Валдайскія горы , и
шамъ уморить голодомъ . Все собраніе
на сѣ согласилось , и ошправили пре
шупника на назначенное ими мѣсто
сѣ чешырю шѣдохранишелями покойна
го первосвященника ; ибо первой жрецъ
означалъ шогда и духовную и владѣше
леву особу . Не ошѣхали они еще ошъ
города и десяти вершъ , какъ увидѣли
что поспѣшаешъ за ними гонецъ , ко
порой ошведши Виндолшара на шоро
ну , вручилъ ему шикимъ образомъ шашъ
десяшъ золошыхъ гривенъ , и сказалъ
пришомъ , чшо жрецъ шонъ , которой
имѣлъ сѣ нимъ заговоръ , прислалъ ему
сѣ деньги на избавленіе , и чшобы Вин-

долшарѣ уяопрѣбилѣ ихѣ въ свою пользу такимѣ образомѣ , какимѣ за благо разсудилѣ , и шакѣ просмиившись съ нимъ возвратилса гонцаѣ въ городѣ .

Виндолшарѣ получивѣ шоликое сокровище , ни мало не умедливѣ упошребившѣ его въ свою пользу , и въ первой деревнѣ , гдѣ они ночевали , условилса онѣ съ проворнымѣ мужикомѣ , чшобѣ произвѣсши дѣло хорошимѣ порядкомѣ и забавившѣ ему онѣ неволн . Дѣйствіе же сіе происходило такимѣ образомѣ : когда вѣшали они по ушру и поѣхали въ пушь , тогда согласившѣся со Виндолшаромѣ мужикѣ запрягѣ хорошихѣ шрѣхѣ лошадей , и положитѣ на возѣ сороковую бочку вина , поѣхалѣ въ слѣдѣ за ними . Довѣдши ихѣ началѣ онѣ весьма болѣно бѣншѣ лошадей кошорыя бѣжали очень скоро , и шакѣ мужикѣ будшобы унявѣ съ воза выдернулѣ гвоздѣ у бочки , и осшалса на дорогѣ , а лошади , какѣ сшали обгоняли неволника съ воннами , шо были удержаны . Солдаты увидя , чшо вино шеченѣ бесполезно въ землю , подшавили шеломы , и мацѣдивѣ въ оныя , оказали себя въ семѣ случаѣ , чшо они вина испишѣ умѣли

довольно изрядно, и шакъ насладивъ
 исправно носы, не могли больше про-
 должашъ своего пуши, легли почти
 безчувственна на шравъ. Солнце согрѣвало
 ихъ наружностъ, а вино горячило вну-
 шренностъ; сонъ усынилъ ихъ члены,
 а хмель угомонилъ бодростъ и всякое
 бдѣнїе, и шакъ уснули они крѣпко, что
 никакой страхъ, ниже предстоющая
 имъ бѣда разбудитъ ихъ были не въ
 силахъ.

ГЛАВА XXV.

ВЕЧЕРЪ 55.

*Продолженіе сказки о рожденіи
 тафтяной мушки.*

Креспыянишъ и онецъ Внидолшаръ на-
 ходилися тогда преземыи, слѣдо-
 вательно избавились онѣ всякой нево-
 ли; ибо презвой у пьянаго, шакъ какъ
 разумной у дурака, подѣ смощенїемъ
 бытъ не можешъ. Внидолшаръ хотѣлъ
 очень скоро оставишь сихъ безчувст-
 венныхъ воиновъ; а мужикъ уходомъ
 онѣ оныхъ доволенъ бытъ не разсудилъ

за благо. Онъ вынялъ изъ пазухи мыло и бризву, нацѣдилъ въ шишакъ вина, и началъ мылишь солдатамъ головы и бришь ихъ до гола, онъ чего и нынѣ ходишь между просиымъ народомъ бѣсна подъ именемъ,, Деревня плешивыхъ; и когда начали лосниться прошеи солнца воинскія головы, шо Видолшаръ и крестьянинъ ославили ихъ опочиванъ покойно. Мужикъ идучи, сказалъ Видолшару, что онъ опмешилъ солдатамъ бришемъ за шо, что они ѣзда по деревнямъ обижаюшь весьма много крестьянъ.

Какъ скоро перешли они по поле, на кошоромъ ославили упившихся воиновъ, шо увидѣли на другомъ дубинное сраженіе, кошорое происходило между мужиками за землю. Въ ихъ глазахъ одинъ опважной съ глупостью крестьянинъ ударилъ другаго въ самое пѣмя оглоблею, не сказавъ ему, чтообы онъ поспоронился, шакъ не осторожно, что мужикъ шопъ въ одну минушу переселился на шопъ свѣпъ, и здѣлалъ изъ своей особы лишняго покойника въ мірѣ. Когда же кончилась сія мужицкая брань, и все деревенское воинство разо-

шлося по домамъ, то осталая мершвой креспянинъ на рашномъ полѣ, въ знакъ побѣды и завоеванія сельскаго. Внидолшаръ предложилъ своему шоварицу, чшобъ нарядишь мершваго мужика въ жреческое плашье и положишь въ кибитку къ солдатамъ, а ему одѣвшись въ креспянское, чшобъ шѣмъ укрывъ свой побѣгъ, и опврашишь п дозрѣнїе; какъ согласенось, шакъ и сдѣлано. Въ сіе время опецъ Внидолшаръ ондалъ жреческое плашье, и скинулъ съ себя духовное имя, кошорое долго время прикрывало всѣ его дурные ошъ опважности произходящїе пороки. Мершвой креспянинъ въ жреческомъ плашьѣ опнесенъ былъ къ спящимъ воинамъ; рашное поле очищено, Внидолшаръ превращенъ въ Неоха, а солдаты оснавлены выпашься въ покоѣ. Неохъ и мужикъ поблагодаря другъ друга, одинъ за одолженїе, а другой, что заплачено ему за оное весьма изрядно, разошлись. Куда пошелъ креспянинъ, объ ешомъ я не извѣшенъ; а что касается до Неоха, шо хошя я не шелъ за нимъ слѣдомъ, однако знаю всѣ его намѣренїя, и что впередъ съ нимъ случишься можеть.

Слова сїи хопя и не означаютъ загадки, однако иѣчто такое, чего я и самъ, правду выговоришь, не понимаю.)

Неоху ни коимъ образомъ не можно было возвратившись въ Новгородъ, и для того оправился онъ въ Винешу, гдѣ ишелъ для себя изрядное мѣсто, а именно сдѣлался онъ у одного знашнаго господина Секретаремъ шакихъ дѣлъ, кошорыя оправлялися у его Высокопревосходительсва въ спальнѣ. Начало всшупленія Нехова въ сїю должность весьма было изрядно, но конецъ несравненно сдѣлался лучшимъ; ибо онъ сего началось прямое его счастіе, лучшее продолженіе исторіи, веселыя приключенія, въ кошорыхъ начнешь показываться Нехъ героемъ сей повѣсти, разумнымъ и добродѣтельнымъ человекомъ, великимъ Министромъ, кошорымъ иномъ награжденъ онъ будешь вскорѣ, спраснымъ любовникомъ и изобрѣшашелемъ великія вещи, а именно: пафпяной мушки, которая скрывалась до сего въ модномъ Лавиринѣ, въ ко-
мъ храняпся всѣ сїи рѣдкости.

Когда солданы возвратившись въ городъ объявили жрецамъ о смерти мнимо ошца Внидолшара, тогда сѣи велѣли разгласить по всему городу его прешусленіе. Народъ услышавъ сѣе просилъ его шѣла, и шобъ сдѣлать досшойное ему поруганіе: чего ради жрецы ни мало не медля, опредѣлили зжечь его всенародно. Въ назначенное къ шому время всѣ жишели великаго Повагорода собрались на шо поле, на кошоромъ должно было истребить виновнаго, выключая одной шолько Владимиры, а можешъ бышъ и многихъ, чего я и шшверждаю не смѣю, хошя весьма ошвакенъ въ моцхъ предпріятіяхъ и храбръ довольно. Храбросшъ же мою оказываю я временемъ; въ горницѣ иногда сражаюсь съ мухами; а когда бываю въ лѣсу, шо воюю съ коморами, или со всякою шаккою шварью, кошорая меня боишя; и прочемъ, часшо рассказываю о бапаліяхъ, о раззореніи городовъ, о убійствѣ великаго числа солдатъ, о смерти во время войны многихъ Полководцевъ безъ всякаго шрашу, и ишшверждаю, что ежели бы я былъ шамо, шобъ бы надѣлалъ великія чудеса, и удивилъ храбросшю

моею цѣлую половину свѣпа; но въ самой вещи не шокмо военной службы, но и одной военной одежды боюся: что не ложь, шо правда, а что неправда, шо новая испинна, богиня приказныхъ служилелей шѣхъ, копорые охошники до вляшковъ, или шѣхъ людей, кои подобны миъ въ храбросни, хоша и находяшя въ военной службѣ, но шрусашъ войны больше, нежели я, копорой лгу самъ на себя, будшо боюся умереть; знаю, что шѣ скорѣе въ гробъ ложашся, копорые всего боияся.

Въ глазахъ всего народа посшрадалъ невинной мужикъ за беззаконнаго студенна; шѣло его было созжено и прахъ развѣянъ по вѣшру, копорой расшаскали Орифѣины дѣпи, такъ какъ молву и смашеніе народное. Владимира жалѣла ли объ олицѣ, объ епомѣ я не изѣсшешъ; ибо она миъ сего не сказывала, а лжи прсашъ я не намѣренъ; хоша совѣсно выговоришь, что и сама правда безъ краснаго слова не казиспа; однако надобно знашь время и распорядишь часы, когда лгашъ и говоришь правду, чтооу не сомѣшь прожисшься соѣсшью для шего, чтоо сушь у насъ два рода лю:

дей : одни чрезвычайно любящъ несо-
вѣстныхъ и льстецовъ, а добродѣтель-
ныхъ ненавидящъ; а другіе жалуютъ лю-
дей правдивыхъ и совѣстныхъ, напро-
тивъ того льстецовъ и обманщиковъ
шербить не могутъ: чего ради должны
мы стараться бытъ и то и другое, еже-
ли хотимъ получить счастье въ людяхъ.
Чтожъ касается до Неоха, то госпожа
Владимира не выпускала его никогда
изъ своихъ мыслей; ибо она въ него
влюбилась; а чтобъ влюбиться,
то на ея не много удобно времени,
довольно одной минутой. Время поку-
пается весьма дорого, не смотря на то,
что мы на бездѣлицы его шрапимъ; а
это производя оубъ много, что мы
сами себя не понимаемъ. Всѣ дни пре-
проводила она въ великомъ сѣтованіи.
Полученная свобода и ссавшееся ей
послѣ рожденія имѣніе не приносили ни-
какого облегченія въ печали; ибо она
думала, что дѣйствительно созданъ
былъ Неохъ подъ именемъ Внидолта-
ровымъ; о жречесствѣ его (была она из-
вѣстна, и обо всемъ, что происходило
до посланія Неохова въ заключеніе. Воз-
ненавидѣла она сама себя, и гонова бы-

да пресѣчь дни своея жизни прагматическимъ образомъ, но естъ, заколошься кинжаломъ, или выпить ядъ, чинобъ преселишь ей въ царство мершвыхъ, и шамъ соединившись съ любовникомъ начинашь жить снова. Когда же находилась она въ семъ оштанги, но чрезъ нарочно посланнаго получила письмо оиъ Неоха слѣдующаго содержания :

ГОСУДАРЬНЯ МОЯ !

„Человѣкъ, преселившійся на шонъ свѣиъ, ни чинашъ, ни писашъ уже не умѣишь, а особливо лобъныхъ писемъ; я писалъ сіе письмо своею рукою: слѣдственно я живъ; а должностъ живаго Неоха желашъ тебѣ всякаго благополучія, любишь тебя чрезвычайно и бышь вѣрнымъ до гроба. Я нахожусь теперь въ Винешъ во всякомъ благополучіи; а какъ чельзя мнѣ прѣхашъ въ Новгородъ, шо про ту тебя и ѣхашъ въ Винешу, въ кошоромъ ты найдешъ вѣрнаго и починающаго тебя Неоха, еспли оиъ тебѣ надобенъ. Ожидая ошеишъ, и не желая ни когда съ тобою разлучишь, ошашъ охотный швой слуга,

Неохъ.

Сей вечеръ и третья часть сказокъ кончены такимъ образомъ : сказывальщикъ перешалъ продолжашъ Неоховы приключенія, а сочинитель и по неволѣ замолчалъ долженъ, ибо говоришъ онъ чужими ушами. И шакъ предпріялъ спараться объ окончаніи сей сказки, кошорая начаша имъ подъ именемъ : „Рожденіе шафіпяной мушки. Окопчавъ же сію часнь, имѣешъ онъ въ мысляхъ сію пословицу : „ конць вѣнчаешъ „дѣло.

БОЛЬШЕ НИЧЕГО.

Stanford University Libraries

3 6105 001 341 390

3311
.C5.P4
1789
v.3

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 2 2002
SEP 2 12 2002

